

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2022

3 (21)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов	А. С. Десницкий	Д. В. Микульский
Л. Б. Алаев	А. Ю. Другов	Д. В. Мосяков
Ю. Г. Александров	Д. В. Дубровская	В. Н. Настич
А. К. Аликберов	А. О. Захаров	В. В. Наумкин
В. М. Алпатов	Т. А. Карасова	К. В. Орлова
С. Э. Бабкин	Е. Л. Катасонова	С. А. Панарин
А. Г. Белова	А. И. Кобзев	Н. И. Пригарина
В. Я. Белокреницкий	В. А. Кузнецов	Н. Г. Романова
С. А. Бурлак	Ю. В. Любимов	А. В. Сарабьев
А. В. Воронцов	Н. М. Мамедова	В. Н. Саутов
А. В. Демченко	С. Е. Малых	Т. А. Шаумян

Верстка текста и дизайн обложки номера

И. В. Федулов

На обложке: Индонезия, Бали: брат и сестра во время обряда «подпиливания зубов» (возрастной инициации). Фото Десак Маде Суарти Лаксми.

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2022

3 (21)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor)

Certificate of mass media registration: ПИИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

L. B. Alaev

Y. G. Aleksandrov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. S. Desnitskiy

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

S. A. Panarin

N. I. Prigarina

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

Design text and cover

Ilia Fedulov

On the cover: Indonesia, Bali: brother and sister during the ritual of “teeth filing” (age initiation).

Photo by Desak Made Suarti Laksmi.

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2022

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Тимохин Д. М.* Ануш-тегин как эпоним хорезмийской династии в мусульманских источниках 10
- Молодяков В. Э.* Эдмон Плошю — французский апологет японской колониальной экспансии 23

ИДЕИ И КУЛЬТУРЫ

- Десак Маде Суарти Лакми.* Обрядовое пение: кидунг как религиозная практика на современном Бали 29
- Франгулян А. Р.* «Ангельский гимн» как пример коптской гимнографии 43
- Миклухо-Маклай Н. Н.* Сохранение научного и историко-культурного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая в контексте развития культурных связей России с Папуа-Новой Гвинеей 54

ФИЛОЛОГИЯ

- Столбова О. В.* О происхождении глагола «писать» в чадских языках 77
- Научный дебют
- Банцферова О. А.* Формулы вежливости в речах арабских политических деятелей и в арабской средневековой поэзии 85

ЭКОНОМИКА И СОЦИУМ

- Авдаков И. Ю.* Социально-экономическая и культурная деятельность железнодорожных компаний Японии в XX столетии 92
- Графов Д. Б.* Неформальные отношения в индийском обществе 98
- Кандалинцев В. Г.* Китайский стиль управления: кросс-культурная интеграция 112

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- Дмитриев С. Д.* Наталья Павловна Свистунова (12.06.1930 – 06.09.2022) 121

ХРОНИКИ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

- Васильев А. Д., Горяева Л. В., Курникова О. М., Чарыева Н. К.* Научная конференция «Бартольдovskiе чтения» 126
- Серенко И. Н.* Международная научная конференция «Исламская республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)» 132
- Walid Iqbal, Senator, Chairman of the Senat Standing Committee on Human Rights (Pakistan).* Address to the International Conference at the 75th Anniversary of Pakistan's Independence. 26th September 2022. Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences, Moscow 150

<i>Макаренко В. В.</i> Курдско-пуштунские параллели как отражение лимитрофной природы курдского и пуштунского миров	153
<i>Озманян М. С.</i> Курдский след в Пакистане	168
<i>Серенко И. Н.</i> Россия — Пакистан — Кыргызстан: общая социокультурная память в контексте евразийской интеграции	174
<i>Прохоров Р. Е.</i> Пакистано-итальянские отношения: горизонты сотрудничества и перспективы развития	181
<i>Федорова И. Е.</i> К ирано-пакистанским отношениям	188

CONTENTS

HISTORY

- Timokhin D. M.* Anush-tegin as an Eponym of the Khorezm Dynasty in the Muslim Sources 10
V. E. Molodyakov. Edmond Plauchut — French Apologist of the Japanese Colonial Expansion 23

IDEAS AND CULTURES

- Desak Made Suarti Laksmi.* Ceremonial Singing: Kidung as Religious Praxis in Contemporary Bali 29
L. R. Frangulyan. ‘Angelic Hymn’ as an Example of Coptic Hymnography 43
N. N. Mikloubo-Maclay. Preservation of Scientific, Historical, and Cultural heritage of N.N. Miklouho-Mackay in the Context of Development of Cultural Ties Between Russia and Papua New Guinea 54

PHILOLOGY

- O. V. Stolbova.* On the Origin of the Verb ‘to Write’ in Chadic Languages 77
Academic Debut
O. A. Bantserova. Politeness Formulas in the Speeches of Arab Political Leaders and Arabic Medieval Poetry 85

ECONOMY AND SOCIUM

- I. Yu. Avdakov.* Socio-economic and Cultural Activities of Railway Companies in Japan in the XX century 92
D. B. Grafov. Informal Relations in Indian Society 98
V. G. Kandalintsev. Chinese Management Style: Cross-Cultural Integration 112

FROM THE HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA

- S. D. Dmitriev.* Natalia Pavlovna Svistunova (12.06.1930 – 06.09.2022) 121

ACADEMIC EVENTS

- A. D. Vasiliev, L. V. Goryaeva, O. V. Kurnikova, N. K. Charyeva.* Barthold Readings 126
I. N. Serenko. International Conference “The Islamic Republic of Pakistan: Problems and Prospects of Development (on the 75th Anniversary of Independence)” 132
Walid Iqbal, Senator, Chairman of the Senat Standing Committee on Human Rights (Pakistan). Address to the International Conference at the 75th Anniversary of Pakistan’s Independence. 26th September 2022. Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences, Moscow 150

<i>V. V. Makarenko.</i> Kurdish- Pashtun Parallels as a Reflection of the Limitrophic Nature of the Kurdish and Pashtun Worlds	153
<i>M. S. Ozmanyanyan.</i> Kurdish Trace in Pakistan	168
<i>I. N. Serenko.</i> Russia — Pakistan — Kyrgyzstan: Shared Sociocultural Memory in Eurasian Integration Context	174
<i>R. E. Prokhorov.</i> Pakistani-Italian Relations: Horizons for Cooperation and Prospects for Development	181
<i>I. E. Fedorova.</i> Current State Of Iran-Pakistan Relations	188

DOI 10.31696/2618-7302-2022-3-010-022

АНУШ-ТЕГИН КАК ЭПОНИМ ХОРЕЗМИЙСКОЙ ДИНАСТИИ В МУСУЛЬМАНСКИХ ИСТОЧНИКАХ

© 2022

Д. М. Тимохин¹

В данной статье автор проводит анализ формирования в мусульманской литературе XII–XIII вв. эпонима династии хорезмийских правителей, чья власть в этом регионе начинается с 1097 г. и заканчивается в эпоху монгольского нашествия. Речь идет о династии Ануштегинидов и об отце первого хорезмшаха, Кутб ад-Дина Мухаммада, в честь которого эта династия и была названа исследователями. Ануш-тегин или Нуш-тегин Гарча/Гарджа, по свидетельству средневековых мусульманских историков, сам никогда не управлял Хорезмом, однако его потомки сумели не только закрепиться в этих землях, но и создать одно из самых могущественных мусульманских государств Среднего Востока, которое удалось разрушить лишь монгольским завоевателям. Несмотря на пристальное внимание к державе хорезмшахов в исследовательской среде, которое нашло свое отражение в многочисленных специальных трудах, до сегодняшнего дня мы не видим в российской и зарубежной науке ни одного исследования, посвященного предку династии Ануштегинидов, а точнее — анализу описания его биографии в мусульманских источниках. Исследователи, опираясь преимущественно на сообщения по данному поводу историка первой половины XIII в. Ибн ал-Асира, транслировали его рассказ об Ануш-тегине, не принимая зачастую в расчет характер и объем информации об этом эпониме в составе более ранних памятников. Нами же будет предпринята попытка разобраться с тем, что пишут об Ануш-тегине мусульманские авторы XII в., насколько полно его биография по сравнению с «ал-Камил фи-т-тарих» Ибн ал-Асира отражена в этих текстах и какова специфика их описания биографии предка хорезмийских правителей. Кроме того, мы постараемся рассмотреть и то, на какие домонгольские тексты могли опираться Ибн ал-Асир и последующие историки в своих реконструкциях истории жизни и деятельности Ануш-тегина, а также то, какие противоречия в данном случае могли возникать между отдельными авторами. Надеемся, что эта работа окажется полезна специалистам по истории Среднего Востока в домонгольский период, а также исследователям мусульманской исторической литературы XII–XIII вв.

Ключевые слова: Ануш-тегин, Хорезм, мусульманские источники, эпоним, сельджукская историография

Для цитирования: Тимохин Д. М. Ануш-тегин как эпоним хорезмийской династии в мусульманских источниках. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 10–22.

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-010-022

¹ Тимохин Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru.

Dmitry M. Timokhin, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-9093-5269

ANUSH-TEGIN AS THE EPONYM OF THE KHOREZM DYNASTY IN MUSLIM SOURCES

Dmitry M. Timokhin

In this article, the author analyzes the formation in Muslim literature of the twelfth — thirteenth centuries of the eponym of the dynasty of Khorezm rulers, whose power in this region begins in 1097 and ends in the era of the Mongol invasion. We are discussing the Anushteginid dynasty and the father of the first Khorezmshah, Qutb ad-Din Muhammad, after whom this dynasty was named by researchers. According to medieval Muslim historians, Anush-tegin or Nush-tegin Garcha/Garja himself never ruled Khorezm, but his descendants not only managed to gain a foothold in these lands, but also created one of the most powerful Muslim states of the Middle East, which was destroyed only by the Mongol conquerors. Despite the close attention to the power of the Khorezmshahs in the research environment, which has been reflected in numerous special works, to this day we do not see in Russian and foreign literature a single study devoted to the ancestor of the Anushteginid dynasty, or rather, the analysis of the description of his biography in Muslim sources. Researchers, relying mainly on reports on this subject by the historian of the first half of the thirteenth century, Ibn al-Asir, broadcast his story about Anush-tegin, often not taking into account the nature and volume of information about this eponym as part of earlier sources. We will also attempt to understand what Muslim authors of the twelfth century write about Anush-tegin, how fully his biography is reflected in these texts in comparison with ‘al-Kamil fi-t-Tarikh’ by Ibn al-Asir, and what is the specificity of their description of the biography of the ancestor of the Khorezm rulers. In addition, we will try to consider what pre-Mongol texts Ibn al-Asir and subsequent historians could rely on in their reconstructions of the history of Anush-tegin’s life and work, as well as what contradictions in this case could arise between individual authors. We hope that this work will be useful to specialists in the history of the Middle East in the pre-Mongol period, as well as to researchers of Muslim historical literature of the twelfth-thirteenth centuries.

Keywords: Anush-tegin, Khorezm, Muslim sources, eponym, Seljuk historiography

For citation: Timokhin D. M. Anush-Tegin as the Eponym of the Khorezm Dynasty in Muslim Sources. Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2022. 3. Pp. 10–22. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-010-022

В работах российских и зарубежных исследователей в качестве эпонима правящей в Хорезме с 1097 по 1220 г. династии выступает Ануш-тегин (Нуш-Тегин — انوشتگين/نوشتگين), в честь которого в литературе за ней закрепилось название — Ануштегиниды [Ахинжанов, 1995, с. 201; Бартольд, 1963, с. 386; Бартольд, 1964, с. 536; Kafesoğlu, 1953, p. 20, 145; Bosworth, 1986, p. 140; Cambridge History of Iran, 1968, p. 66, 93, 141–142]. Уже в классической монографии З. М. Буниятова сообщается следующее об «основателе» этой династии: «Ануш-тегин — предок династии хорезмшахов, по имени которого ее иногда называют династией Ануштегинидов, был в юности тюркским рабом (мамаюком) в Гарчистане. О тюркском происхождении Ануш-тегина и его принадлежности к огузскому роду Бекдили сообщают Рашид ад-Дин и Хафиз-и-Абру» [Буниятов, 1986, с. 6]. Для нас важно подчеркнуть, что в своем рассказе об Ануш-тегине данный исследователь ссылается на относительно поздние мусульманские тексты монгольского периода, в том числе при доказательстве тюркского происхождения и племенной принадлежности этой исторической личности [Буниятов, 1986, с. 196]. Здесь мы хотели бы обратить внимание на более ранние исторические тексты, в которых описывается история Ануштегинидов, для того чтобы показать, как складывалось в мусульманской историографии представление об эпониме указанной династии хорезмийских правителей,

когда впервые упоминается имя Ануш-тегина в качестве предка династии и как формируется биография этого персонажа. Все это позволит, с одной стороны, лучше понимать особенности формирования нарратива вокруг указанной личности в домонгольский и собственно монгольский период, а с другой — выяснить, насколько можно доверять рассказам мусульманских авторов об Ануш-тегине, существовал ли вообще этот человек или же был скорее выдуманной личностью, чью биографию затем искусственно сформировали мусульманские авторы. Вероятно, наша статья окажется полезной не только специалистам по истории Хорезма и его правителей, но и тем, кто интересуется памятниками мусульманской историографии XII–XIII вв.

В сочинениях домонгольского периода история Хорезма в годы правления династии Ануштегинидов описывается весьма специфическим образом: в более раннем исследовании мы уже обращали внимание на то, что мусульманские историки XII в. практически не предлагают цельной картины правления того или иного хорезмшаха, ограничиваясь отдельными эпизодами [Тимохин, 2021(а), с. 45–56]. Мы не будем специально останавливаться на этом любопытном историографическом явлении, поскольку, как уже отмечали выше, уделили ему достаточно внимания ранее, а здесь отметим другой важный для нас сюжет: большинство авторов домонгольского периода не предлагает в своих сочинениях биографии Ануш-тегина, упоминая его лишь при указании полного имени того или иного правителя Хорезма. Здесь наиболее ярким примером следует признать памятники «сельджукской историографии», в составе которых имя Ануш-тегина упоминается лишь при описании деяний некоторых из его потомков. Чаще всего это касается правления хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Атсыза (1127–1156), о котором эти авторы пишут в связи с его противостоянием с сельджукским султаном Хорасана — Муизз ад-Дином Абу-л-Харисом Ахмадом Санджаром (1118–1157 гг.). В частности, Садр ад-Дина ал-Хусайни в «Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа» («Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукиййа») пишет следующее: «Когда султан Санджар направился на войну с хитаи, хорезмшах ‘Ала’ ад-Дин Атсыз ибн Мухаммад ибн Ануш-тегин воспользовался тем, что [султан] занят, и вступил в Мерв, [захватив] его силой и уничтожив знатных лиц из [числа] его жителей» [Ал-Хусайни, 1980, с. 93]. Ровно такую же титулатуру правителя Хорезма мы находим и у ‘Имад ад-Дина Исфакхани в его сочинении «Нусрат ал-фатра ва ‘усрат ал-фитра» в рассказе о том же сельджукском правителе и его войне с хорезмшахом Атсызом [Histoire des seldjoucides, 1889, s. 280]. Любопытным исключением в этом случае будет сочинение «Сельджук-намэ» Захир ад-Дина Нишапури, где автор не только включает имя Ануш-тегина в состав титулатуры того же хорезмшаха, но и позволяет себе добавление к нему, которое отсутствует в текстах ал-Хусайни и ‘Имад ад-Дина Исфакхани — «Гарча/Гарче»². Нишапури, описывая успехи султана Санджара, сообщает помимо всего прочего, что он «овладел Систаном и Хорезмом и Атсызу ибн Мухаммаду ибн Нуш-тегину Гарджа (غرجه) дал титул хорезмшаха» [Nishaburi, 1953, s. 44]. Данное сообщение почти слово в слово повторяет другой мусульманский автор XII в., Мухаммад ибн Али Раванди, в сочинении «Рахат ас-сукур ва айат ас-сукур», опускающая лишь упоминание региона Систан. «И [Санджар] захватил Хорезм и Атсызу ибн Мухаммаду ибн Нуш-тегину Гарджа (غرجه) дал титул хорезмшаха» [Ravandi, 1921, s. 169].

К приведенной выше цитате из сочинения Раванди в издании этого источника, которое было осуществлено Мухаммадом Икбалем, мы находим такой комментарий: «Газджэ (غرجه),

² В приведенной нами выше цитате из монографии З. М. Бунятова сказано о том, что Ануш-тегин был мамлюком в области Гарчистан, регионе, расположенном между Хорасаном и Заминдаваром (совр. Афганистан). Использование ранними авторами такого добавления к имени Ануш-тегина говорит, как минимум, о его связи с этим регионом — Д.Т.

Гаршаджэ (غرشجه): «И тот, кого называют предком [или отцом Мухаммада³ хорезмшаха] Нуштегин, был мамлюком сельджукского эмира Исмаила Бильке-бека и куплен им у человека из области Гаршестан (Гарджастан — غرجهستان/غرشتهستان) и поэтому его звали Нуштегин Гаршаджэ» [Ravandi, 1921, s. 169, comm. 3]. Перед нами прямая цитата из сочинения Ибн ал-Асира «ал-Камил фи-т-тарих», и ее также использовал В. В. Бартольд в своем классическом исследовании «Туркестан в эпоху монгольского нашествия»: «Дед Атсыза, Ануш-тегин Гарджа, был рабом сельджукского эмира Бильгя-тегина (или Бильгя-бека) и получил свое прозвание оттого, что был куплен Бильгя-тегином у одного из жителей Гарджистана» [Бартольд, 1963, с. 386]. Полный же рассказ по этому поводу у этого историка первой половины XIII в., то есть Ибн ал-Асира, звучит таким образом: «Когда Хорасан успокоился и, как мы уже сообщили, был убит Кудан, [Дад Хабаши] назначил правителем Хорезма эмира Мухаммада ибн Ануш-тегина, отец которого Ануш-тегин, был рабом одного из сельджукских эмиров по имени Билга-бек (Бильге-бек), который купил его у одного человека из Гарчистана. Он вырос, и возвысилось его положение. Он был хорошего поведения, совершенных качеств, был выдающимся человеком, и к нему обращались с делами. У него родился сын, которому он дал имя Мухаммад, это был Мухаммад [Хорезмшах]. Он учил и воспитывал его и вывел в люди, а Мухаммад [далее] и сам пошел вперед благодаря милости Божьей» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 231–232; Ibn-el-Athiri Chronicon, 1864, s. 182]. Как видно из приведенных выше исследовательских практик, для описания биографии Ануш-тегина Мухаммад Икбаль и В. В. Бартольд прибегают к одному и тому же относительно позднему тексту Ибн ал-Асира. В то же время более ранние авторы Нишапури и Раванди приводят прозвище Ануш-тегина безо всякого объяснения его происхождения, в отличие от автора «ал-Камил фи-т-тарих». Откуда последний мог заимствовать столь подробный рассказ о биографии интересующей нас исторической личности, мы попытаемся разобраться ниже, а пока вернемся к мусульманским сочинениям XII в., которые содержат в себе сведения о хорезмшахах из династии Ануштегинидов.

Здесь стоит отметить, что отдельные авторы, указывая на те или иные события, связанные с Хорезмом и его правителями, вовсе не упоминают имени Ануш-тегина или Нуштегина даже в рамках развернутого имени того или иного хорезмшаха, а то и вовсе употребляют титул «хорезмшах» без имени или же с одним собственным именем⁴. В качестве яркого примера такой тенденции достаточно вспомнить труд Наджм ад-Дина Абу-л-Резы ал-Кумми «Тарих ал-Вузара», где упоминаются такие правители Хорезма, как Атсыз, Текиш и его брат Султан-шах Махмуд, однако их полных имен в этом сочинении не приводится и, соответственно, упоминаний Ануш-тегина в нем также нет [al-Qummi, 1985/1363, s. 203–207, 235–236]. Впрочем, отдельные авторы этого периода, описывая те или иные события XII в., связанные с историей Хорезма, могут использовать, как мы отмечали выше, лишь титул «хорезмшах» без имени, что затрудняет идентификацию его с конкретным правителем региона, как это можно отметить в нарративе Абу-л-Фараджа Ибн ал-Джаузи «ал-Мунтазам фи тарих ал-мулук ва-л-умам». Здесь при описании событий, происходивших в мире, мусульманский историк дважды в рассказе о державе сельджукского султана Санджара упоминает титул «хорезмшах», под которым, вероятнее всего, следует понимать ‘Ала’ ад-Дина Атсыза [Al-Muntazim fi Tarikh, 1992, j. 17, s. 284; См. также — Тимохин, 2021(а), с. 45–56]. Таким образом, в составе «больших нарративов» XII в., а сочинение Ибн

³ Речь идет о хорезмшахе Кутб ад-Дине Мухаммаде (1097–1127) — Д.Т.

⁴ В качестве примера можно привести описание похода хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Атсыза в сборнике документов и писем, известном исследователям под названием «Инша», датированное 1133 г., где вообще не упоминается имя правителя Хорезма [Бартольд, 1898, с. 37–38]. Об этом источнике и походе хорезмшаха подробнее см.: [Тимохин, 2022(а), с. 371–382].

ал-Джаузи вполне может быть к таковым отнесено уже исходя из жанровой принадлежности, поскольку представляет собой «всеобщую историю», имена хорезмшахов могут вообще выпадать. Отчасти это можно объяснить тем, что вплоть до начала XIII в. правителей Хорезма рассматривали лишь как одних из многих региональных лидеров, и даже их усиление во второй половине XII в. вряд ли изменило к ним отношение. С другой стороны, даже в «локальных хрониках» XII в. интересующий нас материал также может отсутствовать — так, например, Абу-л-Хасан Бейхаки (Ибн Фундук) в своем труде «Тарих-и Бейхаки» также не упоминает Ануш-тегина и не приводит никаких сведений о нем [Bayhaki, 1317]. Такого рода сочинения, впрочем, даже за счет более поздних дополнений могут быть малополезны для реконструкции биографии основателя династии хорезмшахов: в частности, в продолжении сочинения Афзал ад-Дина Кермани, написанном Мухаммадом ибн Ибрахимом, фигурируют лишь личные имена хорезмшахов — ‘Ала’ ад-Дина Текиша (1172–1200) и ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада (1200–1220) [Mohammad ibn Ibrahim, 1886, s. 198–201].

Справедливости ради стоит отметить, что даже в официальной документации XII в., в том числе и хорезмийской, в составе полного имени и титулования того или иного правителя Хорезма Ануш-тегин в большинстве случаев не упоминался. Так, в своем сборнике писем и государственных указов, названном «ат-Тавассул ила ат-Тарассул», это имя не использует Баха ад-Дин Мухаммад ал-Багдади, который в титулатуре ‘Ала’ ад-Дина Текиша упоминает только лишь его отца: «Повелитель мира Великий султан Текиш хорезмшах Ил-Арслан от Аллаха Всевышнего поддержка» [al-Bagdadi, 1937, s. 144]. В сборнике писем, составленном Рашид ад-Дином Ватватом, этот хорезмшах и вовсе маркируется лишь именем собственным [Vatvat, 1960, s. 175–176], а что касается более ранних правителей Хорезма, то в одном из приведенных им писем титулатура ‘Ала’ ад-Дина Атсыза записана следующим образом: «Другое письмо, к хорезмшаху благоденствующему в прошлые годы ‘Ала’ ад-Дину Атсызу, да будет милостив к нему Аллах» [Vatvat, 1960, s. 133]. Имя Атсыза упомянуто и в сборнике рассказов Низами Арузи Самарканди «Чахар магалэ», который был также составлен в XII в., однако и в нем автор называет правителя Хорезма просто «хорезмшах Атсыз» [Самарканди, 1963, с. 50; The Shahár maqála, 1900, p. 38–39]. Таким образом, можно вполне смело заявить о том, что среди дошедших до нас мусульманских исторических сочинений и иных письменных текстов биография Ануш-тегина не описывается вовсе. Упоминания его имени в составе полного именованного того или иного правителя Хорезма тоже можно считать достаточно редким явлением в составе памятников XII в., и это тем более странно, что ряд авторов, приведенных выше, как, например Садр ад-Дин ал-Хусайни, находились на хорезмийской службе [Бартольд, 1900, с. 30], в связи с чем должны были иметь представление о генеалогии династии Ануштегинидов⁵. Однако, как видно из приведенных многочисленных примеров, Ануш-тегин как эпоним династии хорезмшахов остается для авторов XII в. фигурой малоизвестной. В связи с этим разберем, меняется ли ситуация с этой исторической личностью в исторических источниках XIII в., в том числе и монгольского периода.

Наиболее ранние сочинения XIII в. в отношении внимания к фигуре Ануш-тегина мало отличаются от памятников предшествующего столетия: так, например, в географическом сочинении «Джахан-наме» Мухаммада ибн Наджиба Бакрана вообще не упоминается имя основателя династии Ануштегинидов. Более того, несмотря на то, что сам этот труд был посвящен хорезмшаху ‘Ала’ ад-Дину Мухаммаду [Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1939, с. 49], автор позволяет себе привести весьма красочное титулование этого правителя без упоминания

⁵ Впрочем, то же самое можно сказать и о Рашид ад-Дине Ватвате и Баха ад-Дине Мухаммада ал-Багдади [Тимохин, 2021(a), с. 45–56].

его предков [Бакрāн, 1960, л. 1б]. Также прослеживается здесь и упомянутая традиция, которая была отмечена в обзоре мусульманских сочинений XII в.: использование при описании исторических событий лишь титула «хорезмшах» вообще без указания собственного имени. Здесь прекрасным примером будет хорошо известное исследователям сочинение «Шаджарай-е ансаб-е Мобаракшахи» или «Бахр ал-Ансаб» Мухаммада ибн Мансура ибн Са'ида или Фахр-и Модаббира (Мубаракшах), в котором описывается борьба Гуридов и правителей Хорезма практически без указания на то, о каком именно хорезмшахе идет речь [Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubarakshah, 1927, s. 25]. Современник Фахр-и Модаббира, выдающийся мусульманский историк Сейид ад-Дин Мухаммад ибн Мухаммад Бухари 'Ауфи, описывает правителей Хорезма сразу в двух своих сочинениях — «Джавам ул-хекаят ва лаваме ур-ревайат» и «Лубаб ал-албаб». В первом из них он приводит несколько рассказов об 'Ала' ад-Дине Атсызе и 'Ала' ад-Дине Текише, которые интересны как сами по себе, так и в сравнении с данными других мусульманских историков, однако им ни разу не приводятся сведения об эпониме хорезмийской династии [Бейсембиев, 2015, с. 178–206, 197–230]. В состав «Лубаб ал-албаб» включен, в частности, весьма большой рассказ о правлении все того же Атсыза, в начале которого 'Ауфи приводит титулование этого хорезмшаха, однако в нем упоминается лишь его отец, Кутб ад-Дин Мухаммад, а имя их предка, Ануш-тегина (Нуш-тегин), этот автор также не называет [Lubabu 'l-Albab, 1906, s. 25–27]. Впрочем, даже хорошо знакомый с историей династии Ануштегинидов личный секретарь хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны (1220–1231), Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, в «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» не приводит никакого рассказа об эпониме этой династии, ограничиваясь упоминанием Ануш-тегина применительно к рассказу «...о величайшем султани 'Ала' ад-Дунйа ва-д-Дине Абу-л-Фатхе Мухаммаде ибн Такише ибн Ил-Арслане ибн Атсызе ибн Ануш-тегине...» [ан-Насави, 1973, с. 44; ün-Nesevî, 1934, s. 9].

Столь подробный обзор мусульманских сочинений XII — первой половины XIII в. был сделан нами затем, чтобы еще раз подчеркнуть тот факт, что впервые подробное описание биографии Ануш-тегина как предка династии хорезмшахов среди дошедших до нас источников встречается лишь у Ибн ал-Асира в его «ал-Камил фи-т-тарих». Все более ранние авторы и даже современники этого мусульманского историка, чьи тексты дошли до нас, в лучшем случае просто упоминают это имя при описании деяний того или иного правителя Хорезма, однако иногда не делают даже этого. Что же касается рассказов об Ануш-тегине, то их до Ибн ал-Асира не найти ни в составе больших нарративов, ни в рамках локальных хроник или сочинений иного жанрового характера. Все это может заставить исследователя предположить, что именно с текста «ал-Камил фи-т-тарих» и берет свое начало традиция описания жизни эпонима династии Ануштегинидов, а последующие авторы транслируют ее вслед за Ибн ал-Асиром, однако все намного сложнее.

Для начала хотелось бы привести цитату из «Тарих-е Джахан-гошай», законченного персидским историком Джувейни к 1260-му г. и представляющего собой яркий пример придворной монгольской историографии. В этом сочинении рассказ о правителях Хорезма начинается следующим образом: «О том записано в Машариб ат-Таджариб Ибн Фундука ал-Байхаки, что является продолжением Таджариб ал-Уман, а также упоминается в разделе истории Джавами ал-Улюм Рази — а эта последняя работа написана для султана Текиша, — что некий Бильге-Тегин был главным чиновником дома Сельджуков, как при Саманидах Алп-Тегин был главнокомандующим армии Хорасана. Этот Бильге-Тегин купил в Гарчистане раба-тюрка по имени Нуш-Тегин Гарча, который благодаря своему уму и благоразумию постепенно возвышался до великих чинов, пока не стал важным лицом в доме Сельджуков, как Себук-Тегин в последние

дни Саманидов, и не получил должности смотрителя умывальни. А расходы на эту должность в те дни покрывались за счет налогов, получаемых с Хузистана. И потому Нуш-Тегин получил звание пшихны Хорезма. У него родилось несколько сыновей, старшего из которых, Кутб ад-Дина Мухаммада он поместил в школу в Мерве, чтобы тот мог обучиться этикету и правилам руководства и отдачи приказов» [Джувейни, 2004, с. 191; Juwayni, 1997, p. 277–278].

За исключением отдельных деталей сообщение Джувейни совпадает с цитатой из труда Ибн ал-Асира, которую мы привели выше, однако более поздний историк сразу обозначает свои источники, на которых он реконструирует раннюю историю хорезмийских правителей. Один из таких текстов, «Джами' ал-улум» Фахр ад-Дина ар-Рази, дошел до нас и хорошо известен исследователям, однако сведения о правителях Хорезма в этом источнике касаются преимущественно правления 'Ала' ад-Дина Текиша [al-Razi Fakhr al-Din, 1988, s. 127–128], которому автор и посвятил свое произведение [Агаджанов, 1969, с. 21]. Следовательно, сведения об Ануш-тегине Джувейни черпал из второго приведенного им сочинения — «Машариб ат-таджариб ва гавариб ал-гара'иб» [Агаджанов, 1969, с. 16; Бартольд, 1900, с. 32–33; Бартольд, 1973, с. 586]. Данный источник до нас не дошел, однако известно, что он был написан в жанре «всеобщей истории», как это отметил уже В. В. Бартольд, все тем же Абу-л-Хасаном Бейхаки (Ибн Фундук) [Бартольд, 1973, с. 586–587]. Несмотря на то, что о полном содержании этого сочинения мы вряд ли когда-то узнаем, его отрывки приводят разные историки XIII в., среди которых, помимо Джувейни, и Ибн ал-Асир. Важно отметить, что именно на основании этого труда в «ал-Камил фи-т-тарих» описывается борьба за хорезмийский престол между 'Ала' ад-Дином Текишем и его младшим братом, Султан-шахом Махмудом. Об использовании «Машариб ат-таджариб» Ибн ал-Асир пишет напрямую: «Это рассказывает Абу-л-Хасан ибн Абу-л-Касим ал-Байхаки в книге «Машариб ат-таджариб», а другой ученый [в области] истории рассказывает об этом с противоречием в некоторых вещах и перестановкой во времени» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 273]. Вполне логично, с нашей точки зрения, предположить, что данный историк выстраивал и свой рассказ об Ануш-тегине на основании сведения из труда Абу-л-Хасана Бейхаки, в связи с чем его повествование сходно в этой части с текстом Джувейни, который также сообщает о том, что использовал этот источник. Таким образом, именно не дошедший до нас труд XII в., «Машариб ат-таджариб ва гавариб ал-гара'иб», становится основой для рассказов об основателе династии Ануштегинидов, в то время как другие сочинения этого периода и даже начала XIII в. в лучшем случае упоминают лишь его имя, однако чаще всего не сообщают о нем ничего.

Благодаря влиянию «Тарих-и Джахан-гошай» Джувейни на более поздних авторов биография Ануш-тегина в том варианте, в котором ее представил этот персидский историк, «кочует» из одного более позднего сочинения в другое. Так, например, Мирхонд в своем обширном сочинении «Раузат ас-сафа фи Сират ал-анбийа ва-л-мулук ва-л-хулафа», составленном во второй половине XV в., пишет об Ануш-тегине следующее: «Предком султанов Хорезма называют Нуштегина Гарджа, и он был гулямом Белек Тегина, который входил в категорию маликов султана Малик-шаха. И этот Нуштегин являлся хранителем банных принадлежностей и затем после кончины Белек Тегина проявил мудрость и способность, и рассудительность, и высокое знание» [Mirhond, 1841, s. 1–2]. Исследователи отмечали тот факт, что этот поздний историк использовал в том числе труд Джувейни, и данная цитата лишь подтверждает это заключение [Бартольд, 1963, с. 107]. Любопытно, что знакомый с трудом Джувейни персидский историк Рашид ад-Дин Фазлоллах в своем сочинении «Джами' ат-Таварих» не приводит биографии Ануш-тегина, однако при описании биографии хорезмшаха Атсыза допускает любопытную ошибку, которая подчеркивает его знакомство с упомянутыми нами более ранними текстами. «В Хорезме

завладел делами верховного правления Атсыз ибн Мухаммад ибн Билгэ-тегин, являвшийся одним из столпов государства Сельджуков» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 80]. Перед нами все тот же Билге-тегин, о котором сообщают и Ибн ал-Асир, и Джувейни, купивший Ануш-тегина в качестве гуляма (раба) и благодаря которому последний сделал карьеру при сельджукском дворе: более поздний Рашид ад-Дин Фазлоллах, по-видимому, перепутал две эти исторические личности и сделал Билге-тегина основателем династии Ануштегинидов, к которой он не имел никакого отношения. Приведенный выше рассказ об эпониме хорезмийской династии, который приводят Ибн ал-Асир и Джувейни, должен логично отсутствовать в памятниках XIII в., которые историографически не связаны с «ал-Камил фи-т-тарих» и «Тарих-и Джахан-гошай»: здесь наилучшей иллюстрацией, с нашей точки зрения, будет труд Минхадж ад-Дина Абу Умара Усмана Бен Сирадж ад-Дина Джуджани «Табакат-и Насири», который также хорошо известен исследователям и чьи источники несколько отличаются от тех, на которые опирались Ибн ал-Асир и Джувейни [Бартольд, 1900, с. 25; Бартольд, 1963, с. 77].

Мы уже отмечали в специальном исследовании, что описание истории хорезмшахов в «Табакат-и Насири» в принципе отличается от того, что предлагают мусульманские историки более раннего периода, а также современники Джуджани и более поздние авторы [Тимохин, 2021(б), с. 261–281]. Впрочем, в отношении основателя династии Ануштегинидов это положение выглядит еще более справедливым: так, в соответствующем разделе «Табакат-и Насири» под названием «Малики хорезмийской династии» [Ṭabakāt-i-Nāširī, 1881, vol. I, p. 231–299] первые два правителя Хорезма по именам и биографии никак не совпадают с Ануш-тегином и его сыном, Кутб ад-Дином Мухаммадом, если ориентироваться на данные других мусульманских историков. Основателем же династии хорезмийских правителей, если следовать версии из «Табакат-и Насири», был некий «Кутб ад-Дунийя ва ад-Дин Айбек, Тюрк» [Ṭabakāt-i-Nāširī, 1881, vol. I, p. 231]. Уже издатель перевода «Табакат-и Насири», выдающийся ученый Генри Раверти, обратил внимание на то, что это имя, как и имя второго правителя Хорезма, в списке хорезмшахов у Джуджани не совпадает с данными другим мусульманских источников, и оставил по этому поводу обширный комментарий [Ṭabakāt-i-Nāširī, 1881, vol. I, p. 231, comm. 2], в котором, в частности, отметил следующее: «Наш автор в своем описании первых двух лиц этой династии полностью отличается от других авторов; и, поскольку он постоянно допускал большие ошибки в отношении других династий и иногда неправильно цитировал авторов, его заявление здесь, хотя и получено, как он утверждает, от потомка этих правителей, должно быть рассмотрено критически» [Ṭabakāt-i-Nāširī, 1881, vol. I, p. 231, comm. 2].

Автор «Табакат-и Насири» действительно сообщает о том, что ему сообщил биографию Кутб ад-Дина Айбека, Тюрка, лично малик Тадж ад-Дин, правитель Систана, со слов которого Джуджани и изложил биографию первого хорезмшаха. «Автор этой книги приехал из Хэсара Гура, в составе миссии от августейшего малика Рукн ад-Дина Мухаммада Усмана Марагхани для того, чтобы обеспечить [подписание] соглашения и достиг Фараха в Систане, где был представлен малику Тадж ад-Дину Бинал-тегину» [Ṭabakāt-i-Nāširī, 1881, vol. I, p. 233]. Последний и являлся тем информатором, со слов которого Джуджани описал биографию первого хорезмийского правителя: так, согласно этому сообщению, Кутб ад-Дин Айбек «пришел, со своим племенем и родственниками, к пределам Дженда и Хорезма, со стороны земель Сухари [Сахари] и со стороны племен Кифчак и Кангли и долгое время обитал в тех урочищах, при условии подчинения хорезмийским правителям, Абу Джафару и Мамуну, и их потомству, использовал для проживания пустоши и пастбища» [Ṭabakāt-i-Nāširī, 1881, vol. I, p. 233]. Если следовать тексту «Табакат-и Насири», Кутб ад-Дин Айбек служил хорезмийскому правителю, однако затем

сверг его, женился на его дочери и сам стал хорезмшахом [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 234]. Именно в отношении этого правителя у Джузджани следует весьма темная фраза о том, что «он также защитил границы [державы] хорезмшахов от неверных Саксин, Булгар и Кифчаков» [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 234], на анализе которой и вероятного исторического контекста мы специально останавливались в отдельном исследовании [Тимохин, 2022(б), с. 114–124].

Что касается второго из хорезмшахов в тексте «Табакат-и Насири», то Джузджани называет его «малик Тадж ад-Дин Мухаммад, сын Айбека» [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 234]. В тексте других мусульманских историков такое имя в династии Ануштегинидов не упоминается, на что также обратил внимание Генри Раверти. «Отцом Итсыза [Атсыз у других авторов], по мнению всех авторитетных авторов — на самом деле по мнению всех авторов, кроме нашего автора — был Кутб ад-Дин Мухаммад, сын Нуш-Тегина Гарджа, первый представитель этой династии; и ни один человек с вышеупомянутым именем и титулом не упоминается ни одним другим писателем среди правителей Хорезма. Я подозреваю, что наш автор сделал здесь почти то же самое, что и в своем рассказе о сельджуках Рума, — перепутал историю этих двух династий» [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 234, comm. 9]. Действительно, рассказ Джузджани относительно «малика Тадж ад-Дина Мухаммада, сына Айбека», с одной стороны, содержит в себе мало фактов относительно его правления в Хорезме: Джузджани сообщает лишь о том, что он занял трон после смерти своего отца [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 234–235], упоминает его связь с «племенами Канглы и Кифджака», а также предлагает краткие сведения о родственниках этого правителя Хорезма [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 235]. С другой стороны, концовка этого раздела выглядит весьма любопытной: «Этот Тадж ад-Дин Мухаммад сын Айбека был бесстрашным, справедливым и решительным государем; и он пришел ко двору сельджукских государей и засвидетельствовал им свое почтение. Он совершал великие дела и правил народом справедливо и милосердно. Он правил долгое время, подчиняясь Сельджукам, и умер» [Ṭabakāt-i-Nāṣirī, 1881, vol. I, p. 235–236]. Здесь стоит отметить, что данное описание правления хорезмшаха в «Табакат-и Насири» в целом совпадает с рассказом о сыне Ануш-тегина, Кутб ад-Дине Мухаммаде, как в ранних, так и в относительно поздних мусульманских текстах [Ибн ал-Асир, 2006, с. 232–233]. «Он (Кутб ад-Дин Мухаммад — Д.Т.) был им (Санджаром — Д.Т.) признан и не нарушал никогда его приказов. Он жил Хорезмшахом около 30 лет и никто из придворных не занимал такого положения как он» [Qazvini, 1903, p. 367]. Впрочем, говорить что-либо более определенное мешает сам характер информации у Джузджани, поскольку им упоминаются лишь самые общие моменты и в связи с этим нельзя точно говорить о том, действительно ли он был знаком с биографией хорезмшаха Кутб ад-Дина Мухаммада из текстов других мусульманских авторов или же перед нами просто совпадение. В любом случае можно вполне очевидно констатировать тот факт, что первые два правителя Хорезма в тексте «Табакат-и Насири» не совпадают, исходя из их имен и большей части приводимых о них сведений, с тем, что мы можем наблюдать в подавляющем большинстве памятников мусульманской историографии.

Уникальность данных Джузджани по этому поводу заключается еще и в том, что по крайней мере эта часть его сочинения не имела продолжения в составе более поздних текстов и фактически представлена только в «Табакат-и Насири». Объяснения этому феномену могут быть различны, однако наиболее очевидное из них заключается в том, что последующие мусульманские историки в своих описаниях истории Хорезма в домонгольский период ориентировались на традицию, которая была заложена в текстах Ибн ал-Асира и Джувейни, игнорируя тем самым сообщения Джузджани. Если вернуться к нарративу, который был создан последним из упомянутых мусульманских историков, то мы уже отмечали в специальном исследовании [Тимохин, 2021(б), с. 261–281], что в целом его рассказ о династии Ануштегинидов обладает целым

рядом специфических черт. Помимо того, что нами было уже указано в отношении биографий первых двух правителей Хорезма в «Табакат-и Насири», можно также подчеркнуть и то, что среди упоминаемых Джузджани хорезмшахов и в дальнейшем будут фигурировать те, кто никогда Хорезмом не правил. Это касается, например, хорезмшахов ‘Ала’ ад-Дина Текиша и ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада, чьи никогда не управлявшие Хорезмом наследники упоминаются в «Табакат-и Насири» как хорезмшахи [Ṭabakāt-i-Nāšīrī, 1881, vol. I, p. 249–253, 279–285]. Это может свидетельствовать лишь о том, что Джузджани попытался упомянуть всех известных ему представителей династии Ануштегинидов, не задумываясь о том, можно ли их назвать в полной мере правителями Хорезма или нет.

Подводя итоги данного исследования, остановимся еще раз на нескольких важных моментах: эпоним династии, правившей в Хорезме с 1097 по 1220 г., упомянут уже мусульманскими авторами круга «сельджукской историографии» как Нуш-тегин или Ануш-тегин, иногда с добавлением прозвища Гарджа/Гарча. Однако эти авторы ничего не пишут относительно биографии данной исторической личности и вовсе не говорят о нем отдельно, а лишь в том случае, когда им приходится приводить полное имя того или иного его потомка. При этом подавляющее большинство домонгольских мусульманских авторов вообще не упоминают основателя правившей в Хорезме династии, а его потомков именуют лишь их собственными именами или просто используют титул — хорезмшах. Подобное положение дел можно наблюдать не только в исторических сочинениях, но и в составе сборников писем и документов, что еще больше усложняет работу исследователей. Мы еще раз настаиваем на том, что среди домонгольских сочинений относительно полная биография Ануш-тегина, как и, вероятно, некоторых его потомков, нашла свое отражение лишь в не дошедшем до нас сочинении «Машариб ат-таджариб ва гавариб ал-гара’иб» Абу-л-Хасана Бейхаки (Ибн Фундук). Именно на него при описании начала династии Ануштегинидов ссылаются Ибн ал-Асир и Джувейни, которые в своих текстах также реконструируют историю происхождения и жизни Ануш-тегина: на основании того, что они указывают на одно и то же сочинение, которым они для этого пользовались, а также в связи с тем, что рассказы о нем у этих историков монгольской эпохи в целом схожи, можно утверждать, что в этой части их нарратив очевидно зависим от не дошедшего до нас текста Абу-л-Хасана Бейхаки. В связи с этим, несмотря на утрату самого сочинения «Машариб ат-таджариб», об его содержании благодаря трудам поздних авторов можно сказать уже очень много. Несомненно, исследовательская задача по выделению возможного текста, принадлежащего перу Абу-л-Хасана Бейхаки, из состава «ал-Камил фи-т-тарих» и «Тарих-и Джахан-гошай» кажется весьма перспективной задачей для будущих исследований. Взятый нами для сравнения написанный независимо от традиции, заложной Ибн ал-Асиром и Джувейни, труд Джузджани, как было продемонстрировано выше, в отношении ранней истории правителей Хорезма лишь добавляет вопросов, нежели привносит ясности в отношении эпонима этой династии. О самом Ануш-тегине в «Табакат-и Насири» не сказано вообще ничего, а первые два хорезмшаха из интересующей нас династии включены в этот список, вероятно, ошибочно. Джузджани называет также свои источники, но в этой части его сочинения ими являются рассказы информаторов, а не письменные свидетельства, что заставляет сомневаться в адекватном описании начала существования династии Ануштегинидов в рамках «Табакат-и Насири». Тем не менее даже в этой части данного нарратива можно найти много интересных сведений, которые, впрочем, для нашего исследования малополезны, но могут быть важными в рамках иных работ. В связи с этим мы надеемся, что дополнительное исследовательское внимание к этому источнику поможет окончательно решить целый ряд сложных вопросов, связанных с его содержанием, часть из которых была обозначена нами в этой статье.

Литература / References

- Агаджанов С. Г. *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* Ашхабад, 1969 [Agadzhanov S. G. *Essays on the history of the Oghuz and the Turkmens of Central Asia IX–XIII centuries.* Ashkhabad, 1969 (in Russian)].
- Ахинжанов С. М. *Кипчаки в истории средневекового Казахстана.* Алма-Ата, 1995 [Akhinzhanov S. M. *Kipchaks in the history of medieval Kazakhstan.* Alma-Ata, 1995 (in Russian)].
- Мухаммад ибн Наджиб Бакрāн. Джахāн-нāме (Книга о мире) / Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского. М., 1960 [Muhammad ibn Najib Bakrān. *Jahan-name (Book about the World)* / Text edition, introduction and indexes by Yu. E. Borshchevsky. M., 1960 (in Persian)].
- Бартольд В. В. Бейхаки, Абу-л-Хасан // *Бартольд В. В. Сочинения.* Т. VIII. М., 1973 [Bartol'd V. V. *Bejhaki, Abu-l-Hasan* // *Bartol'd V. V. Works.* T. VIII. M., 1973 (in Russian)].
- Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I. Тексты.* СПб., 1898 [Bartol'd V. V. *Turkestan during the Mongol invasion. Part one. Texts.* SPb., 1898 (in Russian)].
- Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2. Исследование.* СПб., 1900 [Bartol'd V. V. *Turkestan during the Mongol invasion. Part two. Texts.* SPb., 1900 (in Russian)].
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. *Сочинения.* М., 1963. Т. 1 [Barthold V. V. *Turkestan in the Era of the Mongol Invasion.* Barthold V. V. *Works.* M., 1963. Vol. 1 (in Russian)].
- Бартольд В. В. Хорезмшах. Статьи из «Энциклопедии ислама» // *Бартольд В. В. Сочинения.* Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 535–538 [Bartold V. V. *Khorezmshah. Articles from the «Encyclopedia of Islam»* // *Bartold V. V. Essays.* Vol. 2. Part 2. M., 1964. Pp. 535–538 (in Russian)].
- Бейсембиев Т. К. Известия «Джавами' ал-хикайат» ал-'Ауфи о Саманидах, Караханидах, Сельджукидах и Хорезмшахах // *Золотоордынское обозрение.* 2015. № 1–2. С. 178–206, 197–230 [Beisembiev T. K. *Intelligence «Jawami' al-hikayat» al-'Aufi about Samanids, Karakhanids, Seljukids and Khorezmshahs* // *Golden Horde Review.* 2015. No. 1–2. Pp. 178–206, 197–230].
- Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231. М., 1986 [Buniyatov Z. M. *State Of Khorezmshakhs-Anushteginids. 1097–1231.* M., 1986 (in Russian)].
- Джувейни. *Чингиз-хан. История завоевателя мира.* Пер. Е. Е. Харитоновой. М., 2004 [Juwayni. *Genghis Khan. History of the Conqueror of the World.* Tr.: E. E. Kharitonova. M., 2004 (in Russian)].
- Ибн ал-Асир. *«Ал-Камил фи-т-тарих».* «Полный свод по истории». Избранные отрывки. Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолитдина. Ташкент, 2006 [Ibn al-Asir. *«al-Kamil Fi-t-Tarikh».* «The complete History Book». *Selected Excerpts.* Tr. by P. G. Bulgakov & Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006 (in Russian)].
- Материалы по истории туркмен и Туркмении.* М.–Л., 1939. Т. I [Materials on the history of Turkmenistan and Turkmenistan. M.–L., 1939. T. I (in Russian)].
- ан-Насави, Шихаб ад-Дин Мухаммад. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны.* Пер. З. М. Буниятов. Баку, 1973 [an-Nasawi Shihab ad-Din Muhammad. *The life of Sultan Jalal al-Din Mankburny.* Tr. Z. M. Buniyatov. Baku, 1973 (in Russian)].
- Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* в 3 тт. Пер. А. К. Арендса, Ю. П. Верховского, О. И. Смирновой, Л. А. Хетагурова. Т. 1. Кн. 2. М., 2002 [Rashid ad-Din. *Collection of Chronicles.* in 3 vols. Tr. by A. K. Arends, Yu. P. Verhovskij, O. I. Smirnova, L. A. Hetagurov. Vol. 1. 2. Moscow, 2002 (in Russian)].
- Самарканди Низами Арузи. *Собрание редкостей, или четыре беседы.* Пер.: С. И. Баявский, З. Н. Ворожейкина. М., 1963 [Samarkand Nizami Aruzi. *A collection of rarities, or four conversations.* Per.: S. I. Baevsky, Z. N. Vorozheikina. M., 1963 (in Russian)].
- Тимохин Д. М. Обзор арабо-персидских источников XII века по истории Хорезма: особенности структуры и содержания. *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность.* 2021. Вып. 2. С. 45–56 [Timokhin D. M. *Review of Arab-Persian sources of the XII century on the history of Khorezm: features of structure and content.* *Orient. Afro-Asian societies: history and modernity.* 2021. Issue 2. Pp. 45–56 (in Russian)].

Тимохин Д. М. Сочинение Джужджани Табакат-и Насири как источник по истории Хорезма // *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 30: Письменные памятники Востока: Проблемы перевода и интерпретации. Избранные доклады: Том IV / Отв. ред. выпуска Л. В. Горяева, В. Н. Настич. М., 2021. С. 261–281 [Timokhin D. M. The essay of Juzdzhani Tabakat-i Nasiri as a source on the history of Khorezm // *Works of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Issue 30: Written monuments of the East: Problems of translation and interpretation. Selected reports: Volume IV / Ed. issue L. V. Goryaeva, V. N. Nastich. M., 2021. Pp. 261–281 (in Russian)].

Тимохин Д. М. Еще раз о кара-китаех в домонгольских мусульманских источниках на примере анонимного персидского сочинения 1133 г. // *Монголоведение*. 2022. Т. 14. № 2. С. 371–382 [Timokhin D. M. Once again about the Kara-kitai in pre-Mongol Muslim sources on the example of an anonymous Persian work of 1133 // *Mongol Studies*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 371–382 (in Russian)].

Тимохин Д. М. Мусульманские источники о связях Хорезма, Дешт-и Кыпчака и Поволжья в XII в. // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2022. Вып. 4. С. 114–124 [Timokhin D. M. Muslim sources on the connections of Khorezm, Desht-i Kipchak and the Volga region in the XII century. // *Orient. Afro-Asian Societies: History and Modernity*. 2022. Issue 4. Pp. 114–124 (in Russian)].

Садр ад-Дин ‘Али ал-Хусайни. *Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя (Зубдат ат-таварих фи ахбар ал-умара ва-л-мулук ас-селджукийя)* («Сообщения о Сельджуцком государстве». «Сливки летописей, сообщающих о сельджуцких эмирах и государях») / Пер. З. М. Буниятов. М., 1980 [Sadr ad-Din ‘Ali al-Husajni. *Abbar ad-Daulat as-Seldžukijja (Zubdat at-tavarib fi ahbar al-umara va-l-muluk as-seldžukijja)* («Reports on the Seljuk state». «The cream of Chronicles, telling about the Seljuk emirs, and the lords»). Per. Z. M. Buniyatov. M., 1980 (in Russian)].

Baha ad-Din Mohammad ibn al-Bagdadi. *at-Tavassul ila at-Tarassul*. Tehran, 1937 (in Persian).

Bayhaki Zahir ad-Din. *Tarih-i Baybak*. Tehran, 1317 (in Persian).

Bosworth C. E. *ANŪŠTIGIN ĠĀRĀ‘Ī* // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. II. Fasc. 2. S. I., 1986. P. 140.

The Chahār maqāla («Four discourses») of Nidhāmī-i-‘Arūdī-i-Samarqandī / Transl. by E. G. Browne. London, 1900.

Cambridge History of Iran. Vol. 5. *The Saljuq and Mongol Periods*. Red.: J. A. Boyle. Cambridge, 1968.

Histoire des *seldjoudes* de l’Iraq par al-Bondari d’après Imad ad-din al-Katib al-Isfahani // *Recueil de textes relatifs a l’histoire des seldjoudes* / Ed. by M. Th. Houtsma. Vol. II. Leiden, 1889 (in Arabic) /

Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Vol. 11. *Annos H. 451–527* / Ed. by C. J. Tornberg. Leiden and Uppsala, 1864 (in Arabic).

Juvayni Ata-Malik. *Genghis Khan. The History of the World-Conqueror* / Trans. and ed. J. A. Boyle with an introduction by David O. Morgan Manchester: University Press and Seattle, 1997.

Kafesoğlu I. *Sultan Melikşah devrinde Büyük Selçuklu imparatorluğu*. Istanbul, 1953 (in Turkish).

Lubabu ‘l-Albab of Muhammad ‘Anfi. Edited in the original Persian. Pt. I, with indices, Persian and English prefaces, and notes, critical and historical, in Persian, by E. G. Browne and Mirza Muhammad ibn ‘Abdu ‘l-Wahhab-i-Qazwini. Leyden; London, 1906. Part I (in Persian).

Mirhond. *Histoire de sultan du Kharez̄m*. Le texte persien. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis. Paris, 1841 (in Persian).

Mohammad ibn Ibrahim. *Tavvarih-e al-e saljouk* // *Recueil de textes relatifs a l’histoire des seldjoudes* / Ed. by M. Th. Houtsma. Vol. I. Leiden, 1886 (in Persian).

Al-Muntazim fi Tarikh al-maluk wa al-umam al ibn Jawzi. Beyrouth, 1992. J. 1–19 (in Arabic).

ün-Nesevî Ahmed Şehabeddin. *Celâliüttin Harez̄emşah* / Mütercimi: Necip Âsım [Yazıksız]. İstanbul, 1934 (in Turkish).

Nishaburi Zahir ad-Din. *Saljuk-name*. Tehran, 1953 (in Persian).

Qazvini Hamdallah Mustaufi. *Tarikh-e gozide*. Les dynasties persanes pendant la periode musulmane depuis les Saffarides jusque et y compris les Mogols de la Perse en 1330 de n. e. / Texte persan complet et trad. Ed. par J. Gantin. T. I. Paris, 1903.

al-Qummi Najm al-Din Abu l-Riza'. *Tarib al-Wuzara* / Ed. by Muhammed Taki Dânish-Pazûh. Tehran, 1985/1363 (in Persian).

Ravandi Mohammad. *Rabat as-sudur va ayat as-sorur* / Ed. by Mohammad Iqbal. Leiden; London, 1921 (in Persian).

al-Razi Fakhr al-Din. *Jami' al-'ulum* / Ed. by Mohammad Alkarayi. Lahor, 1988 (in Persian).

Ṭabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Mubammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam / Ed. by Minhāj-ud-dīn, Abū-'Umar-i-'Usmān; transl. from original Persian manuscripts by H. G. Raverty. London, 1881. Vol. I–II.

Ta'riḫ-i-Fakbru'd-Dīn Mubāraksbāb, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakbru'd-Dīn Mubāraksbāb Marvar-rūḏī Completed in A. D. 1206 / Ed. by E. Denison Ross. London, 1927 (in Persian).

Vatvat Rashid ad-Din. *Namehaye Rashid ad-Din Vatvat* / Ed. by K. Toyserkani. Tehran, 1960 (in Persian).

DOI 10.31696/2618-7302-2022-3-023-028

ЭДМОН ПЛОШЮ — ФРАНЦУЗСКИЙ АПОЛОГЕТ ЯПОНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ

© 2022

В. Э. Молодяков¹

Одним из первых описаний японской интервенции на Тайвань в 1874 г. для западного читателя стал очерк французского журналиста Эдмона Плошю (Edmond Plauchut; 1824–1909), опубликованный в ноябре того же года во влиятельном журнале «Revue des Deux Mondes» и годом позже помещенный в русском переводе в петербургском журнале «Живописное обозрение». Если текст очерка известен исследователям, то биография Плошю и причины его обращения к событиям на Дальнем Востоке до настоящего времени оставались неизвестны российскому читателю. Используя мемуары и единственную биографию Плошю, автор дает краткий очерк его жизни и литературной деятельности. Более детально рассмотрена его книга «Армии цивилизации» (*Les armées de la civilisation*; 1876), в которой апологетический очерк о японской интервенции на Тайване помещен в широкий контекст колониальной политики. Одним из первых среди европейских авторов Плошю признал за не-«белой» и не-христианской, но модернизирующейся Японией право вести «цивилизаторскую» колониальную политику наравне с европейскими «великими державами».

Ключевые слова: Япония, Тайвань, Франция, Эдмон Плошю, биография, цивилизация, колониальная политика, военная интервенция

Для цитирования: Молодяков В. Э. Эдмон Плошю — французский апологет японской колониальной экспансии. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 23–28.

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-023-028

EDMOND PLAUCHUT — FRENCH APOLOGIST OF THE JAPANESE COLONIAL EXPANSION

Vassili E. Molodiakov

One of the first descriptions of the Japanese military intervention in Taiwan in 1874 for the Western reader was an essay by the French writer Edmond Plauchut (1824–1909), published in November 1874 in the influential magazine *Revue des Deux Mondes* and a year later published in Russian translation in the St. Petersburg magazine *Zhivopisnoe Obozrenie*. If its text is known to researchers, then Plauchut's biography and the reasons for his interest to the events in the Far East have remained unknown to the Russian reader until now. Using the

¹ Молодяков Василий Элигархович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dottore68@mail.ru.

Vassili E. Molodiakov. D.Litt (Political Science), Leading Research Fellow, Institute of oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; dottore68@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-5892-0473

memoirs and the only biography of Plauchut the author gives a brief outline of his life and literary activities. His book *Armies of Civilization* (*Les armées de la civilisation*; 1876), where an apologetic essay on the Japanese intervention in Taiwan is placed in the broad context of colonial policy, is considered in more detail. Plauchut was one of the first European authors to recognize the right of non-«white» and non-Christian but modernizing Japan to pursue a «civilizing» colonial policy on a par with the European «great powers».

Keywords: Japan, Taiwan, France, Edmond Plauchut, biography, civilization, colonial policy, military intervention

For citation: V. E. Edmond Plauchut — French Apologist of the Japanese Colonial Expansion. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2022. 3. Pp. 23–28. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-023-028

Какая связь существует между знаменитой французской писательницей Жорж Санд и японской интервенцией на Тайване в мае – июне 1874 г.², за два года до ее смерти? Кажется, что никакой. Однако она есть и персонафицируется в человеке по имени Эдмон Плошю (Edmond Plauchut; 1824–1909).

Очерк Плошю «Формоза и японская экспедиция» был оперативно написан и опубликован в номере влиятельного парижского журнала «Revue des Deux Mondes» от 15 ноября 1874 г. [Plauchut, 1874]. Он долго оставался самым подробным источником по данному вопросу на французском языке. Ныне доступно его отдельное издание (новый набор) «print-on-demand» [Plauchut, n.d.]. В аннотации на задней обложке автор представлен как «французский журналист и искатель приключений, много путешествовавший по Дальнему Востоку». В 1875 г. Плошю включил очерк в книгу «Четыре военные кампании 1874 года» [Plauchut, 1875], переизданную годом позже под заглавием «Армии цивилизации» [Plauchut, 1876]. В итоговом варианте автор дополнил текст официальными документами об урегулировании инцидента и обзором последовавших событий, отметив, что «на Дальнем Востоке очень радовались этому мирному решению» [Plauchut, 1876, p. 46–53]. Он сохранил оригинальную концовку, где прославлял японскую армию и назвал «такими же варварами», как и тайваньские аборигены, корейцев, которым Японии следует «отмстить за тяжкие оскорбления, нанесенные ее чести» [Plauchut, 1876, p. 53–54] (подробнее [Ковальчук, 2005, с. 51–72]). В 2019 г. Национальная библиотека Франции и издательство «Hachette livre» выпустили репринтное переиздание сборника 1876 г.

Меньше чем через год после оригинальной публикации полный и точный перевод очерка Плошю на русский язык появился в петербургском журнале «Живописное обозрение» [Плошю, 1875] (сканы доступны в интернете). Этому предшествовало появление на тех же страницах полутора месяцами раньше статьи прапорщика корпуса флотских штурманов Павла Ибиса, пионера российского тайваневедения, «Формозский вопрос между Китаем и Японией. (Письмо в редакцию «Живописного обозрения» из Нагасаки)» [Ибис, 1875]. Она посвящена той же теме, что и очерк Плошю, но выдержана в ином тоне: реалистическом и даже ироническом в адрес японцев, что контрастировало с апологетической тональностью французского

² Японская интервенция на Тайване (яп. Тайван сюшэй) в мае – июне 1874 г. стала реакцией на убийство в декабре 1871 г. 54 японских рыбаков, потерпевших крушение у юго-восточного побережья острова, аборигенами из племени Боотанг и на аналогичный инцидент в 1873 г., закончившийся убийством 4 японских рыбаков. Японское правительство потребовало от Китая, которому принадлежал остров, извинений и компенсации. Не получив удовлетворения своих требований по дипломатическим каналам, Япония высадила трехтысячный контингент под командованием Сайго Цугумити на юге Тайваня и провела карательную операцию против аборигенов преимущественно из племени Боотанг. Инцидент был урегулирован при посредничестве британских дипломатов: Япония вывела войска в обмен на уплату репараций (подробнее [Тодер, 1978, с. 123–146]).

автора. Ныне статья Ибиса републикована В. Ц. Головачевым [Головачев, 2019, с. 124–132] и помещена в необходимый исторический контекст [Головачев, 2019, с. 69–72].

Появившийся в известном издании очерк Плошю оказался обойден вниманием в позднейшей российской историографии, включая работы Ф. А. Тодер. Первым на него обратил внимание В. Ц. Головачев, давший ему следующую характеристику: «Обзорно-аналитическая статья [...] содержит подробный обзор всей экспедиции, подводя итоги которой автор уверенно утверждает, что японцы добились успеха, одержав полную победу над «злыми» дикарями и овладев немалой частью острова. В целом статья написана с откровенно прояпонских позиций. Автор высокомерно отзывается о китайцах, о диких туземцах на острове и о корейцах в Корее. Расписывая ситуацию в стиле победных репортажей, Плошю так оценил региональные перспективы Японии...» [Головачев, 2018, с. 40; ср. Головачев 2019, с. 67–69]. По мнению исследователя, Ибис в сравнении с Плошю дал «куда более взвешенную оценку сведений о положении аборигенов на юге острова, а также их борьбе с китайцами и японцами» [Головачев, 2018, с. 41].

Кто такой Эдмон Плошю и почему он посвятил обстоятельный очерк столь специфической теме? Краткое указание В. Ц. Головачева задало направление поискам: «Друг Жорж Санд, похоронен на семейном участке Санд, хотя членом семьи не был» [Головачев, 2018, с. 40; Головачев, 2019, с. 67]. Представим биографические сведения об этом авторе, совершенно неизвестном в России, благо в нашем распоряжении есть его мемуары, написанные в конце жизни (начаты в 1894 г., окончены в 1908 г.). Опубликованные посмертно, они составили большую часть первой книги о «Тартарене из Ноана» [Tricot, Sand, 2009]. После ее выхода архив Плошю был продан в Библиотеку редких книг и рукописей Бейнеке в Йельском университете (Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University), где он доступен для исследователей [Edmond Plauchut Papers].

Плошю родился в самом конце правления Людовика XVIII, 7 января 1824 г. — к моменту японской экспедиции на Тайвань ему исполнилось пятьдесят лет — в городке Сен-Годен, департамент Верхняя Гаронна, в Гаскони. Его отец служил в военно-морском министерстве, однако на сухопутной должности инспектора лесов, древесина которых предназначалась для кораблестроения. Смерть отца в 1838 г. оставила семью, жившую тогда в Ангулеме, департамент Шаранта, без кормильца и со скудными сбережениями. Один из сыновей стал офицером, другой поступил на службу в банк. Эдмон служил конторщиком в торговых домах, но мысли его были заняты литературой. Во второй половине 1840-х годов, в конце правления Луи-Филиппа, он проникся республиканскими и демократическими идеями, с увлечением читал Виктора Гюго, Альфонса де Ламартина, Луи Блана, сотрудничал в местных газетах. Гюго откликнулся на его стихи одобрительным письмом в несколько строк, как обычно отвечал начинающим стихотворцам.

Плошю восторженно встретил революцию 1848 года, падение монархии и провозглашение республики. Тогда же состоялось его заочное знакомство с Жорж Санд. Молодой провинциальный журналист поинтересовался у писательницы, находившейся в зените литературной и общественной славы, ее мнением о событиях в стране и о перспективах французского социализма — и получил два подробных письма, которые с гордостью включил в мемуары [Tricot, Sand, 2009, р. 28–32]. Жорж Санд заинтересовалась корреспондентом и его взглядами, послала ему письма и книги, обращая к нему уже не «господин», а по-революционному «гражданин» [Tricot, Sand, 2009, р. 54–60]. Плошю был недоволен избранием на пост президента республики 20 декабря 1848 г. Луи Наполеона Бонапарта, в котором видел потенциального диктатора, и сразу начал критиковать его политику. Завоеванная революцией свобода печати оказалась

недолгой. Ангулемская газета «La Conciliation» была закрыта, а ее ведущий автор, оставшись без работы и заработка, решил попытать счастья на золотых приисках Калифорнии.

Первое океанское путешествие в декабре 1850 г. произвело на 26-летнего Плошо сильное впечатление, однако закончилось кораблекрушением у Островов Зеленого Мыса, откуда он не без труда вернулся домой. Когда местные власти заподозрили в нем авантюриста, если не беглого преступника, француза выручили письма Жорж Санд, которые он держал при себе как драгоценную реликвию и спас при кораблекрушении. Слава писательницы была настолько велика, что для португальских чиновников ее автографы оказались настоящими верительными грамотами, о чем адресат не замедлил написать ей по возвращении в Париж и получил благосклонный ответ [Tricot, Sand, 2009, p. 126–129]. Послания от знаменитостей, включая Гюго, предпринимчивый Плошо позже возил с собой и с гордостью показывал, когда испытывал затруднения или хотел чего-то добиться [Tricot, Sand, 2009, p. 130].

Неудача первой попытки устроить жизнь в дальних краях не остановила Плошо, который, по собственным словам, «возымел вкус к путешествиям и не мог устоять перед перспективой совершить новое через Суэц, Египет, Цейлон и Сингапур», имея конечной целью Манилу, где ему было обещано место во французской торговой компании [Tricot, Sand, 2009, p. 135, 201]. 17 апреля 1851 г. он выехал из Парижа в Гавр, купив билет первого класса, что позволяло делать по пути остановки на несколько дней для осмотра достопримечательностей. Путь лежал через Саутгемптон, Гибралтар и Порт-Саид. «Во Франции распространена ошибка, — пояснил Плошо полвека спустя, — что открытие Суэцкого канала сделало проезд из Европы в Восточную Индию или Китай более скорым для путешественников. Забывают или не ведают о существовании железной дороги между Александрией и Суэцем, ехать по которой быстрее, чем по каналу. Канал является преимуществом — правда, громадным — только для грузовых судов. [...] Открытие Суэцкого канала стало огромным благом прежде всего для бедных эмигрантов, вынужденных путешествовать морем» [Tricot, Sand, 2009, p. 138]. Любитель экзотики Плошо предпочел проделать этот путь не в вагоне, а в почтовой карете. Из Египта, который, кроме Александрии, «еще сохранял всю свою восточную оригинальность» [Tricot, Sand, 2009, p. 148], он отправился в Аден, оттуда в Бомбей, затем на Цейлон, где наслаждался дикой природой и живописными картинами туземной жизни, в Сингапур и, наконец, в Манилу, куда прибыл 20 июня 1851 г. Так состоялось его личное «открытие Востока», красочно описанное в мемуарах: полагаю, что в пути автор вел записи.

В Маниле Плошо успешно освоился и в бизнесе, и в жизни иностранной колонии, начиная с испанских чиновников. С 1855 по 1860 г. его состояние, по собственным подсчетам, увеличилось почти в тридцать раз (!), с 2725 франков до 80 300 франков, причем он сам объяснял это «обстоятельствами, не зависевшими от [его] воли» [Tricot, Sand, 2009, p. 226]. Плошо полюбил Филиппины, где безвыездно прожил девять лет, но, наконец, решил вернуться домой и 2 июля 1860 г. отплыл в Гонконг. Его дальнейший путь лежал через Кантон, Шанхай, Иокогаму, основанную годом раньше как порт для международной торговли, и Эдо, еще не ставший Токио. Япония очаровала его — особенно по контрасту с Китаем — хотя население Иокогамы он счел «наименее честным во всей [Японской] империи» [Tricot, Sand, 2009, p. 259]. В мемуарах, написанных много позже описываемых событий и отразивших также позднейшие настроения, автор подчеркнул тягу японцев к новому, их артистизм и любовь к природе в противовес косности и меркантильности китайцев [Tricot, Sand, 2009, p. 259]. Первые впечатления нередко оказываются самыми сильными.

12 сентября 1860 г. Плошо высадился в Марселе и отправился в Ангулем. 19 марта 1861 г. он, наконец, встретился с Жорж Санд и ее сыном Морисом, которые радушно приняли

заочного знакомого. Подружившись с семьей Санд и став завсегдатаем их именины в Ноане [Tricot, Sand, 2009, p. 269–272, 301–304], Плошю решил попробовать себя в литературе, ибо его устные рассказы пользовались успехом... а проверить их не представлялось возможным (отсюда позднейшее прозвище «Гартарен из Ноана»). В 1865 г. вышла его первая книга «Кораблекрушение у островов Зеленого Мыса» (библиография основных книг и статей [Tricot, Sand, 2009, p. 380–381]). Плошю продолжал следить за событиями в Азии, получая газеты и письма из Манилы, Гонконга и Иокогамы, и оказался востребован как знаток экзотического материала, хорошо владевший пером. В 1869 г. в журнале «Revue des Deux Mondes» появился его очерк «Филиппинский архипелаг и пиратство» (Жорж Санд правила рукопись), за которым последовали «Кули в Макао» и «Война с апанги» (оба — 1873), затем «Формоза и японская экспедиция»; в газете «Le Temps» — очерки «Манильская почта». Автор не покидал Европу, поэтому запас личных впечатлений оставался прежним, но, владея английским и испанским языками и следя за событиями по иностранной прессе, поддерживал репутацию человека, «держщего руку на пульсе», и периодически прибегал в текстах к «эффекту присутствия».

Сборник «Четыре военные кампании 1874 года» [Plauchut, 1875], годом позже переизданный под заглавием «Армии цивилизации» [Plauchut, 1876], вывел Плошю в число актуальных авторов. Не ограничиваясь красочным рассказом о войнах в экзотических краях и о туземных нравах (Плошю оказался способным и эрудированным популяризатором), он выступал апологетом колониальной политики как «борьбы против бандитизма и варварства» [Plauchut, 1876, p. viii]. Сказанное имело особое значение, поскольку в первые годы Третьей республики во французском обществе не было единства мнений относительно колониального вопроса. К активизации внешней экспансии подалеже от границ Франции ее правителей подталкивал... Бисмарк. Разгромивший империю Наполеона III и объединивший Германию, «железный канцлер» стремился отвлечь «активную фракцию» пострадавшей державы от мыслей о реванше и о возвращении Эльзаса и Лотарингии. Расцвет французской экспансии пришелся на 1880-е и 1890-е годы и нашел воплощение в романах Пьера Лоти, снискавших мировую известность. Плошю был в числе первых влиятельных апологетов заморской колониальной экспансии, подчеркивая ее «цивилизаторский» характер. К «армиям цивилизаций» он отнес французов в Тонкине, англичан на Золотом берегу (войны против Апанги), голландцев на Суматре и японцев на Тайване. Очерк о японской экспедиции открывал книгу, которая заслуживает отдельного рассмотрения в общем контексте истории колониальной политики.

Тогдашний европейский читатель уже слышал о модернизации Японии, которая, тем не менее, продолжала оставаться для него «страной гейш и хризантем». Сама по себе вестернизация не удивляла европейцев, подтверждая принятое мнение, что их цивилизация — это единственная цивилизация, которую остальным надлежит изучать и копировать. Однако мало кому в Европе приходило в голову, что Япония — не-«белая» и не-христианская страна — может выступать «цивилизатором» «дикарей» (как их именовали по обычаю того времени) подобно «белым» и христианским колониальным державам. Плошю называл японцев «юной нацией», подразумевая их недавний выход на мировую арену, но не сомневался ни в их способности, ни в их праве «цивилизовать» «дикарей». Очерк заканчивался прославлением японской армии, которая «превосходно вооружена и отличается блистательной храбростью»: «После блестящего дела в Формозе, может, со временем [Японии придется] испытать силу своего оружия в Корее. [...] Корейцы такие же варвары и так же неприязненны к иностранцам, как и бутаны (тайваньские аборигены из племени Боотанг — В. М.), которые теперь навсегда подавлены (так — В. М.); если бы японцы победили и корейцев, как бутанов, то они были бы единственным азиатским

народом, сражавшимся единственно за прогресс и свободу» [Плошю, 1875, с. 221] [Plauchut, 1876, p. 53–54].

Почему Плошю однозначно принял сторону Японии? У нас нет оснований говорить о материальной или иной корыстной заинтересованности автора. Он искренне предпочитал вестернизирующихся японцев китайцам, не говоря о «дикарях». Возможно, на него повлиял и «жапонизм» (*japonisme*), увлечение японским искусством, охватившее в конце 1860-х и начале 1870-х годов литературные и художественные круги Франции, включая знакомых автора.

Колониальная экспансия «великих держав» оставалась в центре внимания Плошю. После выхода «Армий цивилизации» он опубликовал в «*Revue des Deux Mondes*» статьи об открытии китайских портов для международной торговли (1878), о французской колониальной политике в Тонкине (1880), на Мадагаскаре (1884) и в Тунисе (1890), об английской оккупации Египта (1888; книга 1889), о столкновении российских и китайских интересов в Кульдже (1881). Плошю по-прежнему почти не покидал Европу, но совершил путешествия в Египет (январь — март 1888), Алжир и Тунис (апрель — май 1889) [Tricot, Sand, 2009, p. 343–344]. В 1898 г. он выпустил мемуары «Вокруг Ноана», в 1904 г. участвовал в праздновании столетия рождения Жорж Санд. Эдмон Плошю скончался 30 января 1909 г. в Биаррице в возрасте 85 лет и был похоронен в Ноане. Так завершился круг жизни любителя дальних стран и странствий, обогатившего французскую колониальную литературу 1870–1880-х годов.

Литература / References

Головачев В. Ц. Этнополитическая история Тайвня в мировой историографии XVII–XXI вв. М., 2018 [Golovachev V. Ts. *Ethno-Political History of Taiwan in World Historiography XVII–XXI centuries*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Головачев В. Ц. «Экскурсия на Формозу». Этнографическое путешествие П. И. Ибиса. М., 2019 [Golovachev V. Ts. *“Excursion to Formosa”*. *The Ethnographic Trip by Pavel Ibis*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Ибис П. Формозский вопрос между Китаем и Японией. (Письмо в редакцию «Живописного обозрения» из Нагасаки) // Живописное обозрение. 1875. № 8. [Ibis P. “Formosan question between China and Japan”. In: “*Zhivopisnoe obozrenie*”, 1875. No. 8 (in Russian)]. Сканы в Электронной библиотеке РНБ: <https://vivaldi.nlr.ru/pm000020408/view/#page=122> (дата обращения: 02.12.2022).

Ковальчук М. К. Эволюция японского экспансионизма в Корее в 60–90 гг. XIX в. Владивосток, 2005 [Koval'chuk M. K. *Evolution of the Japanese Expansionism in Corea, the 1860–1890s*. Vladivostok, 2005 (in Russian)].

Плошю Эд. Еще о Формозе и японской экспедиции // Живописное обозрение. 1875. № 13–14 [Plauchut E. “More about Formosa and Japanese expedition”. In: “*Zhivopisnoe obozrenie*”, 1875. No. 13–14 (in Russian)]. Сканы в Электронной библиотеке РНБ: <https://vivaldi.nlr.ru/pm000020408/view/#page=198> <https://vivaldi.nlr.ru/pm000020408/view/#page=216> (дата обращения: 02.12.2022).

Тодер Ф. А. Тайвань и его история (XIX в.). М., 1978 [Toder F. A. *Taiwan and Its History (XIXth century)*. Moscow, 1978 (in Russian)].

Edmond Plauchut Papers <https://archives.yale.edu/repositories/11/resources/10702> (accessed: 02.12.2022).

Plauchut E. Formose et l'expédition japonaise. Essai. In: «*Revue des Deux Mondes*». 1874. T. 6 (15 Novembre 1874). Pp. 447–466.

Plauchut E. *Les quatre campagnes militaires de 1874*. Paris: Calman Lévy, 1875.

Plauchut E. *Les armées de la civilisation*. Paris: Calman Lévy, 1876 [Paris: Hachette livre, 2019].

Plauchut E. *Formose et l'expédition japonaise. Essai*. N. p., n. d. [print-on-demand] ISBN: 978-1537213217

Tricot M., Sand C. *L'ami de Georges Sand à Berry. Edmond Plauchut le tartarin de Nobant*. La Crèche, 2009.

DOI 10.31696/2618-7302-20223-029-042

CEREMONIAL SINGING: *KIDUNG* AS RELIGIOUS PRAXIS IN CONTEMPORARY BALI

© 2022

Desak Suarti Laksmi¹

Kidung is Balinese ritual hymn or canticle, typically recited in a homophonic choir by a group of local singers based on a pre-existing text to accompany religious celebrations. Selected lyric of *kidung* verse is deliberately recited for a number of ritual reasons. The role of *kidung* is to complete the ritual and religious celebration as the fifth Gita. The four related ritual gitas or sacred sounds include the sound of symbolic narrative forms (*Swara Yantra Abinaya*) of *wayang* puppetry, infused with edification and divine philosophy; the sound of *Gamelan* music accompanying temple dances (may it be a female *Rejang* dance, *Makerab* dance, *Sutri*, *Pendet* dance, or male *Baris* warrior dance, *Sandaran* dance, etc.); the sound of *Kulkul* wooden bell, and the sound of Veda / mantra incantation recited by the temple priest, who invariably leads the ritual ceremony. *Kidung* hymn and *gamelan* music together create *Vadyagita*. The dance and the mantra incantation together create *Nertya Puja*, which creates divine matrix of the on-going ritual ceremony. Almost no Hindu-Balinese religious ceremony (*yadnya*) is complete without *kidung* singing with lyrics drawn from Middle Javanese literature. *Kidung* is used for the *panca yadnya* (five ceremonies) namely: *dena yadnya* (for god), *bhuta yadnya* (lower spirit), *rsi yadnya* (for priest), *pitra yadnya* (for ancestor), and *manusa yadnya* (for human), with the appropriate *kidung* text selection. This singing supports the solemnity of spiritual practice of singers and listeners, perfecting the ceremony as an offering of expressive communication.

Keywords: *kidung*, *yadnya*, Hindu-Balinese religion

For citation: Desak Suarti Laksmi. Ceremonial Singing: *Kidung* as Religious Praxis in Contemporary Bali. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2022. 3. Pp. 29–42. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-029-042

ОБРЯДОВОЕ ПЕНИЕ: *КИДУНГ* КАК РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАКТИКА НА СОВРЕМЕННОМ БАЛИ

Десак Маде Суарти Лаксми

Kidung – это балийский ритуальный гимн или песнь, обычно исполняется гомофонным хором на основе уже существующего текста группой местных певцов и сопровождающий религиозную церемонию.

¹ Desak Suarti Laksmi, Lecturer and faculty member of music department of the Indonesian Art Institute (ISI), Denpasar, Bali, Indonesia, a renowned *kidung* performer; suartilaksmi@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6308-2109.

Десак Суарти Лаксми, доцент Индонезийского института искусств, Денпасар, Бали, Индонезия, известный исполнитель кудунга; suartilaksmi@gmail.com.

Избранные строфы *кидунга* исполняются специально в различных ритуальных целях, обычно завершая обряд и выступая в качестве пятой *гиты*, в то время как предшествующие четыре включают звучание символических нарративных форм (*Svara Yantra Abinaya*) кукольного представления *вайянг*, проникнутых просветительством и религиозной философией; звучание музыки *гамелан*, сопровождающей храмовые танцы (женские танцы *реджанг*, *макераб*, *сутри*, *пендет* или мужские – воинский *барис*, *сандарам* и т.д.); звучание деревянного колокольчика *кукул*, а также звучание ведийских гимнов и *мантр*, произносимых храмовым жрецом, который проводит обряд. Танец и произнесение мантр вместе создают *нертья-пуджу*, придающую божественность церемонии. Ни одна индуско-балийская религиозная церемония (*yadnya*) не считается завершенной без *кидунга*, исполняемого на стихи из среднеяванской литературы. *Кидунг* используется для пяти обрядов (*panca yadnya*): в честь бога (*deva yadnya*), в честь духов (*bhuta yadnya*), в честь жреца (*rsi yadnya*), в честь предков (*pitra yadnya*) и в честь людей (*manusa yadnya*) с выбором соответствующих текстов. Эти песнопения обеспечивают торжественность религиозной практики певцов и слушателей, придавая церемонии завершенность и экспрессивную коммуникативность.

Ключевые слова: кидунг, yadnya, индуско-балийская религия

Для цитирования: Десак Маде Суарти Лаксми. Обрядовое пение: кидунг как религиозная практика на современном Бали. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 29–42.
DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-029-042

INTRODUCTION

The Hindu-Balinese religious song *kidung* is a form of *tembang* (song in Javanese poetic meters), which is included in the *dharma gita* (religious songs) offerings.² *Kidung* are originally poetic narratives written in Middle Javanese and their subject matter is historical or legendary events, for example stories of the East Javanese Prince Panji in the Malat cycle. The *kidung* tradition is the activity of sung recitation of those Javanese and Old Balinese texts that began in the sixteenth century with the entry of Javanese culture to Bali as Hindu-Buddhist courts of Mahapahit relocated due to Islamization of Java (see [Hinzler, 1993, p. 443; Suarka, 2007, p. 149]). Our mythology in Bali attributes the origin of Indian Music to the Divine Brahma. Brahma, Vishnu and Shiva the Eternal Trinity were said to be the first musicians: Brahma kept the time beat with the clanging cymbals and Vishnu sounded the holy mridangam or the drum.

Similar to the mascot of campus ISI Denpasar, Lord Shiva displayed his infinite modes of rhythm in his cosmic dance of Universal creation and preservation. Origin of Music is traced to the Vedic hymns too that were chanted in ancient India during ceremonies and other religious occasions. As also mentioned in Natya Sastra, music can be found in Sama Veda (1200 BC), which is the second oldest scripture — after Rig Veda — in the Hindu tradition.³

Kidung traditions, together with other Balinese sung poetic forms, involve participants in singing, translating, and reviewing these traditional literary texts in the format of solo presentation, but in ceremony at present one finds *kidung* as largely cuttings of short poetry segments with content deemed appropriate for the specific ritual and sung by the group.

² Previous literature in English on *kidung* includes [Robson, 1971; Wallis, 1979; Zurbuchen, 1987; Vickers, 2005; Hinzler, 1993 and Creese, 2000]. Robson and Vickers discuss a particular case and translate texts. Wallis' interpretation was largely based on my information as a practitioner. Zurbuchen approached the socio-linguistics of the genre, relating it to other Balinese genres. Creese discusses *kidung* in relation to gender issues and palace protocols. Our approach here is more emic than the rather linguistic, sociological, and historical approaches of earlier analyses.

³ <http://www.freepressjournal.in/mind-matters/music-is-divine/197264> (дата обращения: 23.10.2022).

Kidung singing began to grow more popular in the 1980s and it is currently thriving, with more groups forming themselves as *sekaa santi* ('peaceful' choral groups). It is possible that the economic development provided by tourism and the renewed interest in Hinduism have helped the Balinese counter both Western globalization and the Islamic revival in Indonesia, the world's largest Muslim society, and intensify ceremonial practices including this ritual singing. By vocal activities, singers hope to achieve moral and ethical formation for themselves and their listeners. *Kidung* singing is both a religious and an aesthetic activity for laywomen and men. Along with *wayang* puppetry, ritual reading, and topeng masked theatre, 'Musick hath charms to soothe a savage beast, to soften rocks or bend a knotted oak', as William Congreve had said. Sacred music (both vocal and instrumental) through holy artists and pious reciters has touched the heart of God. Music is still perceived as the blissful path to reach God.

Singing *kidung* remains an important requirement in Hindu-Balinese communal religious ceremonies and is one of the four categories of Balinese song.⁴ Vocalists understand that the text they sing must be appropriate to the ceremony being held, with tone and tune suited to the event. Music has the power to heal our ailments too. After many experiments, it has been established that musical therapy can cure diseases like headaches.⁵ *Kidung* is not just a supporting musical background, but itself an offering in and for the ceremony [Suarti Lakshmi, 2006; 2007, p.1]. The ontology of *kidung*, a largely female art, will be discussed and compared to the Veda (Hindu scriptures) and *kakawin* (Old Javanese [Kawi] narrative texts), which I will argue are more male specialist recitations, yet which model religious singing that *kidung* emulates.

Next, I hope to clarify *kidung*'s function in Balinese society: I argue the genre represents Balinese values concerning human life and spiritual thought. While the Veda and *kakawin* are distant, performed by specialists, and difficult to access (written in Sanskrit and Old Javanese, respectively, languages obscure without extensive translation), *kidung* verses are nearer, performed by ordinary members of the community (often females), and are in the relatively more accessible Middle Javanese.

SAMPLE *KIDUNG* PERFORMANCE

Before continuing I will describe the progress of a representative performance discussing a *dewa yadnya* (divine) ceremony in which I was the song leader, which took place on 9 June 2018 in Mengwitani village, Badung regency, Bali during Kuningan, a holiday which comes every 210 days to celebrate the return of the ancestors to heaven at the end of their visit to the earth during the important Galungan festival.

A *yadnya* or ceremony, from organization to completion, it is a voluntary activity, demanding the attitude of *ngayah* (devotional service). A featured dancer or top *gong sekaa* (*gamelan* group) from another area are sometimes hired for a ceremony or, when time or expertise is lacking, some communities may hire a specialist to make the *banten* offerings, but, for the bulk of the labor and almost all artistic performances, including *kidung*, participation is a matter of devotion with no financial payment. Singing *kidung*, as an *ngayah* offering, brings the pride through the sincere efforts of each member of the *sekaa santi*. The appreciation of the community and karmatic gain are the singers' reward.

For the June 9 performance, six people sang *kidung*, three women and three men (an exception to the normal gender grouping which is heavily female and which gives an ideal number of eighteen – one singer to represent each letter of the Balinese alphabet). The group performed about two hours

⁴ These include *kakawin* (Old Javanese chanted narratives), *kidung* (Middle Javanese verse-song in relatively free meter), *macapat* (Balinese verse-songs in strict Javanese meters), and *dolanan* (children's songs).

⁵ <https://time.com/23952/21-natural-ways-to-prevent-and-treat-headaches/> (дата обращения: 23.10.2022).

prior to the beginning of the ceremony, singing various passages in *mebasaban* style, which has one person singing and their partner (*paneges*) translating.⁶ Each of the six singers may in turn perform in this more entertainment-oriented section of the presentation, though as performers interpret the chosen passages for the community, literary- and theological-exegesis meet.

After this entertainment and semi entertainment section (*balih-balihan* and *bebali*), the sacred (*wali*) section began. During the one-hour duration of ceremony, there was about a half hour of *kidung* songs. This sacred section will be the focus of this discussion. Although casual bystanders can join in singing along with the group, in this case no one did. Our group, as always, had a specific area prepared for the performance; usually this area is a *wantilan* (open hall) near the sacred altar where the priest will officiate the ceremony. In cases where there is no pavilion available, singers will sit in front of the congregants.

For the first piece of the ceremony, ‘Kawitan Wargasari’ (overture of ritual song) was sung and lasted about ten minutes as the singers delivered two stanzas in *kidung* style, drawing out syllables via vocal elaborations and trills in monophonic acapella group singing. The text chosen was appropriate to the *dena yadnya* and talked about the beauty of flowers (which are extensively used in the actual ceremony): all community members arrive with flowers that they will hold above their head to pray and then tuck behind an ear or nest in their hair. The priest used them in his blessings, and later assistants will dip *campaka* flowers in the holy water to sprinkle the drops on the community members. The lyrics of the first verse of ‘Kawitan Wargasari’ are as follows:

*Purwakaning angripta rum ning wana ukir
kabadang labuh kartika
panedenging sari
angoyon tangguli ketur
angringring jangga mure*
[Kidung Panca Yajna, 2006, p. 1].

*The fragrance of the forest
Especially in the fourth month (spring season)
When flowers are blooming
Makes all look beautiful spreading out through this life.⁷*

The placement of the voice in this song is conceptualized as in the middle of the tongue (*madianing jiwa*), the technique most common in *kidung* singing. Resonance is achieved by pulling in the sides of the mouth while producing the relatively high tones of the singing and the sound creates a contemplative atmosphere as words are drawn out. The vocal wavering used may approximate the ‘shimmering’ effect characteristic of the Balinese *gamelan*. A single syllable may move through multiple notes. This song, as most of the *kidung* repertoire, used the non-equal interval of seven-toned *pelog* scale.

The second song was ‘Kidung Bremara Ngisepsari’ (The Bumblebee Sucks Flowers), which used again the *madianing jiwa* vocal placement. The first verse is:

⁶ Kidung as semi-entertainment (*bebali*) presented before the ceremony, as with the solo singing and translation before the ceremony on June 9, emphasizes the aesthetic quality. In the ceremony itself, I argue it has a *wali* (sacred) function. Kidung can also be a secular entertainment (*balih-balihan*) in contests organized by the government. Groups I have trained have won first place in these contests, but my own interest in teaching has been to share the art and its spiritual ideas with my students.

⁷ Translations are my own but sometimes I made them in consultation with either I. Nyoman Catra or I. Nyoman Sedana.

*OM OM sembah i katunan dumadak juwa keaksi
mungwing pangebaktin titiang
diastun langkung tuna sami
pakirang artha wibhawa
nista solah kalawan murus
minah banget hina budhi
[Kidung Panca Yajnya, 2006, p. 57].*

*Om, Om. My humble worship to the Supreme God.
May the Divine One bless me,
Realizing my respect toward Him.
Although I am so deficient in wealth, behavior, and speech,
and so lacking in proper conduct and everything,
I acknowledge my nothingness before the Divine.*

These lyrics instruct us to be humble in the face of the Godhead to whom the ceremony is directed. The intent of the song is that if one seeks the pure essence (i.e. ‘honey’), the devotee (i. e. ‘the bee’) can infuse The Absolute in his/her life. During this song, the priest prepares the holy water. As this *kidung* progressed, one could hear the priest’s muffled *mantra* and the ringing of his bell.

Next the priest and his assistants started taking from the altar and dispensing the holy water and the group started singing *kidung* ‘Totaka’ with lyrics of ‘Turun titra’ (‘Water flows down’). Sometimes the priest’s assistants could also sing along as they worked their way through the crowd sitting cross-legged on the ground for the outdoors ceremony. The dispensers sprinkled drops of water over community members with the flower held in their right hand. Then they poured a little water in a congregant’s cupped hand for him/her to wet head, hair, and sip. Finally, a congregant took a few grains of rice from a silver pan the assistant also holds to stick to damp forehead while reciting *mantra Sryam bhavantu* for aesthetic sensibility, then to the chest with *Sukham bhavantu* for happiness, and then swallowed a few grains with *mantra purnam bhavantu* for perfection. The rice would remain for a while as a sign of participation in the rite.

The melody of this ‘Totaka’ song is slow and serious, giving a feeling of weight. Of the blessed individuals, some would recite the lyrics *sotto voce* or contemplate in internal concentration. The expressiveness and gravity of the singers were impressed as they joined the congregants at this height of the ceremony to wash away all evils.

*Turun tirtha sakeng lubur
Pemangkune manyiratang
mangelencok muncrat mumbul
mapan tirtha mertha jati
paocan bharata sami
panyapatan dasa mala
sami pada lebur
malane ring bumi
[Kidung Panca Yajna, 2006, p.74].*

*The water flows from above.
The pemangku (priest) sprinkles it.
The holy water splashes.
It is the water of life, amirta,
given by the gods
to purify us from the ten evils.
Everything worldly and negative will be destroyed.*

Depending on the number of people to be sprinkled, the *sekaa santi* might go to another less well-known song that is also appropriate for the dispensing of holy water – though in the June 9 case this was not needed.

After this blessing sequence, the group could do a song in Sekar Agung (Old Javanese poetic meters) but sung in light and ornamented *kidung* mode, rather than more guttural *kekawin* style. In this event, the group delivered a song, from *kakawin Arjuna Wivaha* (written by Empu Kanwa c. 1030 AD) to a solemn tune.

*Çaci wimba haneng ghata mesi banyu;
Ndanasing suci nirmala mesi wulan;
Iwa mangkana rakwa kiteng kadadin;
Ring angembeki yoga kiteng sakala.*

*Like the moon's reflection in the water-filled jar;
The image only manifests if the water is clean and pure.
So with the radiance of God in this world:
Only in the good person who performs yoga
Will God manifest His true self, shining holiness in its fullness.*

In this song, the placement of the voice differs and sound is focused at the base of the tongue, giving a deeper resonance. Still, the sound is 'lighter' than in normal *kakawin* recitation and the strict rules of *kakawin* meter, so important for *kakawin*, are deemphasized in the relatively free delivery. This *kidung* reminds us the Divine will not reveal its merit to just anybody. God shows his resplendence only to those who diligently purify themselves on the path of *dharma* (right action).

This passage drawn from the important mystical story of how the heroic Arjuna, the third of the Pandawa heroes in the *Mahabharata*, through his righteous and solitary meditation on Mount Indrakila won the weapon Pasupati (literally, 'Lord of Beasts') by conquering his animal [sensual human] nature. This weapon is gift of Siwa (Shiva) in recognition of Arjuna's meditation. Arjuna thus shows himself as equal to this Divinity of Shiva who is the lord of the dance and of destruction.

The final piece presented in this ceremony was 'Rikala Ngaluhur' (Time of ascending Ancestors). This song marked the conclusion of the June 9 event.

*Rikala ngaluhur manunas wara nugrane
menawi kirangne katur
agung sinampura ugi
canange asebit sari
mangda ica Ida nonton*

*nodya saking lubur
mamuputang sami*
(Kidung Panca Yajna 2006, p. 86)

*To the ancestors
Flowers are the only things we have to offer.
Please receive them.
Of what is asked from above,
Everything is already accomplished.
We ask forgiveness
For all we have done.*

The emotion of *kidung* is expressive and contemplative. The vocal feeling is light and the melody elaborated. To sing it gives the singer a feeling of freedom as she and co-singers draw out the syllables on the basis of breath capacity. In *kakawin* the *guru lagu* or metrical rules are restrictions, but in *kidung* the voices float freely giving a feeling of contemplation. Hearers are moved from mundane into the sacred via melody, lyrics, and intent.

In theory, if not practice, a group is made up of eighteen members (each representing one letter of the Balinese alphabet).⁸ Men may of course participate as group members (as in the June 9 ceremony) and any person in the community can join during the actual ceremony. The leader is usually the person with the best voice who commands the largest repertoire and this is usually a woman (as I was the leader for June 9). The selection of stanza requires the leader to know what is appropriate to the ceremony and its progress. Lyrics corresponding to a marriage (*a manusa yadnya*), for example, would be strange in ceremony for a *dewa yadnya* for the gods.

The texts perhaps in greatest use today will be drawn from a selection available widely in small books that singers bring with them to each event (just one example is [Kidung Panca Yajna 2006]): such printed collections first appeared in the 1990s and are now the norm for singers.⁹ Each ceremonial performance conceptually (as most Balinese performances) has an opening or head (*pengawit*) (here, 'Kawitan Wargasari'), a body (*pengawak*) (here, 'Totaka'), and closing (here, 'Rikala Ngaluhur'). The length of a song or the number of repetitions that the group might make of the same hymn would depend, as in this ceremony, on the actions of the priest. If he hurries, it will be a single rendition of the poem timed to conclude with his actions, if he is not rushing off to another ceremony, the presentation might be more leisurely, allowing viewers to truly savor the sound and the words by multiple iterations of the same lyrics.

Comprehension of the exact meaning by the viewers admittedly would be partial: a skilled singer would probably understand all the words, even if they too need seeking for the inner meanings. A casual observer might only comprehend 20%, yet the soothing sound and the implications of the grasped words would still give an impact. Those seeking to deepen the more meditative and peaceful feeling would sit near the singers or even join the song.

⁸ This idea of eighteen, one for each letter, is based on a traditional veneration of writing and literature. In a number of Indonesian forms (as in the opening passage of wayang theatre in many areas), one finds mantra regarding culture bringers like Aji Saka (Hindu-Buddhist cultural bringer) who divides the alphabet to the directions and letter give life and potency. This indicates the veneration of poets and literacy, which prevailed in a society when few could read. Ordinary people only had access to sacred stories, texts, and ideas through oral recitations, giving the letters themselves a kind of mantric potency in the mind of the society.

⁹ In earlier periods group members would just learn orally-aurally by sitting in and singing along.

The performance of *kidung* is perhaps notable as that it is a necessary ceremonial performance where women predominate.¹⁰ By contrast in other required or optional arts done with ceremonies, such as *wayang* (puppetry), *kakawin* (recitation of Old Javanese narratives), or *topeng* (mask dance) men lead. Each of these art groups (including *kidung*) must be considered supportive ‘stand-ins’ for the primary but more inward part of the event, the prayers and gestures of the priest, who effects the actual action of the ceremony and blessing of holy water. However, in singing *kidung*, women usually take a primary role: thus the one who arranges monthly meetings to go over songs and who leads the group in its monophonic performance is most often a woman, usually chosen for the quality of her singing.

It is also notable that this is a group operating in a relatively egalitarian manner to the outside eye – the group singing avoids emphases on a particular individual soloist – and this may reflect female norms in Bali, where the ideal woman is modest and self-effacing. The male dominated arts seem more hierarchical: a reciter of the Kawi poem-narrative heads *kakawin* while the interpreter to contemporary Balinese vernacular is secondary. In *wayang* the puppet master leads. In *topeng* masking, a male troupe head prevails.

The singing style may also favor the female. In these male arts, a deeper throat tone is needed. In *kidung*, the preferred vocal quality is light, trilling, and suited to the female voice. *Kidung* in structure, tone and its ideal of *ngayah* gives an important avenue for women to participate in ceremony as actual performers and so *kidung*’s aesthetics and organization manifest this Balinese ‘female’ inclination.

KIDUNG IN HINDU-BALINESE RITUALS: THEOLOGY, ONTOLOGY AND VALUES

In this section, I discuss first the development of academic understandings of theology in contemporary Bali and then argue that *kidung* has an ideological relationship with the older genres, which include the Sanskrit Vedas and the Kawi *kakawin*, but moves further from the rarified world of sacred languages understandable to only the divine and the learned (Sanskrit, Kawi), toward what can be accessed by the average person (Middle Javanese). *Kidung* continues to maintain, linguistically or sonically, the distance from the layperson’s contemporary Balinese, and can therefore be clearly marked as ‘other’, giving it a feel of ‘sacred’, yet, since many words can be understood, *kidung* provides a way average people can enter the realm of the holy.

Theology

In the Hindu religion of Bali, the study of theology in an academic or theoretical mode has developed only since the 1960s with the founding of the high school of religion and later tertiary education. Previously, the teachings of religion were largely based on tradition passed from generation to generation, and ‘feeling’ was, for most believers, more important than rational study. The foundation of the Hindu-Balinese religious framework concerns *tatwa* (intellectual or philosophical aspect), *susila* (ethical aspect), and *upakara* (ritual aspect, ceremony). Only certain people – clergy, literati, cultural experts (including singers of *kidung*) – concern themselves with philosophy; while the general public, mostly, just try to carry out the ethics implied (*susila*) and correctly execute the ceremonies (*upakara*). The Balinese ceremonies are, of course, grounded in religious symbols but implemented by most Balinese Hindus without full understanding.

¹⁰ Of course, preparing the visually stunning offerings (*banten*), cooking/serving food, are other major female activities. Some women also sprinkle the holy water as priests’ assistants.

Kidung as a song art, until recently, has been mostly confined to ritual,¹¹ and includes a theological approach to the literary texts. In connection with the *kidung* in the ceremony for the dead (*ngaben* or cremation) to honor the ancestors, the *kidung* helps legitimize the success of a ceremony; therefore, the text choice is adjusted to the need of the particular ritual. *Kidung* combines the arts that are considered *wali* (sacred) (ceremonial), with the *bebali* (semi-sacred, entertainment, as in the *mebasaban* section before the ceremony discussed above), and *balih-balihan* (entertainment outside ceremonies, i.e. contests), meanwhile, in choice of texts, *kidung* is attentive to *desa, kala, patra* (place, time and situation).¹²

Yadnya or ceremony is described in Indian Vedic teachings and, as something articulated in these ancient religious texts, must be implemented by Hindus [Sanjaya, 2008: 4]. For the Balinese, the greatness and majesty of Ida Sang Hyang Widhi Waça (the highest god of the Hindu Bali pantheon; Brahma, the creator),¹³ the sincerity of the devotees, and the form of offerings are provided in the form of symbols (*niyasa*) of the ceremony (*yadnya, upakara*) [Ibid, p, 4--5].

In Balinese thinking, every birth brings bonds of debt known as *tri rna* (three debts) which must be repaid with five ceremonies: 1) *dewa rna* is the debt to Ida Sang Hyang Widhi Waça, who has created and given the necessities of life and is repaid with the ogre or *bhuta yadnya* and god or *dewa yadnya*; 2) *pitra rna* is the debt to ancestors, especially parents who give us life and succor to be repaid with *manusa yadnya* and *pitra yadnya*, the ceremonies for humans (birth, tooth filing for coming of age, weddings) and ancestors (death rites), respectively; 3) *rsi rna* is debt to our teachers of religion, art, and culture, and repaid with the *rsi yadnya* [Ibid, p.4]. Ceremonies can be tailored to the patron's means and so they can be *kanista* (small, also called essential [*nista*]), *mediama* (medium, also *madya*), and *mabotama* (large, great, also called *utama*). From small to great level, *kidung* is integral to all *yadnya*, while more elaborate performance forms like *gamelan* can be omitted for modest level ceremonies.

The simplicity of the singing, which requires only human voice via a genre that is shared through the community, makes *kidung* easy to include as essential in the ceremony. *Kidung* singing is a way laypeople can contribute to the offering and provide greater access for the listeners and singers themselves to religious concepts.

Kidung as part of religious rituals requires the singer to have theological understanding of the texts, which often deal with relationship to the divine or mention ceremonies. Singers select songs considering the context of the event, as well as practical and aesthetic elements. Chanters have packed their small 'pocket book' books of lyrics to consult. These compilations have been in print since at least the 1980s, but older people may also have hand-copied notebooks of lyrics to augment these pocket hymnals. Even with such guides, self-understanding of text and sensitivity to the context are required: singers are making choices that open hearts and lead listeners into the mystery of the holy.

¹¹ In recent years, there have also been performances of *kidung* in regional competitions for youth in Bali where prizes are awarded for the best groups. A group trained by the author has in a number of contests taken the prize.

¹² In the 1970s in an attempt to respond to the influx of tourists, the Balinese developed three categories to differentiate performances that might fit the needs of tourist or entertainment functions. The sacred arts were designated at those created for performance inside the temple courtyard (*wali*), while those performed in front of the temple (*bebali*), and those which could be performed anywhere (*balih-balihan*) were judged acceptable for sharing with tourists. The concept of space, time, and situation is another gauge by which Balinese judge what can and cannot be allowed. This system creates some flexibility in interpreting what is acceptable and what is a violation of Balinese ethics.

¹³ Emphasis on Sang Hyang Widhi Waça (Brahma) as unitary creator divinity is strong in contemporary Balinese Hinduism. In some ways, the idea of all divinities as being different manifestations of the same divine energy is old and in the core of Hinduism, but the emphasis upon the Panca Sila, the five important principles of the Indonesia nation which demand belief in one god, has helped to spur in the theological emphasis on Widhi Waça in the post-colonial period theology. The Balinese, to counter the Muslim challenges that Balinese Hinduism is 'polytheistic', have emphasized this unitary aspect since independence.

Ontology

Ontologically speaking, I see the use of *kidung* as based on the Vedic emphasis on song as an integral part of a religious offering. Song as an offering is further modeled in the singing of the old Javanese *kakawin* texts in ceremonial contexts. *Kidung* must be seen as the further iteration of such vocal practices that uses song to enhance religious events.

The Rīgveda X.71.11 says:

Rcām tvah posamāste pupusvām, gāyatram tva gāyati sakvarisu bhahmā tvo vadati jātavidyām yadñasya mātrām vi mimita utvab;

A duty is to pronounce the verses of the Vedas, one sings the songs of praise in the sacrament, another controls the Vedic knowledge and teaches the Vedic content, and the other teaches the order of carrying out the sacrifice (yadnya) (quoted in [Sanjaya, 2008, p. 4]).

Here we see a kind of division of labor – singer, expert, organizer – that is still evident in contemporary Balinese ceremonies: the *pedana* or *pemanku* (priest) controls the knowledge, *sarati* are the people taking care of the protocols, but singers are also needed. Of course, for the Veda in India, the singers have been and are male Brahmins. This contrasts with Bali where all genders and classes can join a *kidung* group.

The other chanting and performances which occurs in the context of a temple ceremony will be, as noted earlier, the duo performance/recitation of *kakawin* and the presentations of *wayang* or *topeng*, where the puppet master or mask dancer(s) perform with their musicians. These activities are dominated by men and use more linguistically challenging texts for their narration. The *kakawin* is in Old Javanese (Kawi) and must be interpreted. The *dalang* has the noble characters speak a form of Kawi that is improvised in performance and the clown puppets interpret the dialogue in contemporary Balinese, ensuring understanding. The *topeng* dancer uses the somewhat archaic language of *babad* (historical chronicles) and interpolates contemporary ideas by using contemporary Balinese for the clowns.

As mentioned earlier, the text of *kidung* song is more accessible and audible than the mantra of the priest and does not need the kind restatement, as is provided by the translator in the *kakawin* presentation or as is given by the clowns in puppetry or masking, to understand the gist of the language. *Kidung* more nearly clarifies the religious service for the public and gives advisement on what the event means.

Values

Thus, *Kidung* is effective in making Balinese religious values accessible. Translations of the previous texts have already given us examples of how religious thought should permeate life and how humans are small as compared to the divine. I will conclude this discussion with very brief examples of lyrics sung in other kinds of ceremonies – *manusa yadnya* for the living, *rsi yadnya* for the priest-teacher, *pitra yadnya* and *buta yadnya* for the dead and for lower spirits respectively.

Manusa Yadnya

The following *kidung* ‘Wilet Mayura’ is sung in *pelog* tuning for a wedding, a *manusa yadnya*.

*Angrerimang sang ulangun
sang lara angunur guyu
sang karwa lingnya kasemaran
amawas istri kaleson
dadyata amuwuhing angrawit
sasolah ira sang arum
sang kakung lingniya*

*duh yayi paran denkwa
a munung saking larasta.
[Kidung Panca Yajna, 2006].*

*The longing of a lover,
The sadness of not knowing – is your love requited?
Yet both are engulfed in love.
The girl looks so listless and melancholy.
Finally, the music starts to play.
Her presence is the fragrance of a flower.
He talks to his beloved:
Oh my darling
Why do you look like so sad?*

The love alluded to in the *kidung* is understood to be more than just an earthly passion, but a metaphor for love of God. Agastia following Zoetmulder says that the poet (*kawi*) of Old Javanese is conceptualized as a wandering seeker of beauty via yoga whose search culminates in deliverance [Agastia, 1987, p. 82]. In *kidung* lyrics, the beauty of the beloved, nature, or the universe are also understood as love of the creator. The beauty of creation penetrates the soul of the poet, directing him to the divine.

Rsi Yadnya

Kidung Rsi Yadnya is especially used for the ordination (*pediksan, dwijati*) that raises one from an ordinary person to a priest. The following is an example of one of the songs.

*Nihan polahing the tatas wiku
Nawang bhumi langit
diya ento warangane.
punika standing wiku.
nulan surya lawan wintang
sampun kawasne ring langit
endi pamating ipun
Mwang riuriping banyu asri
[Kidung Panca Yajna, 2006]*

*A person who is a hermit,
Knows heaven and earth,
Where all is connected,
That is the base of a hermit,
Moon, sun and stars,
He already masters the mysteries of the heavens
and of his death,
And life giving holy water.*

The ceremony initiates the priest and communicates to the initiate and the community the ideal of priestly power, exemplified by his ability to make holy water.

Pitra Yadnya and Buta Yadnya

In the ceremony for ancestors (*ngaben* or cremation), death is thought of as part of the life cycle as the soul is now taking its return journey to the elements from which it came: earth, air, water, fire. One of the *kidung* sung is 'Aji Kembang' (Aji Flower) which also is included in *buta yadnya* for demons. The text goes through *Sanghyang Catur Sanak* (Gods of the Directions). The hymn references Balinese religion's correlations between the macrocosm (*bhuvana agung*, exemplified by gods who each have their own compass point) and the microcosm (*bhuvana alit*, our human body). The cosmos can be articulated by either the idea of four directions (*Sanghyang Catur Sanak*) plus the center, or, alternatively, by the gods of the Nine Directions (*Dewata Namasanga*, made up of four directions, their quadrants, and the midpoint). The midpoint is always associated with ascension and self-realization. Each divinity has a goddess (*shakti*), color, element, *urip* (life energy), weapon, steed, demonic form, part of the body etc. Suffice it to say that the singers are inviting themselves and listeners to internalize these gods/ideas as in a Hindu *nyasa* ceremony where syllables, gods, etc. are envisioned on the parts of the body in a meditation meant to unite the believer's body with the cosmic divine.

In this ceremony for ancestors, after burning the bones and before releasing the ashes to the ocean, one recollects the gods and directions to help the dead return to elements from which they came and unite with ether (center/divinity/enlightenment). The five-tone martial sounding *selendro* tuning is unusual in *kidung* with a different feel than the customary *pelog* tunes. Here I will give only one verse of this important song.

*Ring purwa tunjunge putih
Hyang Iswara dewatanya
ring papusuh pranahira
alinggih sira kalihan
pantesta kembang petak*

*ring tembe lamun dumadi
suka sugih tur rahayu
dana punya stiti bhakti*
[Kidung Panca Yajna, 2006, p. 163]

*In the east, the lotus is white.
Iswara [a form of Sima/Shiva] is the god.
His abode is in the heart.
He stays with two.
Indeed the lotus is white.
If you come to reincarnate again,
Hope for wealth and happiness
Give to others, pray, and do not loose hope.*

The *kidung* progresses through the other directions/gods/body points/etc. as it reminds us of positive behaviors in life. The use of this same *kidung* for the demon ceremony emphasizes the importance of micro- and Macro-cosmic thought in the religion.

CONCLUSION

In large-scale ceremonies, many arts meet: the sounds of the place, human voices, *gamelan* and instruments, *kakawin*, *mebehasan*, and theatre fuse in a busy (*ramai*) atmosphere. During *genta* the priest's bell, the village split drum (*kukul*), the *kidung* chorus and other sounds unite with the song in a complementary way. *Kidung* is an important part of the offering. Ida Pedanda Gede Putra Bajing from Geria Sumerta Denpasar in an interview 22 July 2018 gave his view that the power of a ceremony rises from the synergy of all elements and leads to its success [Putrawan, 2018]. For example, at the peak of the ceremony for *bhutakala* (demons), the priest with his formulas for demons, the sound of the loud percussive ensemble Bleganjur, the *kidung* for the demon ceremony, and the hustle and bustle of the event climax, causing the demonic to be pacified and not disturb society. This is effected by the communal focus of all to one goal.

The *kidung* is only one segment of the whole, but an important one. It is especially open to females and allows women a place to excel in the ceremonial context where men predominate. Singing *kidung* requires artistic and theological understanding of practitioners who remain laypersons, yet serve as a sacral function. *Kidung* is a relatively accessible avenue for listeners to understand, linguistically and emotively, aspects of the event, and invites them, if they wish, to join.

Even when *kidung* is done in the *bali-balihan* mode, it can direct people back toward its sacred roots. The government through competitions held for Utsawa Dharma Gita—the contest for various religious songs—involves the singers in different groups: children, adolescents and adults. Those who participate in the contest use modern tools such as their hand phone to record and play back the songs when they practice. For such contest presentations, innovations are possible, and musical accompaniment, including western instruments, may be included as part of creative modernizations. This is fully acceptable in the secular context of the competition and their trainings. Nevertheless, everyone understands that it is only in the context of religious ritual that these *kidung* tunes truly sound and that competitions are meant to prepare new generations to sing in the less elaborated ritual context where one can truly understand the complexity of thought, art, and religious meanings embedded in the genre.

Литература/References

- Agastia I. B. G. *Sagara Giri, Kumpulan Esei Sastra Jawa Kuno* (Sea to Mountain: Collection of Essays on Old Javanese Literature). Denpasar, 1987.
- Creese H. M. Inside the 'Inner Court': The World of Women in Balinese *Kidung* poetry. [Paper presented at University of Hawaii, 20–22 March, 1998]. *Engendering Early Modern Southeast Asian History*, ed. by L. and B. Andaya. Honolulu, 2000. Pp. 125–146.
- Herbst E. *Voices in Bali: Energies and Perceptions in Vocal Music and Dance Theatre*. Hanover and London, 1997.
- Hinzler H. Balinese Palm-leaf Manuscripts. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde/Journal of the Humanities and Social Sciences of Southeast Asia and Oceania*. 1993. Vol. 149, No. 3. Pp. 439–473.
- Kidung Panca Yajna*. Surabaya, 2006.
- Robson S. O. *Wanḅan Wideya. A Javanese Pañji Romance*. The Hague, 1971.
- Putrawan N. *Ida Pedanda Gede Putra Bajing, meneruskan tradisi purobita*. Marga, Bali, 2018.
- Sanjaya, Putu. *Acara Agama. Hindu Ceremonies of Hindu Religion*. Penerbit, 2008.
- Suarka I Nyoman. *Kidung Tantri Pisaca Karana*. Denpasar, 2007.
- Suarti Laksmi D. M. Penempatan Suara (Vocal Placement) dalam Seni Olah Vokal Bali (Placement of the Voice in Vocal Arts of Bali). *Mudra Jurnal Seni Budaya* (Mudra: Journal of Culture). Denpasar, 2006.

- Suarti Laksmi D. M. *Kidung Manusa Yadnya: Teks dan Konteksnya dalam Masyarakat Hindu di Bali (Kidung in the Ceremony for Humans: Text and Context in the Hindu Community of Bali)*. Denpasar, 2007.
- Vickers A. *Journeys of Desire: A Study of the Balinese Malat Text*. Leiden, 2005.
- Wallis R. *The Voice As a Mode of Cultural Expression in Bali*. PhD, Univ. of Michigan, 1979.
- Warna I Wayan and Editorial Team. *Arjuna Winaha (Arjuna's Meditation)*. Denpasar, 1988.
- Zurbuchen, Mary Sabrina. *The Language of Balinese Shadow Theatre*. Princeton, 1987.

«АНГЕЛЬСКИЙ ГИМН» КАК ПРИМЕР КОПТСКОЙ ГИМНОГРАФИИ

© 2022

Л. Р. Франгулян¹

Статья посвящена филологическому анализу поэтического отрывка из апокрифа «Поставление архангела Михаила», который должен был читаться в день праздника в честь архистратига. Коптская гимнография, хотя и берет истоки из греческой, стала самобытной; известны несколько сборников древних гимнов. Особенностью так называемого «ангельского гимна» можно назвать тот факт, что он не входит ни в один сборник, но представляет собой часть литературного памятника. В статье приводится первый русскоязычный перевод этого гимна. Он отличается по стилю от всего повествования. Его исполняет сам Михаил с ангелами. Гимн обрамлен обращениями к праведникам и состоит из восьми строф. Он, как и сам памятник, сохранился в трех версиях: две на саидском диалекте (рукописи IX в.), одна на фаомском (рукопись IX–XI вв.). В гимне используется анафора, лексический повтор, параллелизм. В трех версиях выделяются следующие темы: праздник, трапеза и милость. Анализируя структуру гимна, можно сделать вывод о том, что во всех трех версиях она сохранилась. Однако при исследовании затронутых тем и литературных приемов оказалось, что в каждой версии акценты расставлены оригинально. Прослеживается внутренняя связь между частями гимна. Сам отрывок также логично встроен в общее повествование. Главная отличительная черта всех версий — это такая краткость некоторых фраз, что слушателю открывается большое пространство для интерпретаций и догадок. Для более точного понимания необходимо или знать другие версии гимна, или обращаться к сюжетам из «Поставления». В апокрифе также подчеркивается важность пения гимнов, что позволяет сделать вывод о том, что прихожане участвовали в исполнении гимна при чтении памятника в день праздника.

Ключевые слова: архангел Михаил, Иисус Христос, коптская гимнография, ангельский гимн, дневник апостолов

Для цитирования: Франгулян Л. Р. «Ангельский гимн» как пример коптской гимнографии. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 43–53. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-043-053

«ANGELIC HYMN» AS AN EXAMPLE OF COPTIC HYMNOGRAPHY

Lilia R. Frangulian

The article is devoted to the philological analysis of poetic passage from the apocrypha «The Investiture of Archangel Michael», which was to be read on the feast day in honour of the Archistratigus. Coptic hymnography,

¹ Франгулян Лилия Рубеновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН, Москва; 8liya8@gmail.com

Lilia R. Frangulian, PhD (philology), senior research fellow of History and Culture of the Ancient East Department, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; 8liya8@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2206-2152

although derived from Greek, has become distinctive; several collections of ancient hymns are known. The peculiarity of the so-called «angelic hymn» is the fact that it is not included in any collection, but is included in a literary text. The article provides the first Russian translation of this hymn. It differs in style from the entire narrative of «The Investiture». It is sung by Michael himself with the angels. The hymn is framed by references to the righteous and consists of eight stanzas. It, like the text itself, is preserved in three versions, two in Sahidic dialect (manuscripts of the 9th century) and one in Fayyomic (manuscripts of the 9th-11th centuries). Anaphora, lexical repetition and parallelism are used in hymn. The three versions identify the following themes: feast, meal and mercy. Analyzing the structure of the hymn, one can conclude that it was preserved in all three versions. However, a study of the themes and literary devices involved shows that in each version of hymn the accents are set in an original way. The inner link between the parts of the hymn can be traced. The passage itself is also logically integrated into the overall narrative. The main distinguishing feature of all the hymns is that some phrases are so brief that the listener is left with a great deal of room for interpretation and conjecture. For a more accurate understanding it is necessary either to know other versions of the hymn, or to refer to the stories in «The Investiture». The apocrypha also stresses the importance of hymn singing. It suggests that the congregation participated in the singing of the hymn during the reading of the text on the feast day.

Keywords: Michael the Archangel, Jesus Christ, Coptic hymnography, angelic hymn, diaries of the apostles

For citation: Frangulian L. R. «Angelic hymn» as an example of Coptic hymnography. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 3. Pp. 43–53. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-043-053

В области христианского богослужения к гимнографии относят небиблейские поэтические тексты, предназначенные для исполнения (в первую очередь певческого) в определенные моменты службы [Платонов, с. 489]. Исходя из этого определения, гимн — один из жанров церковной гимнографии наряду с другими. В древности же этот поэтический жанр не имел рифмы (в отличие от более современных образцов), он исполнялся нараспев и потому в нем был важен ритм. Древнегреческое слово ὕμνος, от которого и происходит «гимн» в русском языке, в переводе обозначает «торжественная песнь». Таким образом, в христианстве гимн — это поэтический текст с торжественным восхвалением Бога, святого или праздника, исполняемый по большей части во время богослужений.

По словам Василия Великого, в Египте наряду с другими провинциями восточной части империи исполнение разных песнопений, в том числе и гимнов, было важной частью богослужения [Basilus Magnus, p. 764]. Исследователи отмечают, что, хотя византийские образцы, несомненно, были известны коптам, они сыграли роль отправной точки, отталкиваясь от которой, египтяне-христиане создали самобытные гимны. Анализ метрики не позволяет предположить, как именно должны были звучать древние коптские гимны. Скорее всего, они были похожи на ритмизированную прозу. По форме они часто достаточно пространственные, их содержание полностью посвящено христианской тематике и связано с библейскими персонажами и сюжетами, а кроме того, с новозаветными святыми и мучениками².

Многие коптские гимны дошли до нас в сборниках. Самым известным из них можно назвать Дифнар — сборник гимнов в честь святых и на тему важных церковных событий. Он сохранился в нескольких рукописях на бохайрском диалекте коптского языка. Церковь египтян-христиан до сих пор использует эти гимны в богослужении. Предполагается, что Дифнар формировался на протяжении долгого периода времени, самое же раннее упоминание о нем относится к первой половине XIV в. [Mekhaie]. Гимны представлены в двух частях, каждая из которых исполняется соответственно под мелодию «Адам» или «Батос». Первая часть поется с воскресения

² Обзорная статья о коптской поэзии см.: [Kuhn].

по вторник, вторая — в оставшиеся четыре дня. Тематическая связь между частями не всегда прослеживается, иногда в них содержатся противоречащие друг другу сведения.

Другой известный нам сборник содержит тринадцать гимнов, которые представляют собой акростихи, каждая строфа (четверостишие) которых начинается последовательно с одной из 24 букв греческого алфавита³. Нельзя сказать, что за каждой строкой закреплено определенное количество ударных слогов или гласных; требуется дальнейшее изучение этих текстов. Гимны написаны в честь Пресвятой Девы, архангела Михаила, 12 апостолов и нескольких святых, широко почитаемых в Коптской Церкви. Два гимна написаны в честь новозаветных событий: Воскрешение и Вознесение Христа и Его Крещение. Рукопись М574 (IX в.), в составе которой дошел данный сборник, хранится в Библиотеке и Музее Моргана в Нью-Йорке. Этот манускрипт был частью собрания, имеющего отношение к монастырю архангела Михаила, от которого остались лишь руины в селении Пхантоу недалеко от деревни Эль-Хамули (север Египта). Изучение рукописи М574 показывает, что она имела литургическое использование. Следовательно, в монастыре гимны в честь святых пелись в дни их памяти, а в честь событий — в дни соответствующих праздников.

Гимн, рассматриваемый в данной статье, не входит ни в один из сборников, но представляет собой часть композиции «Поставления архангела Михаила» [Die Bucher, s. 2–60]. Текст этого апокрифа дошел полностью только в рукописи М593 из той же библиотеки и той же датировки, что и сборник тринадцати гимнов выше. Памятник написан на саидском диалекте коптского языка. На фаюмском диалекте «Поставление...» сохранилось не полностью в рукописи М614 (IX в.) и было издано в той же монографии, что и рукопись М593 [Die Bucher, s. 2–60]. Наконец, последняя версия памятника, также отрывок на саидском диалекте, засвидетельствована в рукописи IX–XI вв. IFAO Copte inv. 145–148 [Tibet, p. 18–29]. Все три версии содержат ангельский гимн.

Цель данного исследования — ввести ангельский гимн в научный оборот, сделав первый русскоязычный перевод трех его версий. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) сделать дословный перевод версий гимна, 2) сделать литературный перевод трех версий, 3) проанализировать три версии с точки зрения структуры гимна и используемых риторических фигур, 4) исследовать темы, поднимаемые в версиях, 5) сравнить три версии между собой, 6) изучить место, занимаемое гимном в структуре всего «Поставления...».

В «Поставлении...» повествуется о том, как архангел Михаил после битвы и низвержения дьявола занял свою высокую позицию в Царстве Небесном. Этот памятник написан в так называемом жанре «дневник апостолов» [Hagen]⁴. Его отличительная черта — постоянная отсылка к первому лицу множественного числа, например, «мы спросили», «Он сказал нам» и т. п., в котором «мы» — это апостолы, а «Он» — это Иисус Христос, повествование же ведется апостолами, одним из них или одним из их учеников, иногда несколько рассказчиков сменяют друг друга в одном тексте. Как пишет коптолог А. Сучиу, тексты в жанре «дневник апостолов» можно разделить на два вида: те, которые имеют гомилетическое обрамление и вставлены в проповедь, и те, которые не являются частью проповеди [Suciú, p. 71–73]. «Поставление архангела Михаила» относится ко второму виду и было предназначено для чтения в соответствующий праздничный день за богослужением.

³ Этот факт не должен вводить в заблуждение, так как коптский алфавит основан на греческом с добавлением нескольких букв из демотического письма.

⁴ А. Сучиу называет этот жанр «воспоминанием апостолов (apostolic memoires)» [Suciú, 71].

Гимн выделяется из контекста, во-первых, самим автором, описывающим, как архангел Михаил с двенадцатью легионами ангелов спустился с небес, воспевая «ангельский гимн (ΟΥΖΥΜΝΟΣ ΝΑΓΓΕΛΙΚΟΝ)». Он назван в текстах рукописей М593 и М614 «ангельским гимном в честь Святого Духа», в версии из рукописи IFAO *Sorte inv.* 145–148 — «гимном Святого Духа». Во-вторых, характерные поэтические черты, стиль и содержание этого отрывка отличаются от контекста. Кроме того, после гимна начинается новая часть повествования — с появлением архангела в окружении ангелов закончены вопросы апостолов и ответы Христа относительно посмертной участи людей, и после гимна Михаил рассказывает истории отдельных душ, приведенных им.

Перейдем к русскоязычным переводам гимна. Основной принцип перевода в таблице № 1 — передать лексические значения максимально близко к тексту, не избегая повторов и синонимов вслед за оригиналом и даже кальки коптских синтаксических конструкций, но делая текст понятным русскоязычному читателю. В таблице № 2 приводится русский литературный перевод этих версий гимна.

Таблица № 1

№	<i>Гимн на саидском диалекте из рукописи М593 (далее В1)</i>	<i>Гимн на саидском диалекте из рукописи IFAO <i>Sorte inv.</i> 145–148 (далее В2)</i>	<i>Гимн на фаюмском диалекте из рукописи М614 (далее В3)</i>
1	Все праведники, возрадуйтесь во благах нашего Спасителя! Аминь.	О праведники, возрадуйтесь во благах нашего Спасителя!	Все народы, возрадуйтесь во благах нашего Спасителя!
2	Иисус тот, кто призывает вас! Михаил тот, кто служит вам!	Иисус тот, кто призывает нас! Аминь. Михаил тот, кто служит! Аминь.	Христос тот, кто призывает вас! Михаил тот, кто служит вам!
3	Иисус тот, кто подготавливает блага вам! Михаил тот, кто молится за вас, пока они не будут даны вам!	Иисус тот, кто подготавливает пищу каждому! Аминь. Михаил тот, кто молится за них! Аминь.	Иисус тот, кто подготавливает блага вам! Михаил тот, кто молится за вас, пока они не будут даны вам!
4	Иисус тот, кто вкушает с вами! Михаил тот, кто служит вам!	Иисус тот, кто утоляет жажду! Аминь, Михаил тот, кто наливает! Аминь.	—
5	Иисус тот, кто охраняет вас и подготавливает пищу для мира! Михаил же тот, кто молится за них ⁵ , пока Тот подготавливает для них!	Иисус тот, кто ест хлеб! Аминь. Иисус тот, кто подготавливает каждого! Аминь.	Михаил тот, кто подготавливает пищу для всего творения! Михаил же тот, кто молится за них, пока они не будут даны им! ⁶

⁵ Предположительно, за тех, кто населяет мир.

⁶ Предположительно, пока пища не будет дана тем, кто является его творением.

№	<i>Гимн на саидском диалекте из рукописи М593 (далее В1)</i>	<i>Гимн на саидском диалекте из рукописи IFAO Corpé inv. 145–148 (далее В2)</i>	<i>Гимн на фаюмском диалекте из рукописи М614 (далее В3)</i>
6	Иисус, Царь славы, тот, кто устраивает праздник для них в чистоте и радости! Михаил тот, кто радуется со своим Царем! Аминь. Апостолы те, кто приглашаются! Аминь.	Михаил тот, кто умоляет! Аминь. Царь ликует сегодня! Аминь. Михаил радуется с ним! Аминь.	Иисус, Царь славы, тот, кто устраивает праздник для них в чистоте и радости! Михаил тот, кто устраивает праздник со своим Царем! Иисус, Царь славы, ликует сегодня!
7	Михаил тот, кто предстоит, служа им всем! Михаил всегда молится ⁷ за них, им дается великая слава!	О тех, кто сотворил малую милость в день святого архангела Михаила на земле, Михаил всегда молится, И им воздается величие среди небожителей!	Михаил тот, кто предстоит, служа им всем! Тем, кто дал малое пожертвование на земле, всегда дается величие на земле!
8	Души праведников, возрадуйтесь, что вот Михаил пришел к вам, наполненный всякими благами Света, которые он дает дающим милость во имя его!	Души, возрадуйтесь! Аминь. Так как вот Михаил пришел к вам! Аминь. Он наполнен всякими благами! Аминь. Он дает их тем, кто сотворит милость сегодня! Аминь. Так как он архангел, защитник жизни! Аминь. Он архистратиг сил небожителей! Аминь.	Души праведников, возрадуйтесь, что вот Михаил пришел к вам, наполненный всякими благами Света, которые он дает дающим милость во имя его!

По тематическому признаку в гимне В1 и В2 можно выделить восемь строф, в В3 — семь, разграничение между которыми было произведено переводчиком, а не коптским автором. Четвертая строфа в В3 соответствует пятой строфе в В1, поэтому строфа № 4 осталась пустой в В3. Первоначальная и конечная строфы начинаются с призыва к слушателям «Возрадуйтесь». Обе они связаны по смыслу. В первой строфе праведные должны радоваться, так как пребывают во благах (αγαθον) Спасителя. В конечном обращении их радость связывается с теми благами (αγαθον) света, которые праведники получают от архангела Михаила за дела милосердия в его честь. Т. е. имплицитно слушатели призываются к социальному служению ближнему. Слово αγαθον также повторяется в третьей строфе в В1 и В3, эта взаимосвязь обращений и основного текста придает гимну целостность. В В2 в этой же строфе благо конкретизировано и названо «пищей» (ρε), которая еще больше конкретизируется в последующих двух строфах.

⁷ Когда в переводе написано «всегда что-то делает», так передается время обыкновения, используемое в коптском языке.

Как видно, во всех трех версиях начальное обращение упоминает Спасителя, конечное — архангела Михаила. При этом в версии из рукописи IFAO Copte inv. 145–148 восьмая строфа самая длинная: в дополнение к темам его прихода к людям и милости он назван защитником и архистратигом, т. е. отмечены и земная, и небесная функции. Эта пара — Спаситель и Михаил — основа для выделения строф в В1. Здесь строфы со второй по шестую синтаксически выстроены по одинаковой схеме (анафора): первая часть посвящена Христу («Иисус тот, кто...»⁸), вторая — Михаилу («Михаил тот, кто...»). В В2 и В3 этот параллелизм во всех пяти строфах соблюдается не так четко. В В2 шестая строфа — это последняя, где упоминается Иисус, и Он назван не по имени, а «царь». Стоит отметить, что в строфах № 5 и 6 в версиях В2 и В3 Иисус и архистратиг упоминаются зеркально. Пятая строфа В2 полностью посвящена Иисусу, а в В3 — Михаилу. Автор В2 выстроил шестую строфу так: «Михаил... Царь... Михаил...», автор же В3 — «Иисус, Царь славы... Михаил... Иисус, Царь славы...». Какая из версий первоначальная, неясно, но очевидно, что это осознанное изменение при сохранении структуры гимна. Седьмая же и восьмая строфы во всех трех версиях посвящены полностью заслугам архангела.

Параллелизм упоминаний Иисуса и Михаила придает отрывку стройность и ритмический подъем, очевидный при чтении гимна вслух. Для отделения смысловых частей используется восклицание «Аминь». В В1 оно встречается три раза. «Аминь» заканчивает первую строфу, обозначая ее важность как введения, и два раза повторяется в шестой строфе. Сначала это восклицание завершает строфы с параллелизмом. Далее идет одиночное звание к апостолам: «Апостолы те, кто приглашаются. Аминь». Таким образом, автор В1 осознанно выделяет определенные части в гимне. Автор ангельского гимна в В2 настолько часто использует упомянутое восклицание — 17 раз, и это достаточно много для столь небольшого текста, — что акцент смещается на седьмую строфу, где говорится о милосердии и молитве архангела и где нет ни одного «Аминь». Ясно, что эта строфа мыслилась автором как кульминационная. Наконец, в В3 нет восклицания «Аминь».

В трех версиях совпадают два персонажа: Христос и архангел Михаил — главные персонажи всего «Поставления...». В первой и последней строфах используется обращение к слушателям: «все праведники» (В1), «праведники» (В2), «все народы» (В3) и «души праведников» (В1), «души» (В2), «души праведников» (В3). Особняком стоят слова «все народы», т. е. автор В3 расширяет состав своих слушателей, включая в них всех людей, независимо от их уровня праведности. В В2 больше никакого обращения ко 2 л. мн. ч. нет, в то время как в строфах № 2–5 В1 и строфах № 2–3 фаюмской версии оно засвидетельствовано. Местоимение 1 л. мн. ч. («нас») содержится только в В2 во второй строфе, т. е. только в этой версии автор объединяет себя со слушателями, создает атмосферу вовлеченности и сопричастности. Вторые и третьи строфы В1 и В3 говорят о том, какие действия выполняют Христос и архистратиг по отношению к слушателям («вас», «вам» и т. д.). Наконец, только в В1 к упомянутым персонажам добавляются апостолы (шестая строфа). Учитывая их роль собеседников Христа в «Поставлении...», их упоминание появляется вполне логично.

Шестая строфа в В1 (до первого «Аминь») и В3 выстроена синтаксически и лексически одинаково, не считая того, что в В1 «Михаил тот, кто радуется», а в В3 «Михаил тот, кто

⁸ Такие субстантивированные относительные предложения («тот, кто») можно переводить предикатом [Вестендорф, с. 173, 270], но тогда логически подчеркнутый член предложения, а здесь это, несомненно, Михаил и Христос, не выделяется так явственно. Однако в таблице № 2 такой акцент на субъекте высказывания, не придающий благозвучия гимну для современного русскоязычного читателя, будет заменен на стандартную схему «субъект — предикат».

устраивает праздник». Повторение слов «царь» (В1, В3) и «радость»\»радуется» (В1) или «устраивает праздник» (В3) позволяет отметить зеркальное использование лексического повтора. Автор В2 упоминает Царя, архангела и использует глаголы-синонимы со смыслом «радоваться», не прибегая к указанным фигурам речи. Также в этой строфе В1 и В3 в словосочетании «в чистоте и радости» можно увидеть гендиадис, поэтому в таблице № 2 оно переведено как «чистая радость».

В трех версиях гимна отмечается использование лексического повтора. Для текста столь небольшого объема эта фигура частотна. В В1 повторяются слова † (4 раза, «давать»), **агаѳон** (3 раза, «благо»), **диаконѳи** (3 раза, «служить»), **совте** (3 раза, «подготавливать»), **сопс** (3 раза, «просить», «молить»), **дикаѳос** (3 раза, «праведник») **рро** (2 раза, «царь»), **ѳооу** (2 раза, «слава»), **оуноч** (2 раза, «радоваться»). Также два раза засвидетельствовано слово **теһнл** в значении «радость» и «радоваться», синонимичное с **оуноч**; слова одного семантического поля — «вкушать», «пища», «праздник»; синонимы «приглашать», «призывать». В строфах № 2–4 и в начале пятой восемь слов оканчиваются на **-тһ**. Так как почти во всех случаях эти слова стоят в конце фраз\коротких предложений⁹, то следует говорить о том, что автор гимна использует эпифору, однако не во всем тексте. Возможно, это связано с тем, что далее оставшаяся часть пятой строфы и шестая строфа объединены общим смыслом — идеей пицци и радости, которые мир ждет, и таким образом автор выделяет эту тему. Обращение к слушателям, которое скрывается в **-тһ** (это суффиксальное местоимение 2 лица мн. ч.), в этой части гимна сменяется на 3 лицо ед. ч. («мир»; далее суффиксальное местоимение, заменяющее это слово, стоит во мн. ч., видимо, под «миром» подразумеваются люди).

В фаюмской версии на **-теһ** заканчиваются шесть слов в первых трех строфах, а также используется слово **акаѳон** (то же самое, что и **агаѳон**), окончание которого созвучно с **-теһ**. Далее автор после словосочетания «для всего творения» использует местоимение 3 л. мн. ч. (объяснение см. выше). В В2 никакого созвучия окончаний слов не зафиксировано. Однако этот текст изобилует словом «Аминь», также вносящим созвучие во весь гимн. Что касается повтора слов, то, как мы упоминали выше, авторы В2 и В3, как и В1, закольцовывают гимн словом «благо». В В2 одно слово † («давать») повторяется три раза, по два раза повторяются **сопс**, **оуноч**, **совте**, **оуон ним** («каждый»), **мнтна** («милость»), **мпооу\мпзооу** («сегодня»), **нампнѳе** («небожители»), **архаггѳелос** («архангел»). Последнее слово встречается только в этой версии, где также один раз (в самом тексте и в трех версиях) засвидетельствовано слово «архистратиг». Автор В3 использует шесть раз глагол «давать», три раза — «радоваться», два раза — «подготавливать», «молиться», «служить» и фразы «на земле», «царь славы» (в шестой строфе использовано в третий раз слово «царь»). Наконец, в качестве синонимов в В2 отметим «ликовать» и «радоваться», фразы одного семантического поля — «подготавливать пиццу», «утолять жажду», «есть хлеб». В фаюмской версии также выделяются синонимы к «радоваться» (строфы № 1, 6, 8) и «милость» (строфы № 7 и 8) и фразы одного семантического поля — «подготавливать блага», «подготавливать пиццу», «устраивать праздник».

Ниже приведены литературные переводы трех версий ангельского гимна.

⁹ Кроме третьей строфы. В ней первое смысловое сочетание заканчивается на **агаѳон**, а перед этим словом автор использует слово, оканчивающееся на **-тһ**.

Таблица № 2

№	<i>Гимн на саидском диалекте из рукописи М593 (В1)</i>	<i>Гимн на саидском диалекте из рукописи IFAO Corp. int. 145– 148 (В2)</i>	<i>Гимн на фаюмском диалекте из рукописи М614 (В3)</i>
1	Все праведники, возрадуйтесь во благах нашего Спасителя! Аминь.	Праведники, возрадуйтесь во благах нашего Спасителя!	Все народы, возрадуйтесь во благах нашего Спасителя!
2	Иисус призывает вас! Михаил служит вам!	Иисус призывает нас! Аминь. Михаил служит! Аминь.	Христос призывает вас! Михаил служит вам!
3	Иисус подготавливает блага для вас! Михаил молится за вас, пока блага не будут даны вам!	Иисус подготавливает трапезу каждому! Аминь. Михаил молится за каждого! Аминь.	Иисус подготавливает блага для вас! Михаил молится за вас, пока блага не будут даны вам!
4	Иисус вкушает с вами! Михаил служит вам!	Иисус утоляет жажду! Аминь. Михаил наливает! Аминь.	—
5	Иисус охраняет вас и подготавливает трапезу для мира! Михаил же молится о людях, пока Иисус готовит трапезу для них!	Иисус вкушает хлеб! Аминь. Иисус подготавливает каждого! Аминь.	Михаил подготавливает трапезу для всего творения! Михаил же молится за людей, пока не будет дано им от трапезы!
6	Иисус, Царь славы, устраивает праздник для людей с чистой радостью! Михаил радуется со своим Царем! Аминь. Апостолы тоже приглашены! Аминь.	Михаил умоляет! Аминь. Царь ныне ликует! Аминь. Михаил радуется с ним! Аминь.	Иисус, Царь славы, устраивает праздник для людей с чистой радостью! Михаил устраивает праздник со своим Царем! Иисус, Царь славы, радуется сегодня!
7	Михаил предстоит, служа всем людям! Михаил всегда молится о людях, так что им воздается великая слава!	Михаил всегда молится о людях, сотворивших малую милость в день святого архангела Михаила на земле! Им воздается величие среди небожителей!	Михаил предстоит, служа им всем! Величие на земле всегда дается людям, сотворившим малую милость на земле!

№	<i>Гимн на саидском диалекте из рукописи М593 (В1)</i>	<i>Гимн на саидском диалекте из рукописи IFAO Corp. inv. 145– 148 (В2)</i>	<i>Гимн на фаюмском диалекте из рукописи М614 (В3)</i>
8	Души праведников, возрадуйтесь, — вот Михаил пришел к вам, наполненный всякими благами Света! Он раздает их людям, творящим милость во имя его!	Души, возрадуйтесь! Аминь. Вот Михаил пришел к вам! Аминь. Он наполнен всякими благами! Аминь. Он дает их тем, кто ныне сотворит милость! Аминь. Он архангел, защитник жизни! Аминь. Он архистратиг небесных сил! Аминь.	Души праведников, возрадуйтесь, — вот Михаил пришел к вам, наполненный всякими благами Света! Он раздает их людям, творящим милость во имя его!

Несмотря на то, что ангельский гимн — это часть одного и того же текста, нельзя не отметить, что он представлен по-разному в каждой из версий. Как отмечает Х. Лундхауг, какая из версий более ранняя, как происходили и происходили ли заимствования, понять невозможно [Lundhaug, p. 60]. Очевидно, что структура гимна совпадает: отмечается схожее начало, окончание, затронутые темы и объем в версиях текста. Три темы, которые поднимают авторы, связаны с праздником, трапезой и милостью. Под праздником, несомненно, подразумевается память в честь Михаила и его поставления главным среди небесных сил после падения диавола 12-го хатор (21 ноября по григорианскому календарю), чему в основном и посвящен памятник. В1 и В3 одинаково описывают во второй и шестой строфах, как Христос выполняет главную роль на празднике (Он созывает всех, устраивает необходимое), а архангел служит Ему. В В2 не отмечено, что Христос устраивает праздник, Он лишь радуется. Стоит добавить, что все три версии согласуются в восьмой строфе в словах «вот архангел Михаил пришел к вам». Используемый в этой фразе перфект «обозначает действие, относящееся целиком к области прошедшего времени» [Еланская, с. 151], т.е. однократное действие в прошлом. С одной стороны, учитывая контекст, под этим «приходом» имеется в виду постановление архангела и утверждение его в роли ходатая за человечество, о чем выше упоминается в «Постановлении». С другой стороны, возможно, авторы говорят о дне праздника, в который Михаил пришел с дарами для христиан.

Между второй и шестой строфами во всех версиях упоминаются блага и трапеза. Автор В1 снова акцентирует, что Иисус приготовляет их. В фаюмской версии Михаил приготавливает трапезу, Христос — блага; именно в этой теме засвидетельствована пропущенная строфа в В3. Самое пространное пояснение отмечено в В2: Христос не только приготавливает трапезу, но и вкушает хлеб, утоляет жажду, а архангел подчиняется Ему. Тема милости поднимается в последних строфах. В В2 делается акцент на том, что милость оказывается в день праздника, в то время, как в В1 и В3 — что милость оказывается в честь архангела Михаила. В2 и В3 в седьмой строфе связывают милость и величие, но снова по-разному. В В2 величие за милость будет дано людям среди небожителей, а в В3 — на земле. В седьмой строфе В1 милость не упоминается, людям, о которых молится Михаил, будет дана слава. Этот обзор тем показывает, как они повторяются и в то же самое время отличаются в каждой версии.

Итак, ангельский гимн в «Поставлении архангела Михаила» имеет торжественную окраску. В трех версиях выделяются два обращения к слушателям с призывом «радоваться», которые

связаны семантически с шестой строфой, где также упоминается «радость» \»радоваться». Параллелизм придает тексту экспрессивность и поэтические черты, лексический повтор усиливает его связность. Благодаря повтору акцентируются те нюансы в поднятых темах, которые важны авторам.

Особенность всех трех версий гимна состоит в лаконичности мысли, иногда настолько краткой, что она кажется урезанной. Например, фразы «Михаил служит!» (В2), «Михаил служит вам» (В1, В3), «Михаил предстоит, служба всем людям!» (В1, В3), «Михаил умоляет!» (В2). О каком служении, о предстоянии где, о мольбе о чем — эти вопросы сразу рождаются в голове слушателя. Однако широта интерпретаций могла подразумеваться авторами гимна при составлении этих предложений.

Иногда обращение к другим версиям позволяет понять заложенную идею. Например, в В1 в строфе № 7 сказано: «Михаил всегда молится о людях, так что им воздается великая слава!» Учитывая, что в коптском тексте написано «молится о них», и это наше предположение из контекста, что имеются в виду люди, фраза выглядит достаточно неоднозначно, так как можно сделать вывод, что архангел молится обо всех людях и всех их ждет великая слава. Это противоречит христианской традиции, по учению которой человек должен приложить усилия, чтобы получить славу. Здесь же возникает вопрос, что это за слава. Она небесная или земная? Обращение к В2 позволяет конкретизировать ситуацию: за милость, оказанную на земле в день праздника, человек получит по молитве архангела величие на небе. Автор В3 акцентирует иначе: милость на земле становится причиной земного величия.

В В2 третья, четвертая и пятая строфы также вызывают недоумение. Что за трапезу готовит Христос? Почему Он ест и пьет? На эти вопросы можно найти ответы в тексте «Поставления...» В одном сюжете архангел является Христу с учениками, держа в руке сосуд с небесным вином. Иисус приглашает апостолов испить вместе с ним. В другом эпизоде Спаситель упоминает о праведниках, которые будут вкушать с Ним на тысячелетнем шире, известном по Откровению (Откр. 19. 9, 20. 4–6). Следовательно, в этих строфах В2 озвучены небесные и \или эсхатологические образы.

Каждая версия настолько отличается от других, что можно говорить об авторском стиле в каждом отдельном случае. В В1 Иисус представлен более активным по отношению к слушателям. Здесь автор связал текст с Новым Заветом, упомянув апостолов. По три раза отмечено, что архангел служит и молится. В В2 делается акцент на том, что Михаил прислуживает Христу. Это не засвидетельствовано в других версиях, однако в конечной строфе прославление архистратига самое величественное. Фаюмская версия по содержанию сдержаннее других: в ней нет описаний деятельного Христа, о служении и молитве Михаила сказано по два раза, именно здесь содержится обращение вообще ко всем людям. Среди трех версий В2 стоит немного особняком. Это самый торжественный гимн за счет многократно использованного восклицания «Аминь», эта же версия и самая длинная. Можно сделать вывод, что авторы не боялись менять акценты в гимне и, очевидно, чувствовали относительную свободу, хотя и не переиначили структуру гимна и основные темы.

Остается открытым лишь один вопрос: почему во всех трех версиях отмечено, что этот гимн в честь Святого Духа (В1, В3) или гимн Святого Духа (В2)? В тексте гимна ни одного слова Ему не посвящено. Третье Лицо Пресвятой Троицы много раз упоминается в «Поставлении...», но не как участник тех или иных событий, а при перечислении Лиц Троицы. Возможно, таким образом, посвятив гимн Святому Духу, авторы В1 и В3 компенсируют Его низкую активность в эпизодах памятника. Кроме того, по преданию считается, что Третье Лицо Троицы — вдохновитель Священного Писания (2 Тим 3. 16). Отсюда следует значимость Его авторства гимна (В2).

Композиция всего гимна выстроена логично и встраивается в общий контекст. Акцент в конечном обращении к слушателям на важности оказывать милость в честь архангела Михаила связывает гимн с последующим повествованием, потому что в первой истории о посмертной участи души рассказывается о хромом человеке, который был исцелен апостолом Петром (Деян. 3. 1–8). Так как по коптскому преданию это произошло в день праздника в честь архангела, то бывший хромой ежегодно в этот день кормил вдов и сирот. Насколько важную роль играло исполнение гимнов, подтверждают эпизоды из «Поставления...». В одном сюжете человек после смерти получил возможность участвовать в небесном торжестве с другими святыми за то, что в земной жизни он повторял за гимнами и славословиями в храме. В другом эпизоде упомянуто, что еще до сотворения человека первым служением, которое должны были выполнять только что созданные архангелы, стало пение гимнов в честь Пресвятой Троицы, т.е. в этом человек приравнивается к небесным силам. Учитывая структуру ангельского гимна и содержание апокрифа, можно предположить, что при чтении текста «Поставления...» миряне участвовали в исполнении этого гимна.

Литература / References

Вестендорф В., Тилль В. *Грамматика коптского языка: Саидский диалект: грамматика, хрестоматия* / Науч. ред., пер. А. С. Четверухин. СПб., 2007 [Vestendorf V., Till' V. *A grammar of the Coptic Language: The Sabidic Dialect: Grammar, Textbook*. Chetveruhin A. S. (ed). Saint Petersburg, 2007 (in Russian)].

Еланская А. И. *Грамматика коптского языка. Саидский диалект*. СПб., 2010 [Elanskaja A. I. *A grammar of the Coptic language. Sabidic dialect*. Saint Petersburg, 2010 (in Russian)].

Платонов В. М., Ткачев А. А. и др. Гимнография. *Православная Энциклопедия*. М., 2006. Т. 11. С. 489–513 [Platonov V. M., Tkachev A. A. etc. Hymnography. *Pravoslavnaja Jenciklopedija*. Moscow, 2006. Vol. 11. Pp. 489–513 (in Russian)].

Basilus Magnus. Epistola CCVII. Ad clericos Neocaesarienses. *Patrologia Graeca*. Vol. 32. Cols. 759–766. *Die Bucher Der Einsetzung Der Erzengel Michael Und Gabriel*. Müller C. D. G. (eds). Louvein, 1962.

Hagen J. The Diaries of the Apostles: «Manuscript Find» and «Manuscript Fiction» in Coptic Homilies and Other Literary Texts. *Coptic Studies on the Threshold of a New Millennium. Proceedings of the Seventh International Congress of Coptic Studies, Leiden, 27 August — 2 September 2000*. Immerzeel M., Vliet J., van der. (eds.) Leuven, 2004. Pp. 349–367.

Kuhn K. H. Poetry. *The Coptic encyclopedia*. New York, 1991. Vol. 6. Pp. 1985–1986.

Lundhaug H. Textual fluidity and monastic fanfiction: the case of the Investiture of the Archangel Michael in Coptic Egypt. *The Archangel Michael in Africa: History, Cult and Persona*. London, New York, Oxford, New Delhi, Sydney, 2019. Pp. 59–73.

Suciu A. *The Berlin-Strasbourg Apocryphon: A Coptic Apostolic Memoir*. Tübingen, 2017.

Tibet D. *The Investiture of the Archangel Michael: A Diplomatic Edition of the Coptic Text of P. IFAO ff. 145–148*. MA thesis. Macquarie University, 2009.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Mekhael N. Difnar, Coptic Liturgical Book of. *The Coptic encyclopedia*. URL: <http://ccdlibraries.claremont.edu/cdm/ref/collection/cce/id/2156> (дата обращения: 27.08.2022).

СОХРАНЕНИЕ НАУЧНОГО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ РОССИИ С ПАПУА — НОВОЙ ГВИНЕЕЙ

© 2022

Н. Н. Миклухо-Маклай¹

Содержанием современной государственной культурной политики РФ является создание и развитие системы воспитания и просвещения граждан на основе традиционных для России нравственных ценностей и патриотизма. Это может быть достигнуто посредством освоения исторического и культурного наследия России, мировой культуры, развития творческих способностей личности, эстетического восприятия мира, приобщения к различным видам культурной деятельности.

Как пример сохранения научного, историко-культурного и идеологического наследия рассматривается Онлайн-музей Н. Н. Миклухо-Маклая, открытый для посетителей в интернет-пространстве в октябре 2021 г. В нем представлена деятельность знаменитого ученого-путешественника конца XIX в., которая произвела огромное впечатление на его современников. Так, например, Л. Н. Толстой высоко оценил труды исследователя, ибо в них он увидел подтверждение своим мыслям о том, что подлинная цивилизация может быть принесена народам не насилием, а просвещением и заботой о них. Онлайн-музей собрал те результаты по освоению и научному изучению Южно-Тихоокеанского региона, которые используются для налаживания международных контактов и развития межкультурного диалога. Особое внимание уделяется описанию коллекции, которое создавалось с привлечением коренных жителей северо-востока о. Новая Гвинея (Берег Маклая), где были собраны экспонаты музея.

Продемонстрированные в онлайн-музее экспонаты интересны и тем, что даны в сравнении со своими аналогами из коллекций Н. Н. Миклухо-Маклая XIX в. Ссылки на их описания можно найти на ресурсах тех музеев, где они хранятся. Музей сегодня рассматривается как одно из важнейших средств просвещения, выполняет функции дополнительного образования и осуществляет их в специфической форме — символическом акте встречи прошлого и настоящего. В образовательном процессе четко структурированные материалы музея могут быть предложены для разновозрастных категорий учащихся. Открытие Онлайн-музея Н. Н. Миклухо-Маклая также является значительным шагом на пути укрепления отношений между Российской Федерацией и Независимым Государством Папуа — Новая Гвинея, так как способствует развитию культурных связей между государствами. Это площадка, которая, интегрируя информацию о личности выдающегося ученого и его достижениях, показывает связь поколений и дает конкретные знания в области изучения Россией региона Южных морей с XIX в. до наших дней.

¹ Миклухо-Маклай Николай Николаевич, научный сотрудник Института востоковедения РАН, основатель и директор Фонда сохранения этнокультурного наследия им. Н. Н. Миклухо-Маклая; nn@mikluho-maclay.ru.

Nicolay N. Miklouho-Maclay, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Founder and Director, N. N. Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage. nn@mikluho-maclay.ru.

ORCID: 0000-0002-5085-1693

Ключевые слова: историческое и культурное наследие России, народы Океании, государственная культурная политика РФ, Онлайн-музей Н. Н. Миклухо-Маклая, Фонд им. Миклухо-Маклая, Папуа — Новая Гвинея, экспонаты с Берега Маклая, Южно-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Миклухо-Маклай Н. Н. Сохранение научного и историко-культурного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая в контексте развития культурных связей России с Папуа-Новой Гвинеей. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 54–76. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-054-076

PRESERVATION OF SCIENTIFIC, HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF N. N. MIKLOUHO-MACLAY IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF CULTURAL TIES BETWEEN RUSSIA AND PAPUA NEW GUINEA

Nicolay N. Miklouho-Maclay

The idea of modern state cultural policy of the Russian Federation lies in creation and development of a system of education for citizens on the basis of traditional for Russia moral values and patriotism. This is achievable through learning the historical and cultural heritage of Russia, world culture, development of creative abilities of the individual, aesthetic perception of the world, accession to different types of cultural activity.

As an example of preservation of scientific, historical, cultural and ideological heritage the Miklouho-Maclay Online Museum is discussed, which has opened online in October 2021. It represents the activities of the famous scientist and traveler of the late nineteenth century, which made a great impression on his contemporaries. For example, L. N. Tolstoy praised the researcher's writings, for in them he saw a confirmation of his thoughts that true civilization can be brought to peoples not by violence, but by education and care for them. The Online Museum contains those results of exploration and scientific study of the South Pacific that help to maintain international contacts and promote intercultural dialogue. Particular attention is given to the description of the collection, which was created with the help of the indigenous people of the North-East of the New Guinea Island (Maclay Coast), where the exhibits were collected.

The exhibits in the Online Museum are also interesting because they are showcased in comparison with their counterparts from N. N. Miklouho-Maclay collections of the nineteenth century. Links to the descriptions are available on the resources of those museums where they are stored. Museums today are considered as one of the most important means of education, they specifically perform the functions of additional education — a symbolic act of meeting the past and the present. In the educational process, clearly structured museum materials can be useful for various age categories of students. The establishment of the Miklouho-Maclay Online Museum is also a significant step on the way of enhancing the relations between the Russian Federation and the Independent State of Papua New Guinea, because it contributes to the development of cultural relations between the states. It is a site, which with the help of information about the outstanding scientist and his achievements, shows the connection between generations, gives specific knowledge about the study of the South Seas by Russia from the nineteenth century until today.

Keywords: Russian historical and cultural heritage; peoples of Oceania; Russian state cultural policy; Miklouho-Maclay Online Museum; Miklouho-Maclay Foundation; Papua New Guinea; exhibits from the Maclay Coast; South Pacific

For citation: Miklouho-Maclay N. N. Preservation of Scientific, Historical, and Cultural heritage of N.N. Miklouho-Mackay in the Context of Development of Cultural Ties Between Russia and Papua New Guinea. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 3. Pp. 54–76. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-054-076

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

Содержанием современной государственной культурной политики России является создание и развитие системы воспитания и просвещения граждан на основе традиционных для нашей страны нравственных ценностей, гражданской ответственности и патриотизма. Это может быть достигнуто посредством освоения исторического наследия России, мировой культуры, развития творческих способностей личности, формирования эстетического восприятия мира, приобщения к различным видам культурной деятельности.

«Понимаемое культурное наследие России является средоточием всего духовного, нравственного, исторического, культурного опыта, накопленного российской цивилизацией. И в силу этого является основой и источником развития, сохранения единства и самобытности страны. <...> Знание своей культуры и участие в культурной деятельности закладывает в человеке базовые нравственные ориентиры: уважение к истории и традициям, духовным основам наших народов и позволяет раскрыть таланты, дарования и способности каждого человека»².

ТЕХНОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ И РОЛЬ МУЗЕЯ

Технологии познания и представления об истории мира и человечества постоянно совершенствуются, и использование их для сохранения историко-культурного и научного наследия, безусловно, важно. Сегодня в условиях постоянно возрастающего информационного потока потребность общества в целевой, выверенной, структурированной и поданной в доступной форме информации велика как никогда.

Музеи, столетиями аккумулирующие цивилизационный опыт человечества, наряду с университетами и научно-исследовательскими институтами являются бесценным источником такой информации. Важно отметить, что музеи в отличие от академических учреждений более открыты широким кругам общества. Возможности музея как уникального посредника между объектом историко-культурного наследия и реципиентом культурных кодов — посетителем — в сфере образования практически безграничны. «Музей, являясь частью открытого образовательного пространства, может выступать как координатор патриотической деятельности образовательного учреждения, как связующее звено между вузом, школой, учреждениями культуры» [Райхлина, 2009].

«Таким образом, музей сегодня рассматривается как одно из важнейших средств образования, выполняет функции дополнительного образования и осуществляет их в специфической форме — символическом акте встречи прошлого и настоящего, в диалоге музея и школьника, обладающего правом выбора и интерпретации увиденного и услышанного» [Гаушканова, Шанц, 2012, с. 98–100].

ОНЛАЙН-МУЗЕЙ ИМ. МИКЛУХО-МАКЛАЯ³

Как пример сохранения научного, историко-культурного и идеологического наследия рассматривается новый цифровой Онлайн-музей Н. Н. Миклухо-Маклая, открытый для посетителей в интернет-пространстве в октябре 2021 г. Музей был создан Фондом сохранения

² Основы государственной культурной политики Российской Федерации (от 2014 г.). URL: <http://kremlin.ru/events/administration/21027> (дата обращения: 25.05.2022).

³ URL: <https://mikluho-maclay.online/> (дата обращения: 22.05.2022).

этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая с целью увековечивания памяти выдающегося ученого и путешественника и сохранения его научного и идеологического наследия.

Вначале стоит привести краткую информацию о миссии Фонда им. Миклухо-Маклая. Прежде всего это сохранение традиций, воспитание уважения к ценностям и культурам народов мира, организация экспедиций, поддержка научных исследований и продвижение гуманистических идей Н. Н. Миклухо-Маклая о равенстве рас и народов⁴. Музей позволяет решить многие из этих задачи и представить людям наследие выдающегося ученого. Практика показала, что онлайн-музей стал эффективным инструментом сохранения наследия великого ученого-гуманиста и показал роль этого наследия в деле развития культурных связей России и Папуа — Новой Гвинеи (ПНГ). Анализу опыта и результатов его деятельности для сохранения наследия и связей с ПНГ и посвящена предлагаемая статья.

Помимо сохранения памяти о выдающемся российском исследователе и путешественнике, истинном демократе, который боролся за права изучаемых им народов, целью создания такого музея является позиционирование российской науки и отечественной гуманитарной мысли на международном уровне. Это также и пропаганда гуманистического наследия Н. Н. Миклухо-Маклая о равенстве рас и народов, подчеркивающего недопустимость насильственного подавления культур, навязывания чужих стереотипов, осуществления насильственной культурной экспансии и колониальной политики.

Все мы коллекционеры, собиратели от природы, поэтому каждому будет интересен этот образовательно-просветительский ресурс, целью которого является интеллектуальное развитие молодежи, формирование толерантного отношения к многообразным природным, этническим, художественным и культурным формам бытия разных народов, уважение к прошлому. Еще одна важная задача музея — привлечение молодых исследователей к знакомству с наследием Н. Н. Миклухо-Маклая с целью сохранения преемственности в изучении региона Южных морей Тихого океана, где проводил свои основные изыскания наш выдающийся соотечественник.

В настоящее время лишь немногие молодые люди могут сказать, чем занимался и что сделал для мировой науки и нашей страны Николай Николаевич Миклухо-Маклай, в то время как еще 40 лет назад он был хорошо известен как выдающийся ученый, путешественник и общественный деятель. За свою непродолжительную жизнь (1846–1888) он успел внести заметный вклад в зоологию, географию, метеорологию, вулканологию и океанологию. Особенно значительными были его заслуги в области этнографии и физической антропологии. Так, он опроверг расистские представления некоторых ученых того времени о принадлежности папуасов к промежуточному звену между человеком и животным [Миклухо-Маклай, 2022].

Деятельность путешественника произвела огромное впечатление на Л. Н. Толстого, ибо в ней он увидел подтверждение своим мыслям о том, что подлинная цивилизация может быть принесена народам не насилем, а просвещением и заботой о них [Миклухо-Маклай, 2020 (d), т. 1, с. I–XVII].

С путешествиями Н. Н. Миклухо-Маклая поколение прошлого, XX в., было хорошо знакомо благодаря книгам, которые миллионными тиражами выходили в свет и были очень популярны. Не секрет, что современная молодежь предпочитает получать информацию в электронном виде, а именно через интернет-страницы, что делает сам ресурс онлайн-музея, подготовленный и структурированный как для специалистов, так и для образовательных целей, еще более актуальным.

⁴ URL: <https://mikluho-maclay.org/projekts/> (дата обращения: 22.05.2022).

Представляя историю создания Онлайн-музея Н. Н. Миклухо-Маклая, следует отметить, что его основу составляют предметы, собранные автором в ходе научно-исследовательской экспедиции «Миклухо-Маклай, XXI век. Берег Маклая» в 2017 г.⁵

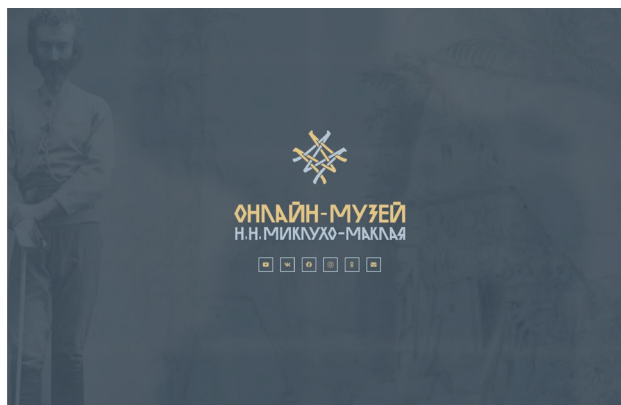

Рис. 1. Основная страница музея, с которой начинается знакомство с экспозицией и другими разделами

13 апреля 2018 года в Эрмитажном театре состоялся традиционный праздник благотворителей и социально ответственных компаний — День мецената, организованный Государственным Эрмитажем совместно с альманахом «Русский Меценат» и Санкт-Петербургской общественной организацией «Журналистский центр международного сотрудничества». На празднике Калининградскому музею Мирового океана автором статьи было передано ритуальное деревянное блюдо, привезенное с о. Новая Гвинея в 2017 г.⁶ В тот же период ряд предметов был передан собирателем в Музей антропологии МГУ, в котором хранятся уникальные рисунки Н. Н. Миклухо-Маклая, которые он делал для презентации своей коллекции, уже будучи в России⁷. Предметы, собранные во время научно-исследовательской экспедиции «Миклухо-Маклай, XXI век. Берег Маклая» в 2017 г., пополнили коллекцию Кунсткамеры МАЭ РАН⁸. Предметы, дополняющие музейную коллекцию XIX в., безусловно, являются историко-культурной ценностью мирового масштаба. Четырнадцать уникальных экспонатов, собранных в ходе экспедиции на Берег Маклая в 2017, по праву украсили коллекцию Кунсткамеры⁹. Традиционно семья Миклухо-Маклаев передает коллекции в старейший музей России, где представлена значительная часть предметов коллекции XIX, а теперь и XXI в.¹⁰

⁵ Экспедиция Миклухо-Маклая младшего отправилась в Папуа — Новую Гвинею. URL: https://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2017_09_11 (дата обращения: 22.05.2022); Коллекции с берега Маклая теперь доступны онлайн. URL: https://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2017_09_14 (дата обращения: 22.05.2022); В Кунсткамеру передали блюдо, служившее для выкупа невесты. URL: <https://spbdechnik.ru/news/2018-03-12/v-kunstkameru-peredaliblyudo-sluzhivsheey-dlya-vykupa-nevesty> (дата обращения: 22.05.2022); Кунсткамера. Коллекции онлайн. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/ОБЪЕКТ?page=2&query=берег%20маклая> (дата обращения: 22.05.2022).

⁶ XIII День мецената в Государственном Эрмитаже. URL: <https://support.hermitagemuseum.org/ru/news/view/92> (дата обращения: 30.05.2022).

⁷ Музей антропологии МГУ. URL: <http://www.antropos.msu.ru/museum.html> (дата обращения: 25.05.2022).

⁸ Коллекция Миклухо-Маклая в Кунсткамере пополнилась новыми артефактами. URL: <https://mikluho-maklay.ru/kollektsiya-mikluho-maklaya-v-kunstkamere/> (дата обращения: 22.05.2022); Коллекции с берега Маклая теперь доступны онлайн. URL: https://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2017_09_14 (дата обращения: 22.05.2022).

⁹ Потомок Миклухо-Маклая передаст Кунсткамере артефакты из Папуа — Новой Гвинеи. URL: <https://www.interfax.ru/russia/602436> (дата обращения: 22.05.2022).

¹⁰ url: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/object?page=2&query=берег%20маклая> (дата обращения: 22.05.2022).

Рис. 2. Деревня Бонгу после праздника. Старейшина в традиционной одежде с барабаном Окам. Фото из архива автора. 2017 г.

Безусловно, создание Онлайн-музея Н. Н. Миклухо-Маклая —результат работы, которая состояла не только в собирательстве коллекции в период современных полевых исследований. Это и воссоздание экспонатов, реконструкция, тщательный отбор статей и архивных материалов, оцифрованных и представленных для глубокого ознакомления специалистам и другим посетителям онлайн-ресурса.

Рис. 3. На площади деревни Горенду. Экспонаты, собранные местными жителями. Фото из архива автора. 2017 г.

До создания онлайн-музея в России не было и нет до настоящего времени ни одной профильной площадки государственного музея Н. Н. Миклухо-Маклая либо площадки, объединяющей знания об ученом и его наследии в том формате, который актуален для образовательных

целей на постоянной основе, и доступных в режиме онлайн. Музеи, носящие имя исследователя, например в г. Окуловке (Новгородской области)¹¹ или г. Севастополе¹², не в полной мере освещают на своих сайтах заявленные темы, имея ограниченное пространство, и не представляют широкую экспозицию, представленную в оцифрованном виде. Для подробного ознакомления с материалами этих музеев необходимо личное посещение. Эти факты дают преимущество онлайн-ресурсу нового музея, и его актуальность становится все более значимой.

Рис. 4. Житель деревни Горенду Бонем передает семейные реликвии и рассказывает об истории предметов — блюда Дофу и дощечек леп-леп, используемых во время инициации. Фото из архива автора. 2017 г.

Для создания онлайн-музея была проведена тщательная исследовательская работа: описание экспонатов проводилось автором совместно с коллегами из МАЭ РАН, где представлена коллекция Берега Маклая XIX в. Особое внимание уделено описанию коллекции (предметов материальной культуры) с привлечением коренных жителей северо-востока о. Новая Гвинея (Берег Маклая), где были собраны экспонаты.

Специалистами Центра изучения Южно-Тихоокеанского региона, Центра Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН¹³ и Центра азиатских и тихоокеанских исследований ИЭА РАН¹⁴ с привлечением молодых ученых, экспертов Фонда им. Миклухо-Маклая подготовлено информационное наполнение ресурса. Оно включает экскурсионную программу, цикл лекций и общепознавательный материал. Для размещения в музее отобраны фильмы и книги о Н. Н. Миклухо-Маклае, описаны основные четыре экспедиции исследователей по следам знаменитого путешественника в XX и XXI вв. с использованием архивных фотографий и рисунков ученого. Важно отметить, что музей, несмотря на свою виртуальность, остается музеем, а, значит, его главной составляющей является коллекция экспонатов.

Основой стали 50 предметов материальной культуры, собранных в период научно-исследовательских экспедиций 2017 и 2019 гг.¹⁵ [Миклухо-Маклай, 2020 (а), т. 1, № 1, с. 269–284].

¹¹ URL: <https://okulovka.com/info/muzey-im-n-n-mikluho-maklaya-v-okulovke> (дата обращения: 31.05.2022).

¹² URL: <http://www.museum.ru/M3275> (дата обращения: 30.05.2022).

¹³ URL: <https://ivran.ru/sea-center> (дата обращения: 27.05.2022).

¹⁴ URL: <https://iea-ras.ru/?p=1187> (дата обращения: 27.05.2022).

¹⁵ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozhrozhdenie-rossijskih-nauchnyh-issledovaniy-v-papua-novoy-gvinee-v-nachale-xxi-v/viewer> (дата обращения: 22.05.2022).

Реалистичность экспозиций создается в том числе и благодаря грамотной фото- и видеофиксации экспонатов. Представлена возможность сравнить предметы коллекций онлайн-музея с экспонатами, собранными Н. Н. Миклухо-Маклаем на Берегу Маклая в XIX в. Ценно то, что формирование коллекций происходило, собственно, с исследовательскими целями: это не случайные предметы, а подборка тех вещей, которые дают возможность представить изменения культурной динамики начиная с первой экспедиции знаменитого путешественника в 1871 г. до наших дней. Это, конечно, вызывает безусловный интерес у профильных специалистов и демонстрирует то устойчивое сохранение традиций, которое до сих пор наблюдается у коренных жителей северо-востока о. Новая Гвинея. При знакомстве с коллекцией предметов интересно будет рассмотреть историю их появления, как они были собраны — именно собраны, так как коллекция состоит из предметов, которые были подарены местными жителями руководителю экспедиции и автору статьи с целью познакомить россиян с их культурой и сохранить ту связь, которую еще в XIX в. установил Н. Н. Миклухо-Маклай¹⁶. Обычное дело для коллекционеров — это приобретение, т.е. покупка предметов, зачастую на местных рынках, и они в этом случае не всегда являются предметами фактического бытования, что становится невозможным доподлинно проверить¹⁷.

Именно коренные жители — папуасы деревень Бонгу, Горенду и Гумбу Берега Маклая, с которыми в период первой экспедиции XXI в. состоялась незабываемая встреча, помогли в сборе и описании предметов, ставших экспонатами онлайн-музея. Эта инициатива родилась в деревне Горенду после долгой беседы у костра руководителя экспедиции со старейшинами окрестных деревень. Ему удалось продемонстрировать альбом с экспонатами, собранными его предком еще в XIX в. и хранящимися в музеях России¹⁸. Это вызвало искреннее удивление старейшин и благодарность за сохранение в России культуры Берега Маклая.

В ходе второй экспедиции на Берег Маклая в 2019 г.¹⁹ информацию об истории бытования каждого экспоната удалось сверить с коренными жителями, представившими эти предметы, что позволило подготовить точное описание. Такой подход представляет собой уникальную ситуацию нахождения абсолютно верного источника знаний о каждом экспонате.

В процессе сбора коллекции было уделено внимание и необходимым условиям официального экспонирования, а также зафиксирована история получения предметов (факт передачи) в качестве подарка по инициативе коренных жителей.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ОНЛАЙН-МУЗЕЯ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Материалы онлайн-музея структурированы по основным разделам.

¹⁶ Возрождение российских научных исследований в Папуа — Новой Гвинее в начале XXI в. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-rossijskih-nauchnyh-issledovaniy-v-papua-novoy-gvinee-v-nachale-xxi-v> (дата обращения: 22.05.2022).

¹⁷ Петербургский Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН — один из ключевых партнеров экспедиции «Миклухо-Маклай, XXI век. Берег Маклая». URL: <https://mikluho-maclay.ru/peterburgskij-muzej-antropologii-i-etnografii-mikluho-maklaj-xxi-vek-bereg-maklaya/> (дата обращения: 22.05.2022); Коллекция Миклухо-Маклая в Кунсткамере пополнится новыми артефактами. URL: <https://mikluho-maclay.ru/kollektsiya-mikluho-maklaya-v-kunstkamere/> (дата обращения: 22.05.2022).

¹⁸ За Миклухо-Маклаем: уникальная экспедиция в Папуа — Новую Гвинею. URL: <https://ria.ru/20180610/1522421967.html> (дата обращения: 22.05.2022); Современные экспедиции дополнили экспонаты. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/ОБЪЕКТ?page=2&query=берег%20маклая> (дата обращения: 22.05.2022).

¹⁹ Экспедиция «Миклухо-Маклай, XXI век. Берег Маклая». URL: <https://mikluho-maclay.org/expeditions/> (дата обращения: 22.05.2022).

1. Все значимые открытия Н. Н. Миклухо-Маклая²⁰.
2. История семьи ученого²¹.
3. Более 150 точек пребывания исследователя в период путешествий, отмеченные на онлайн-карте²².
4. Коллекция из 50 экспонатов материальной культуры Берега Маклая²³, собранная в период экспедиций 2017 и 2019 гг.²⁴
5. Макет Берега Маклая в миниатюре, созданный на основе архивных документов²⁵.
6. Тропический костюм Н. Н. Миклухо-Маклая²⁶.
7. Фотографии и рисунки ученого²⁷.
8. О современных экспедициях по следам Н. Н. Миклухо-Маклая в XX и XXI вв.^{28,29} и книги³⁰ о Н. Н. Миклухо-Маклае и мнения авторитетных людей о личности ученого³¹.
10. Описание макета Берега Маклая, выполненного на основе архивных рисунков и дневниковых записей ученого с разбивкой по сюжетам, представленное в виде текстового материала, который может использоваться как для экскурсионной программы по макету, так и в качестве лекций по данной тематике³².

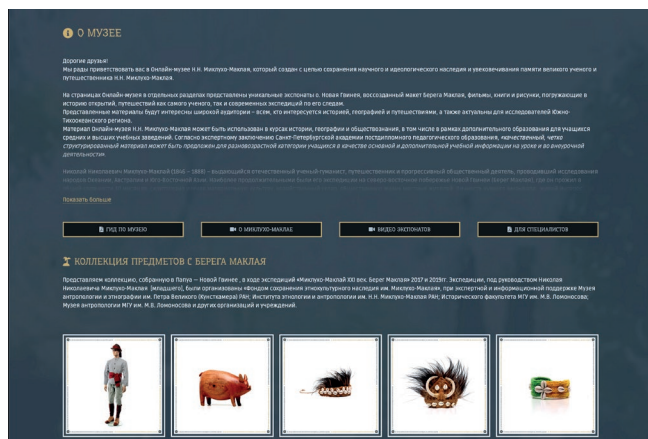

Рис. 5. Страница онлайн-музея с навигацией и приветствием посетителей

Стоит обратить внимание, что онлайн-музей заявлен как ресурс, предназначенный также и для учащихся средних учебных заведений. Современный музей, работающий с детской аудиторией, — это прежде всего интерактивное образовательное пространство, где основное внимание уделяется мотивации детей к осмотру экспонатов и ознакомлению с тематической экспозицией. Объемные тексты, которые нужно прочесть самостоятельно, не всегда могут удержать внимание школьника, поэтому в музее сделан акцент на коллекцию, которую удобно просматривать даже с телефона.

²⁰ URL: <https://mikluho-maclay.online/> (дата обращения: 22.05.2022).

²¹ URL: <https://mikluho-maclay.online/> (дата обращения: 22.05.2022).

²² URL: <https://mikluho-maclay.online/puteshestviya-n-n-mikluho-maklaya-po-zemnomu-sharu-150-tochek/> (дата обращения: 22.05.2022).

²³ URL: <https://mikluho-maclay.online/museum/> (дата обращения: 22.05.2022).

²⁴ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozzrozhdenie-gossyiskih-nauchnyh-issledovaniy-v-papua-novoy-gvinee-v-nachale-xxi-v/viewer> (дата обращения: 22.05.2022).

²⁵ URL: <https://mikluho-maclay.online/model/> (дата обращения: 27.05.2022).

²⁶ URL: <https://mikluho-maclay.online/kostyum/> (дата обращения: 27.05.2022).

²⁷ URL: <https://mikluho-maclay.online/puteshestviya-n-n-mikluho-maklaya-po-zemnomu-sharu-150-tochek/> (дата обращения: 27.05.2022).

²⁸ URL: <https://mikluho-maclay.online/ekspeditsii/> (дата обращения: 28.05.2022).

²⁹ URL: <https://mikluho-maclay.online/videozapisi-i-filmy/> (дата обращения: 28.05.2022).

³⁰ URL: <https://mikluho-maclay.online/biblioteka/> (дата обращения: 28.05.2022).

³¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=M2sqre39QA&list=PLrc6nf-TdHOo0sutqTTNgQqDDL1FYsBp&index=7> (дата обращения: 28.05.2022).

³² URL: <https://mikluho-maclay.online/model/> (дата обращения: 28.05.2022).

Визуальное оформление Онлайн-музея Н. Н. Миклухо-Маклая с элементами компьютерной графики делает его узнаваемым, на главной странице впервые в оцифрованном виде представлена монограмма, которую ученый использовал, когда подписывал свои записи и документы.

Осуществлен перевод на английский язык, значимо расширяющий аудиторию онлайн-ресурса³³.

На главной странице представлен гид по музею в виде презентации с активными ссылками³⁴, в разделе для специалистов расположена текстовая информация для специалистов-исследователей Южно-Тихоокеанского региона и учителей образовательных учреждений³⁵.

ЭКСПОНАТЫ Онлайн-музея Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Представленные на главной странице онлайн-музея экспонаты представляют особый интерес, и здесь специалисты смогут обратить внимание на аналоги предметов из коллекций Н. Н. Миклухо-Маклая XIX в., которые можно найти на ресурсах тех музеев, где хранятся его коллекции (ссылки даны внизу описания). Также, по желанию, можно посмотреть видео каждого экспоната на общедоступном ресурсе³⁶.

Мы видим, что современные предметы практически идентичны артефактам, пополнившим фонды Кунсткамеры в XIX в. Самобытная культура коренных жителей Берега Маклая не растворилась полностью под давлением инноваций, а гармонично уживается с ними, что порой приобретает весьма причудливые образы [Басилов, 1975, с. 110–164]. В целом бонгуанцы еще сохраняют многое из своей традиционной культуры, а современные элементы органично накладываются на жизненный уклад, полностью его не трансформируя.

Обращает на себя внимание и то, что многие бонгуанцы очень трепетно относятся к своей этнокультурной идентичности и всеми силами прививают ее молодому поколению. Поэтому можно с уверенностью говорить о живом культурном наследии этого народа.

Обширный материал, собранный во время современных экспедиций, поможет подробно раскрыть историю каждого артефакта и пополнить коллекцию в будущем.

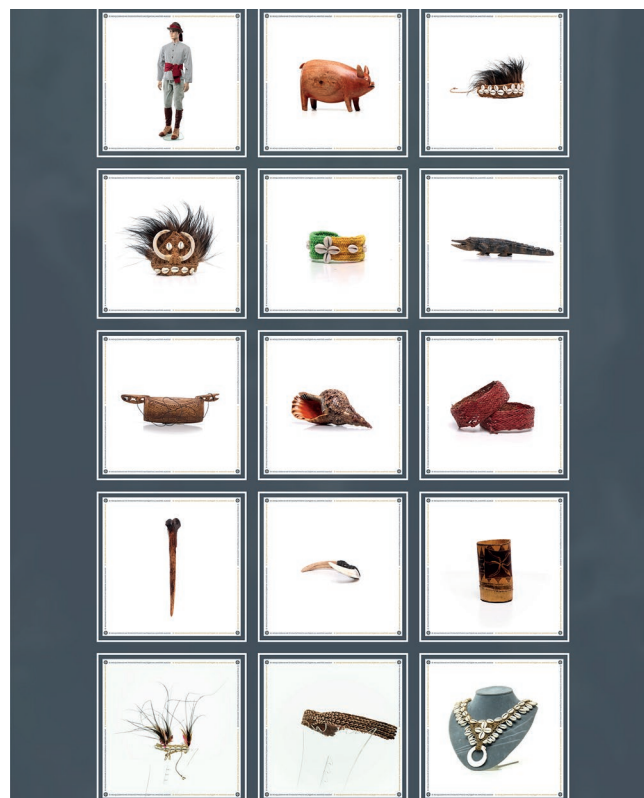

Рис. 6. Коллекция-слайдер. Экспонаты расположены на пролистываемой вниз странице и открываются после нажатия на них с полным описанием

³³ URL: <https://mikluho-maclay.online/?lang=en> (дата обращения: 28.05.2022).

³⁴ URL: https://mikluho-maclay.online/wp-content/uploads/2022/01/onlajn-muzej_kratkij-obzor-realizaczii-proekta-1.pdf (дата обращения: 29.05.2022).

³⁵ URL: <https://mikluho-maclay.online/wp-content/uploads/2022/01/dlya-speczialistov.pdf> (дата обращения: 29.05.2022).

³⁶ URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=plrc6nf-tdhoovertbqzcmsubv3vdyuttqx> (дата обращения: 29.05.2022).

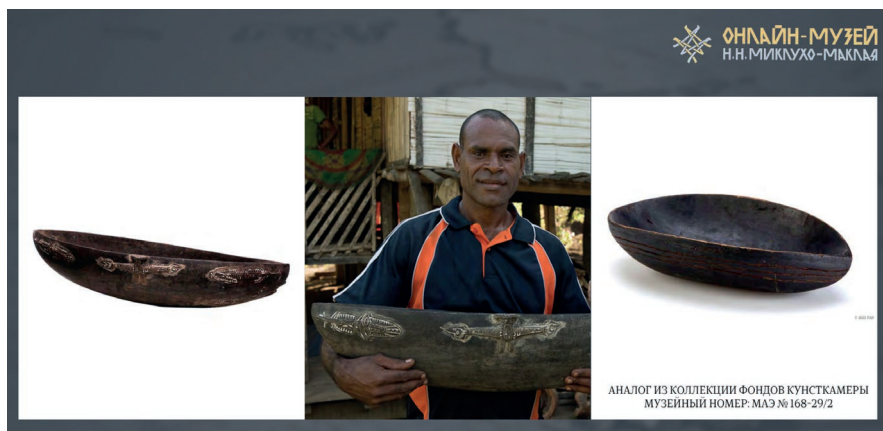

Рис. 7. Блюдо «Дору», используется для фруктов и праздничных яств во время праздничных церемоний.
Фото из архива автора. 2017 г.

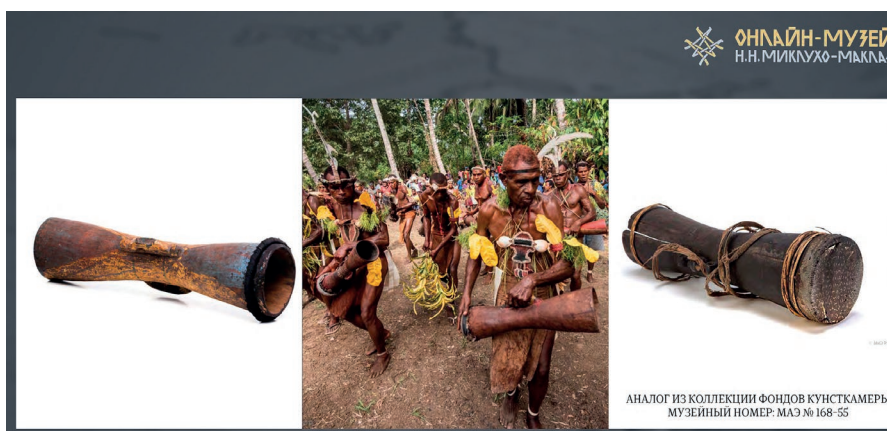

Рис. 8. Барабан «Окам» — музыкальный ударный инструмент, атрибут праздников.
Фото из архива автора. 2017 г.

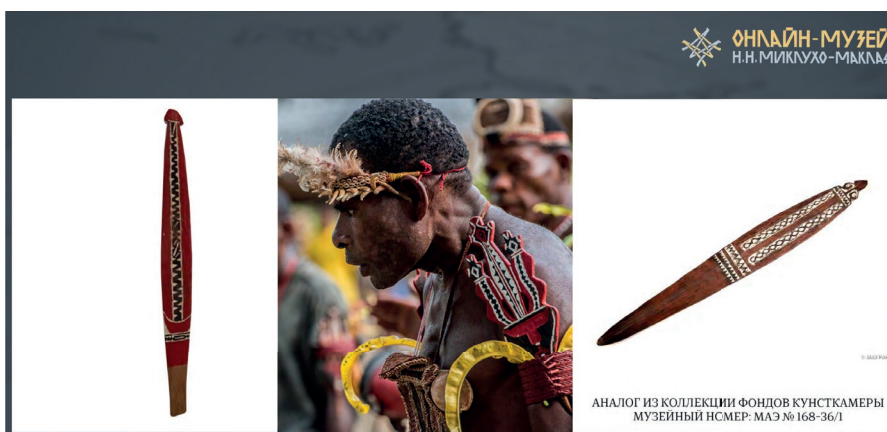

Рис. 9. Дощечки «Лей-лей» — аксессуары мужского костюма во время церемонии инициации.
Фото из архива автора. 2017 г.

ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Отдельный раздел посвящен экспедиционному костюму Н. Н. Миклухо-Маклая, на котором стоит остановиться более подробно, обратив внимание на его историю.

Реконструкция экспедиционного костюма Н. Н. Миклухо-Маклая на основе сохранившихся фотографий, портрета и предметов материальной культуры второй половины XIX в. была выполнена по заказу Фонда им. Миклухо-Маклая в 2019 г. Работа проходила под руководством А. В. Арановича, профессора кафедры истории и теории искусства, доктора исторических наук, доцента, члена Санкт-Петербургского союза ученых.

Николай Николаевич заблаговременно обдумывал детали своей жизни на отдаленном острове, поэтому позаботился об экипировке. Путешественник прибыл на о. Новая Гвинея в тропическом костюме (как говорили тогда, походном платье), который, безусловно, обладал рядом необходимых для экспедиции свойств. Например, был сшит из толстой ткани, что могло обезопасить от укусов насекомых и змей, а плотное прилегание костюма к телу предотвращало их попадание под костюм.

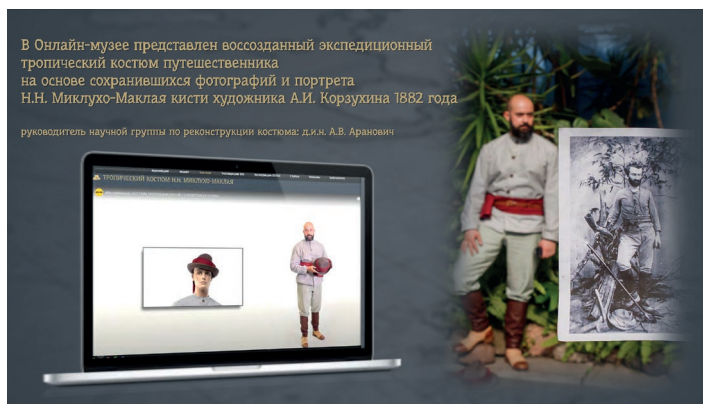

Рис. 10. Воссозданный экспедиционный тропический костюм путешественника. Реконструкция на основе фотографий XIX в.

Для наиболее детальной реконструкции элементов тропического костюма был проведен анализ материалов, которые использовались для его создания полтора века назад. При проведении работ за основу были взяты три сохранившиеся фотографии исследователя и портрет Миклухо-Маклая кисти художника А. Корзухина (1882 г.).

Начнем разбор с описания обуви, конструкцию которой мы хорошо можем рассмотреть на представленной фотографии.

Это комбинированные ботинки, которые состоят из кожаных частей и конструктивных парусиновых вставок, — аналог «берцев», комбинированных высоких ботинок на шнуровке, широко используемых уже в наше время как для нужд армии, так и для экстремального туризма.

Второй элемент, предназначенный для защиты ног, это так называемые краги. При реконструкции краги были использованы технические рисунки того времени. Краги изготавливались из кожи и закрывали ноги до колен. Боковая их часть застегивалась на пуговицы. Для избегания их сползания применялись кожаные ремешки, застегиваемые под коленом. Краги выполняли двойную функцию: первая — это фиксация ноги, а вторая — защитная, при перемещении по высокой траве. Следует отметить, что подобная конструкция равнозначна полноценным высоким ботфортам, но значительно более легкая и при этом очень эффективная.

Реконструируя брюки, специалисты взяли за пример крой портов из английских журналов того периода. Материал — хлопок. Длина штанов могла быть различной, как укороченные — кюлоты, так и длинные, что видно на одной из фотографий Н. Н. Миклухо-Маклая.

Верхняя рубашка, также из хлопка — свободного кроя, для обеспечения циркуляции воздуха, что крайне важно для тех широт, где проходили экспедиции ученого. Рубашка застегивается на 5 кожаных пуговиц.

Благодаря одному из изображений удалось реконструировать и головной убор исследователя. Это фетровая шляпа с повязанной на нее шелковой косынкой, которая, вероятно, могла использоваться и для завязывания на шею, для того чтобы уменьшить натирание шеи о рубашку со стоячим воротником.

В качестве пояса использовалось полотно — шелковый отрез. По картине можно судить о цветовой гамме — он темно-вишневого цвета.

Отдельной деталью костюма являлась экспедиционная трость, изготовленная из бамбука. Это единственный элемент реконструированного костюма, который является оригинальным предметом того времени, привезенным из Германии.

В целом имеющиеся в распоряжении источники позволили специалистам максимально достоверно и с большой точностью реконструировать облик выдающегося исследователя и путешественника, каким его увидели папуасы Новой Гвинеи.

Рис. 11. Н. Н. Миклухо-Маклай-мл. в тропическом костюме (реконструкция), рядом фотография, использованная для его создания

Рис. 12. Н. Н. Миклухо-Маклай в экспедиционном тропическом костюме. 1870–1880 гг. Архив РГО (Санкт-Петербург)

БЕРЕГ МАКЛАЯ В МИНИАТЮРЕ

Жемчужиной коллекции, представленной в отдельном разделе, является макет Берега Маклая в миниатюре.

Уникальный экспонат создан под руководством автора статьи на основе рисунков Н. Н. Миклухо-Маклая, иллюстрирующих его жизнь на острове, специалистами художественной студии по заказу Фонда им. Миклухо-Маклая. Он изображает местность на северо-востоке о. Новая Гвинея, где высадился и проживал ученый. Макет выполнен в художественно-реалистичной пейзажной манере из долговечных, влагоустойчивых материалов. Исторически, этнографически и натуралистически он является достоверным. Тип макета — «островной», со свободным обзором со всех четырех сторон, оснащен электрической подсветкой.

Масштаб макета — 1:20, примерные габариты макета — 100x100x80 см. Такой масштаб предполагает высокую детализацию и проработку элементов, реалистичность фактур и насыщение деталями (флора, фауна, мебель, различные предметы). Изображаемые на макете объекты включают ландшафт — мыс, где находилась хижина, морской берег с воспроизведением прибой, морское дно, ручей, часть деревенской поляны, тропический лес с представителями местной флоры; строения — хижина Миклухо-Маклая, две деревенские хижины, мужской дом; мебель и различные предметы: столы, кресло, сундук, нары, горшки, чайник, оружие, инструменты, книги, украшения и т.п.; флору — пальмы и другие деревья, низкие кустарники, травы; фауну — птиц, свиней, собак; персонажей — Миклухо-Маклай (3 фигуры), папуас Туй, два туземца на поляне Миклухо-Маклая, два туземца в деревне, два туземца у костра, туземец с рыбой у лодки.

С каждой стороны макет представляет собой сцену из дневников Н. Н. Миклухо-Маклая, а лица, фигуры и предметы, сделанные на основе 3D-моделирования, точно повторяют рисунки ученого, на которых основывались создатели. Над макетом расположена Луна, напоминающая о легенде, которую папуасы сложили о Н. Н. Миклухо-Маклае, называя его «человеком с Луны» за белый цвет кожи [Гумаркин, 1975].

Рис. 13. Макет Берега Маклая. Общий вид

Рис. 14. Макет Берега Маклая. Сюжеты. Тщательно выполненные детали позволяют воссоздать реальную картину жизни и работы ученого

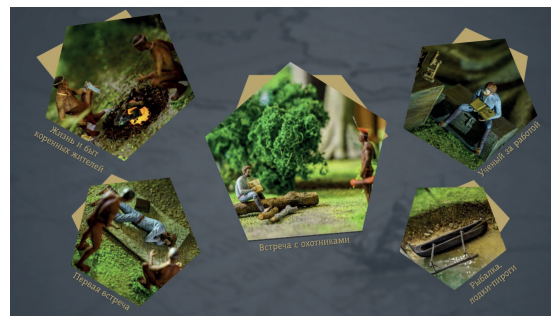

Рис. 15. Макет Берега Маклая. Сюжеты

ПУТЕШЕСТВИЯ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ ПО ЗЕМНОМУ ШАРУ

В онлайн-музее впервые собран и представлен в разделе экспедиций XIX в. материал, иллюстрирующий все описанные путешествия Н. Н. Миклухо-Маклая как выдающегося исследователя³⁷.

Точки пребывания ученого обозначены на Яндекс-карте вместе с кратким описанием его деятельности в каждом пункте. Даны ссылки на материалы Собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая³⁸, представленного в библиотеке музея, что позволяет в режиме онлайн знакомиться с книгами наиболее полного на сегодняшний день Собрания сочинений ученого, которое было осуществлено Фондом им. Миклухо-Маклая и вышло в свет в 2020 г. в рамках программной деятельности ООГО «Российский фонд культуры» при участии Института востоковедения РАН и утверждено к печати Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН [Миклухо-Маклай, 2020 (d)].

Н. Н. Миклухо-Маклая по праву называют истинным путешественником, ведь он проводил исследования во многих уголках нашей планеты, в том числе в Южной Америке, Голландской Ост-Индии (ныне Индонезия), Китае, на Филиппинском архипелаге, Малаккском полуострове, островах Западной Микронезии и Северо-Западной Меланезии, Полинезии, юго-западном и юго-восточном побережьях Новой Гвинеи, а также в Австралии. Всего на мировой карте насчитывается свыше 150 точек пребывания нашего великого соотечественника, чьи главные научные интересы лежали в изучении коренных народов тех мест, подробные описания которых он оставил для будущих поколений.

Рис. 16. Карта путешествий Н. Н. Миклухо-Маклая. На карте представлено 150 точек, которые посетил ученый во время своих путешествий

Где бы Н. Н. Миклухо-Маклай ни путешествовал, он был всегда поглощен изучением коренного населения. Можно только поражаться разнообразию и обилию информации, которую ученый успел собрать, делая ценные замечания об уникальных народах, населяющих нашу планету, и наиболее характерных особенностях их жизни. Пища, одежда, украшения, татуировка,

³⁷ URL: <https://mikluho-maklay.online/puteshestviya-n-n-mikluho-maklaya-po-zemnomu-sharu-150-tochek/> (дата обращения: 23.05. 2022).

³⁸ URL: <https://book.mikluho-maklay.ru> (дата обращения: 23.05. 2022).

традиционное оружие и орудия труда, парусные лодки, постройки, погребальные сооружения, вожжи разных рангов, свободные общинники и зависимые, которых ученый назвал рабами, жрецы, колдуны и шаманы, представления о загробной жизни, жены и наложницы, войны, охота за головами, культ предков — вот неполный перечень тем, которые получили отражение в этнографических записях и рисунках Н. Н. Миклухо-Маклая. Их копии представлены в том же разделе на страницах онлайн-музея с кратким описанием каждой точки маршрута ученого.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ЗАДАЧИ ОНЛАЙН-МУЗЕЯ

Четко структурированный материал для образовательного процесса может быть предложен разновозрастным категориям учащихся при рассмотрении тем, связанных с путешественниками, этапами географических открытий, изучении материков и океанов.

Здесь стоит обратить внимание, что навигация позволяет сориентироваться, как использовать ресурс учителю, который может отдельно или комплексно задействовать иллюстративный и текстовый материал разной степени сложности, видеоматериалы и виртуальные модели.

На их основе возможна организация самостоятельной работы учащихся (индивидуально, в группе, коллективно), а также выполнение домашнего задания. Здесь задача ресурса — быть в регулярном контакте с пользователями и пополнять информацию исходя из потребностей аудитории.

К положительным моментам следует отнести и заранее обозначенные перспективные направления в работе музея, связанные в первую очередь с ознакомлением современного поколения молодежи с достижениями России в области освоения региона Южных морей как в историческом прошлом, так и в наши дни.

Очевидно, что онлайн-музей будет развиваться как содержательно, так и технически, в том числе и с точки зрения организации тематических, прежде всего образовательных, виртуальных экскурсий. Обратная связь поможет устранять возможные выявленные недостатки. Онлайн-музей — это живой организм, который, осуществляя заявленные цели и имея основу, адаптируется под те условия, которые наиболее комфортны его пользователям.

Если рассматривать образовательные перспективы созданного онлайн-музея как обучающего ресурса, то согласно экспертному заключению Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования, проводившей исследование нового онлайн-ресурса, уже в настоящее время материалы могут быть рекомендованы для использования учителями географии, истории, естествознания и т.д. для работы с ними на уроке и во внеурочной деятельности. Причем направления использования материалов могут быть многоцелевыми. На основе содержания онлайн-музея возможна организация целого ряда проектных работ разной направленности. Помимо проектной деятельности возможно использование тематических ресурсов для подготовки индивидуальных и групповых докладов, в том числе научных. Таким образом, имеющийся материал уже может быть задействован в качестве основной и дополнительной учебной информации на уроке и во внеурочной деятельности.

Наполнение онлайн-музея, представленное в статьях и фильмах, способствует формированию толерантного отношения к многообразным природным, этническим, религиозным, художественным и культурным формам бытия разных народов. На примере гуманистических принципов формируется нравственный, эстетический и ценностно-ориентационный мир личности, современное поколение оказывается вовлеченным в интереснейший мир освоения Россией региона Южных морей, начиная с XIX в. до наших дней.

Онлайн-музей, как уже упоминалось выше, имеет версию на английском языке, что дает возможность пользователям из других стран ознакомиться с вкладом России в исследование мира Океании через путешествия Н. Н. Миклухо-Маклая и экспедиции по его следам. Особенно актуален этот контент в странах Южно-Тихоокеанского региона и, конечно, Папуа — Новой Гвинеи.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ ОНЛАЙН-МУЗЕЯ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ³⁹

12 октября 2021 г. было организовано торжественное открытие и презентация онлайн-музея в рамках фестиваля «Берег Маклая» на площадке Исторического парка «Россия — моя история» в Санкт-Петербурге⁴⁰. Посетители познакомились с достижениями России в области освоения региона Южных морей в XIX в. и на современном этапе и одними из первых увидели онлайн-музей, который был представлен на специальных экранах в мультимедийном формате⁴¹.

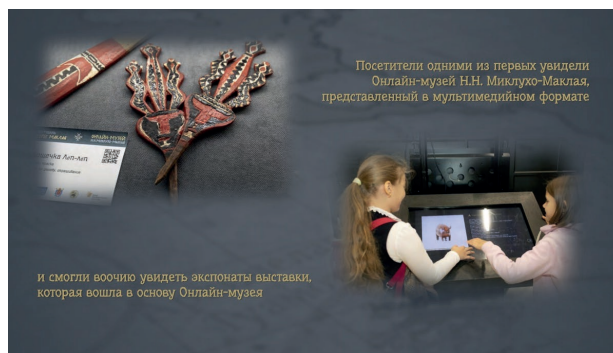

Рис. 17. Презентация Онлайн-музея Н. Н. Миклухо-Маклая 12.10.2021 г. Экспонаты представлены на тачскрине и витринах

Желающие смогли увидеть экспонаты выставки, которая составила основу онлайн-музея. Это предметы материальной культуры о Новой Гвинеи, которые имеют высокую историко-культурную ценность, фотографии и копии рисунков, а также макет — точная копия Берега Маклая, смоделированная на основе архивных материалов. Мероприятие привлекло почетных гостей: чрезвычайного и полномочного посла РФ в Независимом Государстве Папуа — Новая Гвинея (по совместительству) Людмилу Воробьеву, премьер-министра Независимого Государства Папуа — Новая Гвинея Джеймса Мараве, директора Института востоковедения Российской академии наук Аликбера Аликберова, заместителя председателя комитета по образованию Санкт-Петербурга Андрея Борщевского, почетного консула Австралии в Санкт-Петербурге Себастьяна Зиновьева-Фицлайона, заместителя председателя комитета по внешним связям Санкт-Петербурга Вячеслава Каалганова, представителей высших и средних учебных заведений, культурных и общественных организаций.

О ценности проделанной работы, которая ведет к всестороннему укреплению отношений Папуа — Новой Гвинеи и РФ через культурные проекты, говорила в своем онлайн-выступлении посол РФ в Папуа — Новой Гвинее Людмила Воробьева⁴². Директор Института

³⁹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NQjgw2wflg> (дата обращения: 29.05.2022).

⁴⁰ URL: <https://spbculture.ru/ru/press-office/novosti/10629/> (дата обращения: 27.05.2022).

⁴¹ URL: <https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/ob-osvoenii-yuzhnyh-morey-v-xix-veke-rasskazhut-na-festivale-bereg-maklaya-v-peterburge> (дата обращения: 24.05.2022).

⁴² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qjauj5GWFL0> (дата обращения: 22.05.2022).

востоковедения РАН Аликбер Аликберов обратил внимание на то, что открытие Онлайн-музея Н. Н. Миклухо-Маклая — важный шаг на пути укрепления отношений между странами, полноценного развития не только научных программ, но и просветительских и культурных связей⁴³. Премьер-министр Папуа — Новой Гвинеи Дж. Марапел отметил: «В 1870–1880-х годах на северо-восточном побережье Новой Гвинеи (ныне провинция Маданг, побережье Маклая, побережье Раи) состоялись экспедиции выдающегося российского ученого и путешественника Николая Миклухо-Маклая, которые стали важной вехой в истории дружественных отношений между народами России и Папуа — Новой Гвинеи. Маклай оставил добрую память о России в сердцах жителей Папуа — Новой Гвинеи и первым боролся за их независимость. Для нас он по праву входит в плеяду самых известных исторических личностей Папуа — Новой Гвинеи. Жизненные принципы Миклухо-Маклая сочетаются с девизом нашего государства (PNG) “Друзья всем, враги никому”. Папуа — Новая Гвинея открыта для плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества со всеми странами мира и, конечно, с Россией. <...>

Рис. 18. Выступление премьер-министра ПНГ Дж. Марапел на презентации Онлайн-музея Н. Н. Миклухо-Маклая 12.10.2021 г.

На современном этапе значительный вклад в развитие двусторонних отношений внносит Миклухо-Маклай-младший. Благодаря его работе открыт Russian corner, открытие которого поддержал в Национальной библиотеке Порт-Морсби. Он внес большой вклад в популяризацию ПНГ в РФ и выступал организатором встреч в РФ и ПНГ среди бизнес-сообщества. Мы считаем его своим представителем, как его прапрадеда, и работаем с ним и Посольством РФ над открытием представительств почетных консулов в Москве и Санкт-Петербурге.

Мне приятно осознавать, что Берег Маклая, Рай Кост, северо-востока острова Новой Гвинеи сейчас представляется в России. Во многом тому, чтобы коллекция уникальных предметов была доступна в РФ, способствовал и наш основатель Майкл Сомапе, который выступал за сотрудничество и поддерживал Маклая-младшего. <...>

Пользуясь торжественным моментом, я адресую письмо Н. Н. Миклухо-Маклаю-младшему за моей подписью, он его получит в ближайшее время, однако содержание его

⁴³ URL: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=17899> (дата обращения: 22.05.2022).

не секрет: «Благодарим Н. Н. Миклухо-Маклая за значительный вклад в дружбу народов России и Папуа — Новой Гвинеи, сохранение и популяризацию традиций и культуры Папуа — Новой Гвинеи в мире⁴⁴».

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ОНЛАЙН-РЕСУРСА

Для максимального привлечения посетителей использовались методы адресной рассылки по регионам РФ и представительствам за рубежом. Это позволило собрать постоянную аудиторию для последующего циклического использования ресурса для научных и образовательно-просветительских целей, способствующих всестороннему международному сотрудничеству, в первую очередь развитию отношений между Папуа — Новой

Online glimpses of Maclay Coast

February 4, 2022 The National Weekend

COVER STORY

In the year of the 175th anniversary of first Russian scientist to New Guinea, the Mikluho-Maclay Online Museum was opened. It gives an opportunity to travel virtually through the fascinating world of the Maclay Coast, discovered by the Russian scientist. Nikolay Nikolavich Mikluho-Maclay (1846-1888) was a world-renowned humanist, scientist, traveler and progressive public figure, who explored the peoples of Oceania, Australia and Southeast Asia. His reputation as a courageous explorer who pioneered many scientific disciplines, has always stirred interest to his person. His contributions in ethnography and physical anthropology were especially significant. For example, he disproved the racist views of some scientists of the time that the indigenous people (Papuan) of the Maclay Coast (Racoset of Mading) belonged to an intermediate link between human and animal, leaving behind a crucial ideological legacy for all, marking on the equality of races and peoples, emphasising the unacceptability of violent suppression of cultures, the imposition of alien stereotypes, forced cultural integration and colonial policies.

Mikluho-Maclay Jr on a 2017 expedition in the footsteps of his namesake, with the descendants of those who had seen and lived with the famous scientist.

Рис. 19. Центральная газета ПНГ «National» от 4 февраля 2022 г. разместила на обложке фотографию представленного в онлайн-музее макета Берега Маклая

Гвинеей и Российской Федерацией. Материалы онлайн-музея актуальны и для исследователей Южно-Тихоокеанского региона, Австралии и Океании как в РФ, так и за рубежом. Проведена масштабная предварительная работа для привлечения заинтересованной аудитории к посещению ресурса через социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники и др.). В результате в период с 01.08.2021 по 01.02.2022 г. по ключевому хэштегу #МузейМаклая с информацией ознакомилось не менее 4002 863 человек⁴⁵. Информация о музее и рекомендации к ознакомлению с его материалами размещены в 45 регионах России и за рубежом. Это позволило охватить аудиторию посетителей российских и иностранных интернет-ресурсов и других СМИ в количестве не менее 2829 042 человека за период с 28.09.2021 по 23.01.2022 г.⁴⁶

За первые четыре месяца работы музея, начиная с октября 2020 г., в результате предварительной масштабной информационной компании онлайн-ресурс с русскоязычной и англоязычной версиями посетили граждане из 48 стран: помимо России, это были пользователи из США, Папуа — Новой Гвинеи, Чехии, Болгарии, Казахстана, Малайзии, Ирландии, Словакии, Швеции, Сербии и др. По данным отчета Фонда им. Миклухо-Маклая, посещаемость сайта онлайн-музея в период с 01.10.2021 по 01.02.2022 г. составила не менее 6906 человек⁴⁷. Особое внимание было уделено обратной связи с посетителями и циклическому использованию онлайн-ресурса в образовательно-просветительских целях.

⁴⁴ URL: https://mikluho-maclay.org/wp-content/uploads/2022/06/rech-d-marape_perevod.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

⁴⁵ Охват проекта через социальные сети. URL: https://mikluho-maclay.org/wp-content/uploads/2022/06/onlajn-muzej_socz.-seti.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

⁴⁶ Размещение информации о проекте и охват подписчиков... URL: <https://mikluho-maclay.org/wp-content/uploads/2022/06/razmeshhenie-informaczi-i-ohvat-v-smi.pdf> (дата обращения: 22.05.2022).

⁴⁷ https://mikluho-maclay.org/wp-content/uploads/2022/06/otchet-o-realizaczi_onlajn-muzej.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

Особенно ценен для создателей отклик в прессе Папуа — Новой Гвинеи, стране происхождения музейной коллекции. Он появился в центральной газете «National» от 4 февраля 2022 г. Издание разместило на обложке фотографию представленного в онлайн-музее макета Берега Маклая, наглядно рассказывающего о первом контакте российского путешественника с коренными жителями острова⁴⁸. В прессе ПНГ было отмечено, что музей воистину являет собой пример того, как благодаря российским исследователям коренные жители знакомятся с историей и культурой своей страны.

СОХРАНЕНИЕ И ПОСТОЯННОЕ ПОПОЛНЕНИЕ ОНЛАЙН-МУЗЕЯ

Говоря о сохранении культурного и исторического наследия, следует понимать, что в этом контексте сохранить — не значит только уберечь от разрушения и утраты все то, что было создано, собрано, систематизировано и в той или иной степени осмыслено в прошлом. Применительно к культурному наследию «сохранение означает и постоянное пополнение, поскольку история творится в каждый прожитый нами день; и непрерывный процесс изучения, поскольку наши технологии познания и представления об истории мира и человечества постоянно совершенствуются; и столь же непрерывный процесс осмысления наследия, так как каждый исторический этап ставит перед нами новые вопросы. Под сохранением культурного наследия понимается и разнообразный по своим формам процесс освоения человеком и обществом накопленного ранее исторического и культурного опыта»⁴⁹. Интерес к путешествиям Н. Н. Миклухо-Маклая традиционно большой. Онлайн-музей смог заполнить образовавшийся вакуум и представил на постоянной основе доступ к информации о личности ученого. Это, безусловно, способствует, через осознание его подвига как бесстрашного исследователя, формированию чувства гордости у молодого поколения за достижения соотечественников, патриотическому воспитанию, позволяет сохранить и передать идеологическое наследие жизненных принципов ученого-гуманиста, выступавшего за необходимость уважения культур и традиций других народов.

Онлайн-музей Н. Н. Миклухо-Маклая — это площадка, которая, интегрируя информацию о личности выдающегося исследователя и его достижениях, а также о Родине и ее историческом прошлом, дает конкретные знания в области освоения Россией региона Южных морей в XIX в. и представляет современную исследовательскую деятельность, показывая связь поколений. Автор выражает надежду, что проблема отсутствия системной, комплексно подготовленной информации для ознакомления с наследием Н. Н. Миклухо-Маклая в удобной современной форме, особенно для учащихся, и представления вклада отечественных ученых в исследование о Новой Гвинее во многом будет решена благодаря первому в России Онлайн-музею Н. Н. Миклухо-Маклая.

Онлайн-музей — это долгосрочный проект, предполагающий последующую трансформацию с обязательным обновлением и расширением содержания с учетом новейших технических возможностей, что представляет собой цикличную востребованность онлайн-музея как ресурса, постоянно используемого учителями и учащимися, исследователями.

Английская версия ресурса позволяет сделать доступными отечественные достижения для широкой англоязычной аудитории и развивать двусторонние связи с Независимым Государством Папуа — Новая Гвинея как страной, экспонаты которой представлены на интернет-ресурсе музея.

⁴⁸ Газета «National» с макетом Берега Маклая на обложке. URL: <https://www.thenational.com.pg/online-glimpses-of-maclay-coast/> (дата обращения: 22.05.2022).

⁴⁹ Встреча В. В. Путина с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470> (дата обращения: 27.05.2022).

Онлайн-музей удалось достаточно быстро стать узнаваемым ресурсом, выходящим первым при запросе пользователей «музей Миклухо-Маклая» в интернете, что подтверждается его востребованностью и популярностью.

Литература

Басилов В. Н. Материальная культура бонгуанцев. *На Берегу Маклая. Этнографические очерки*. М.: Наука, 1975. С. 110–164 [Basilov V. N. Material culture of the Bonguans. *On the Maclay Coast. Ethnographic sketches*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 110–164 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. (а). Возрождение российских научных традиций в Папуа — Новой Гвинее в начале XXI в. *Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития*. 2020. Т. 1. № 1. С. 269–284 [Miklouho-Maklay N. N. (a). Revival of the Russian scientific traditions in Papua New Guinea at the beginning of the XXI century. *Southeast Asia. Actual problems of development*. 2020. Vol. 1. No 1. Pp. 269–284 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. (с). По следам Миклухо-Маклая. Российские научные экспедиции на берег Маклая в XXI в. // *Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений. В 6 т.* СПб., 2020. Т. 1. С. I–XVII [Miklouho-Maklay N. N. (c). In the footsteps of Miklouho-Maclay. Russian scientific expeditions to the Maclay Coast in the XXI century. *Miklouho-Maclay N. N. Collected Works in six volumes*. Saint-Petersburg, 2020. Vol. 1. Pp. I–XVII (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. (d). *Собрание сочинений. В 6 т.* СПб., 2020 [Miklouho-Maclay N. N. (d). *Collected Works in six volumes*. Saint-Petersburg, 2020 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. (b). О роли личности в истории // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 1. С. 220–237 [Miklouho-Maclay N. N. (b). About the role of a person in history. *Newsletter of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2022. No. 1. Pp. 220–237 (in Russian)].

Райхлина Е. А. Музей в системе патриотического воспитания молодежи // *Вестник МГУКИ*. 2009. Май–июнь. № 3(29). С. 172–176 [Raikhlina E. A. Museum in the system of patriotic education of youth. *Bulletin of MSUCA*. 2009. May–June. No. 3(29). Pp. 172–176]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzei-v-sisteme-patrioticheskogo-vozpitaniya-molodezhi> (дата обращения: 23.05.2022).

Таушканова А. О., Шанц Е. А. Роль музея в образовательном процессе школы / *Теория и практика образования в современном мире*. Материалы II Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г. СПб.: Реноме, 2012. С. 98–100 [Taushkanova A. O., Shants E. A. The role of museum in the school educational process. *Theory and practice of education in the modern world*. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference. Saint-Petersburg, November 2012. Saint-Petersburg: Renome, 2012. Pp. 98–100 (in Russian)].

Тумаркин Д. Д. Хозяйство папуасов Бонгу / *На Берегу Маклая. Этнографические очерки*. М.: Наука, 1975. С. 165–184 [Tumarkin D. D. The economy of the Papuans of Bongu. *On the Maclay Coast. Ethnographic sketches*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 165–184 (in Russian)].

Чининов И. В. Хозяйственный уклад жителей деревень Горенду, Бонгу и Гумбу (Новая Гвинея) // *Вестник антропологии*. 2021. № 3. С. 261–273 [Chininov I. V. Economic system in the villages of Gorendu, Bongu and Gumbu (New Guinea). *Bulletin of Anthropology*. 2021. No. 3. Pp. 261–273 (in Russian)]. URL: <https://journals.iea.ras.ru/vestantrop/article/view/688/841> (дата обращения: 29.05.2022).

Экспедиции трех веков. По следам Миклухо-Маклая. СПб., 2021 [Expeditions of three centuries. *In the footsteps of Miklouho-Maclay*. Saint-Petersburg, 2021 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Английская версия Онлайн-музея Н. Н. Миклухо-Маклая [Miklouho-Maclay Online Museum]. URL: <https://mikluho-maclay.online/?lang=en> (дата обращения: 28.05.2022).

В Кунсткамеру передали блюдо, служившее для выкупа невесты [The Kunstkamera was given a dish that served as a bride price (in Russian)]. URL: <https://spbndevnik.ru/news/2018-03-12/v-kunstkameru-peredali-blyudo-sluzhivshee-dlya-vykupa-nevesty> (дата обращения: 22.05.2022).

Встреча В. В. Путина с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи [A meeting of Vladimir Putin with representatives of the public on patriotic education of youth (in Russian)]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470> (дата обращения: 27.05.2022).

Газета «National» с макетом Берега Маклая на обложке. URL: <https://www.thenational.com.pg/online-glimpses-of-maclay-coast/> (дата обращения: 22.05.2022).

За Миклухо-Маклаем: уникальная экспедиция в Папуа — Новую Гвинею. *PIA Новосту* [Following Miklouho-Maclay: a unique expedition to Papua New Guinea. *RIA Novosti* (in Russian)]. URL: <https://ria.ru/20180610/1522421967.html> (дата обращения: 22.05.2022).

Коллекции с берега Маклая теперь доступны онлайн [Collections from the Maclay Coast available online (in Russian)]. URL: https://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2017_09_14 (дата обращения: 22.05.2022).

Коллекция Миклухо-Маклая в Кунсткамере пополнится новыми артефактами [The Miklouho-Maclay collection in the Kunstkamera will be replenished with new artifacts (in Russian)]. URL: <https://mikluho-maclay.ru/kolleksiya-mikluho-maklaya-v-kunstkamere/> (дата обращения: 22.05.2022).

Кунсткамера. Коллекции онлайн [Kunstkamera. Online collections]. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/ОБЪЕКТ?page=2&query=берег%20маклая> (дата обращения: 22.05.2022).

Музей антропологии МГУ [MSU Museum of Anthropology (in Russian)]. URL: <http://www.antropos.msu.ru/museum.html> (дата обращения: 25.05.2022).

Музей Н. Н. Миклухо-Маклая «Берег Маклая» [N. N. Miklouho-Maclay Museum «Maclay Coast» (in Russian)]. URL: <http://www.museum.ru/M3275> (дата обращения: 30.05.2022).

Музей им. Н. Н. Миклухо-Маклая в Окуловке [N. N. Miklouho-Maclay Museum in Okulovka (in Russian)]. URL: <https://okulovka.com/info/muzej-im-nn-mikluho-maklaya-v-okulovke> (дата обращения: 31.05.2022).

Н. Н. Миклухо-Маклай о равенстве рас и народов [N. N. Miklouho-Maclay about the equality of races and peoples (in Russian)]. URL: <https://mikluho-maclay.org/projekts/> (дата обращения: 22.05.2022).

На международном фестивале представили Онлайн-музей Н. Н. Миклухо-Маклая. *Новосту ИВ РАН* [The Miklouho-Maclay Online Museum was presented at the international festival. *Novosti IV RAN* (in Russian)]. URL: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=17899> (дата обращения: 22.05.2022).

Обращение премьер-министра Папуа — Новой Гвинеи Джеймса Мараве к участникам форума «Берег Маклая» [James Marape, Prime Minister of Papua New Guinea, addresses to the participants of the Maclay Coast Forum]. URL: https://mikluho-maclay.org/wp-content/uploads/2022/06/rech-d.-marape_perevod.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

Обращение чрезвычайного и полномочного посла РФ в Папуа — Новой Гвинеи Людмилы Воробьевой [Address by Lyudmila Vorobyova, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation to Papua New Guinea (in Russian)]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cjauj5GWFL0> (дата обращения: 22.05.2022).

Онлайн-музей Н. Н. Миклухо-Маклая [Miklouho-Maclay Online Museum]. URL: <https://mikluho-maclay.online/stati-i-zametki/> (дата обращения: 22.05.2022).

Основы государственной культурной политики Российской Федерации (от 2014 г.) [Fundamentals of State Cultural Policy of the Russian Federation (2014) (in Russian)]. URL: <http://kremlin.ru/events/administration/21027> (дата обращения: 25.05.2022).

Охват проекта через социальные сети [Project coverage via social networks]. URL: https://mikluho-maclay.org/wp-content/uploads/2022/06/onlajn-muzej_socz.-seti.pdf (дата обращения: 22.05.2022).

Петербургский Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН — один из ключевых партнеров экспедиции «Миклухо-Маклай, XXI век. Берег Маклая» [Saint-Petersburg Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS is one of the major partners of the expedition «Miklouho-Maclay XXI century. Maclay Coast» (in Russian)]. URL: <https://mikluho-maclay.ru/peterburgskij-muzej-antropologii-i-etnografii-mikluho-maklaj-xxi-vek-bereg-maklaya/> (дата обращения: 22.05.2022).

Потомок Миклухо-Маклая передаст Кунсткамере артефакты из Папуа-Новой Гвинеи. *Интерфакс* [Miklouho-Maclay's descendant will give artifacts from Papua New Guinea to the Kunstkamera. *Interfax* (in Russian)]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/602436> (дата обращения: 22.05.2022).

Размещение информации о проекте и охват подписчиков... [Posting information about the project and reaching subscribers]. URL: <https://mikluho-maclay.org/wp-content/uploads/2022/06/razmeshhenie-informaczi-i-ohvat-v-smi.pdf> (дата обращения: 22.05.2022).

Роль музеев в образовании и развитии культурно-познавательного туризма. ICOM. Ukrainian National Committee [Role of museums in education and cultural tourism development. ICOM. Ukrainian National Committee]. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000220143_rus (дата обращения: 23.05.2022).

Современные экспедиции пополнили экспонаты [Modern expeditions have added exhibits]. URL: <http://collection.kunstkamera.ru/entity/ОБЪЕКТ?page=2&query=берег%20маклая> (дата обращения: 22.05.2022).

Торжественное открытие онлайн-музея Н. Н. Миклухо-Маклая [Grand presentation of the Miklouho-Maclay Online Museum]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NQjgw2wfglg> (дата обращения: 29.05.2022).

XIII День мецената в Государственном Эрмитаже [XIII Philanthropist Day at the State Hermitage Museum (in Russian)]. URL: <https://support.hermitagemuseum.org/ru/news/view/92> (дата обращения: 30.05.2022).

Центр Азиатских и Тихоокеанских исследований ИЭА РАН [Center for Asian and Pacific Studies IEA RAS (in Russian)]. URL: <https://iea-ras.ru/?p=1187> (дата обращения: 24.05.2022).

Центр изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН [Center for Southeast Asia, Australia, and Oceania of the Institute of Oriental Studies RAS (in Russian)]. URL: <https://ivran.ru/sea-center> (дата обращения: 27.05.2022).

Экспедиция «Миклухо-Маклай, XXI век. Берег Маклая» [Expedition «Miklukho-Maclay, XXI century. Maklay Coast»]. URL: <https://mikluho-maclay.org/expeditions/> (дата обращения: 22.05.2022).

Экспедиция Миклухо-Маклая младшего отправилась в Папуа — Новую Гвинею [Expedition of Miklouho-Maclay Jr. set off to Papua New Guinea (in Russian)]. URL: https://www.kunstkamera.ru/news_list/science/2017_09_11 (дата обращения: 22.05.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-077-084

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГЛАГОЛА «ПИСАТЬ» В ЧАДСКИХ ЯЗЫКАХ

© 2022

О. В. Столбова¹

Чадские, семитские, египетский, берберские, кушитские и омотские языки образуют афразийскую (семито-хамитскую) макро-семью. В статье рассматриваются два источника возникновения глагола ‘писать’ в чадских языках: изменение семантики (семантический сдвиг) и заимствования. Объясняется причина фонологического разнообразия глагольных форм с таким значением в отдельных чадских языках. Многочисленные примеры из базы данных по чадским языкам позволяют установить длинную цепочку последовательных семантических изменений, которые привели к появлению глагола ‘писать’, а также показать, что в подавляющем большинстве случаев начальным звеном этих преобразований являются глаголы ‘резать’ или ‘скрести’. В трех чадских языках удалось обнаружить иной (‘одношаговый’) семантический сдвиг, а именно: ‘положить’ > ‘написать’.

Приводятся примеры заимствований глагола ‘писать’ из арабского языка и фульфульде (нигеро-конголезская семья) в чадские языки. Отмечается, что из языка канури (нило-сахарская семья) в чадские языки глагол ‘писать’ заимствовался в форме отглагольного имени (‘writing’, ‘запись’) с суффиксом *-tə*. Анализируются и дополняются аргументы Дж. Гринберга [Greenberg, 1960], доказывающие, что именно канури являлся языком-донором для чадских языков.

Типологические параллели к установленным в статье семантическим изменениям обнаруживаются за пределами афразийской семьи — в индо-европейских и нило-сахарских языках. Проанализированный материал свидетельствует о том, что в результате семантических изменений глагол ‘писать’ появился в отдельных чадских языках (независимо друг от друга) и лишь в редких случаях — еще на уровне небольших подгрупп.

Ключевые слова: чадские языки, афразийские языки, семантические изменения, заимствования, культурные термины

Для цитирования: Столбова О. В. О происхождении глагола «писать» в чадских языках. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 77–84. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-077-084

ON THE ORIGIN OF THE VERB “TO WRITE” IN CHADIC LANGUAGES

Olga V. Stolbova

Chadic, Semitic, Egyptian, Berber, Kushitic and Omotic languages comprise the Afroasiatic (Hamito-Semitic) macro-family. The paper is aimed to clarify the origin of the verb ‘to write’ in different Chadic languages. Two main sources: semantic shifts and borrowings will be in the focus of the study. The phonological diversity

¹ Столбова Ольга Валерьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; Stolbova.O@yandex.ru

Olga V. Stolbova, DSc (Philology), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; Stolbova.O@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-7589-2854

of corresponding lexical forms is also of special interest. Numerous examples allow us to trace a long chain of semantic shifts ending in the verb ‘to write’. In almost all cases verbs ‘to cut’ or ‘to scratch’ have been identified as the first units of these semantic transformations. A ‘one-step’ semantic shift: ‘to put’ > ‘to write’ was active only in a few Central Chadic languages.

Loans from Arabic and Fulfulde (Niger-Congo family) into different Chadic languages are listed. Of special interest is the derived noun ‘writing’, borrowed from Kanuri (Nilo-Saharan family) into Chadic. J. Greenberg’s arguments, indicating Kanuri as the donor-language [Greenberg 1960, p. 209–210] and supporting evidence are under discussion.

Typological parallels to the above-mentioned semantic shifts can be traced outside the Afroasiatic family, namely, in Indo-European and Nilo-Saharan languages. The whole amount of Chadic data and external parallels prove the independent origin of the verb ‘to write’ in different Chadic languages. Only in a few cases the verb ‘to write’ can be identified on a sub-group level.

Keywords: Chadic languages, Afrosiatic languages, semantic shift, borrowing, words of cultural importance

For citation: Stolbova O. V. On the Origin of the Verb ‘to Write’ in Chadic Languages. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 3. Pp. 77–84. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-077-084

Чадскую ветвь афразийской макросемьи образуют более 170 языков Нигерии, Нигера, Чада и Камеруна. Крупнейший по числу носителей чадский язык — хауса — распространен и в других странах Западной Африки и является языком межэтнического общения. С XIX века для хауса использовался модифицированный арабский алфавит (аджами), с 1930-х годов — алфавит на основе латинского.

По мнению Дж. Гринберга², нет никаких сомнений в том, что носители языка хауса получили сведения о письменности только с приходом ислама, поэтому вся релевантная лексика в их языке (за исключением самого глагола писать³) — это заимствования из арабского языка. Все остальные чадские языки — бесписьменные, тем не менее в любом словаре⁴ можно найти глагол ‘писать’. Если составить список таких глаголов в чадских языках и убрать заимствования, останется значительное количество лексических единиц. С точки зрения сравнительной фонологии они не могут восходить к одной праформе, поэтому разумно предположить, что значение ‘писать’ у подобных глаголов явилось результатом семантического сдвига (semantic shift).

Наличие древних памятников позволяет проследить, каково было исходное значение слова, как оно менялось с течением времени и убедиться в том, что в результате семантического сдвига одно конкретное значение возникло из другого (а затем могло его вытеснить). В нашем случае такой возможности нет. Мы можем рассчитывать только на хорошее лексикографическое описание синхронного состояния языка, при котором дается полный список всех значений лексической единицы. Для нас наиболее существенными будут те случаи, когда новое значение (а именно — ‘писать’) совмещается со старым, а не вытеснило его. Установив исходную точку семантического сдвига, необходимо будет найти аналогичные примеры в базе данных по чадским языкам. Если окажется, что такой сдвиг наблюдается многократно, мы сможем включить в этимологии с установленным исходным значением изолированные словоформы с семантикой ‘писать’ (разумеется, учитывая критерий фонологического соответствия).

² [Greenberg, 1960, p. 205].

³ См. комментарий Дж. Гринберга: «the writer was puzzled to note that the verb for ‘write’ itself could not be derived from Arabic» [Greenberg, 1960, p. 205].

⁴ Речь идет именно о словарях, а не о коротких списках слов.

Чадская лексика в основном организована в виде этимологических статей, начинающихся с реконструированной прачадской формы под звездочкой и ее предполагаемого значения. Затем приводятся рефлексy в отдельных чадских языках (в следующем порядке: западная ветвь, центральная, восточная). Фрагментарная лексика дается без общечадской реконструкции. Названия афразийских языков даются в латинице с заглавной буквы, названия групп языков — со строчной. После знака // приводятся когнаты из кушитских и семитских языков (со ссылками на источники). Список источников по чадским языкам см. в: [Столбова, 2020, с. 230–239]⁵.

Просмотр чадского лексического материала показал, что значение ‘писать’ чаще всего совмещается с ‘скрести, делать насечки’, см. следующие примеры:

1. Центр.-чад. ***dVb-** ‘(делать) насечки’/’to etch; tattoo’: Ouldem *-dùh* ‘inciser, graver’, Mada *édǎǎh* ‘tracer, marquer’, (gr. masa) Gizey, Masa, Ham *dó* ‘graver, écrire’.

Производное имя: Fali Gili *dihá* ‘tribal marks’, Hdi *daha*, Lamang *dha* ‘tattoo’.

2. Зап.-чад. (gr. warji): ***tVw/y-** ‘скрести, делать насечки’/’to scratch, tattoo’: Warji *taw* ‘to scratch’, Mburku *tawə* ‘to tattoo’, Miya *tyw* ‘to etch, trace designs’, Kariya *taw* ‘to tattoo, **to write**’, Paa *tað*, *tawí*, *tawò* ‘to scratch, tattoo, **write**’, *tàwa* ‘scarifications’ (производное имя).

2а. Зап.-чад. (gr. zaar) ***tVw-** ‘резать’/’to cut’: Zaar *táa*, Jimi *tewii*, Polci *tóo*, Zul *tóyi* ‘cut’, производное имя: Polci *tóo-tə* ‘tribal marks’.

// Южно-куш. Iraqw *sloo* ‘tattoo, facial cultural marking’ [Mous, Qorro, Kiessling, 2002, p. 96], Burunge *sla’aniya* ‘scar’ [Kiessling, 2003, p. 254].

3. Чаd. ***bVHVr-** > ***bVr-** ‘делать насечки, высекать’/’to scarify, tattoo’: центр. Daba *bòr* ‘tatouer comme marque tribale or signe de beauté’; центр. (gr. masa) Ham, Masa *bír* ‘scarifier, inciser, tatouer’, Musey *bií* ‘graver du bois, scarifier, écrire’, Lew, Marba *bír* ‘graver du bois, écrire’, вост. Kera *bír-li*, Dangla (West dial.) *bòr* ‘tatouer’.

Производное имя: зап. Pero *bérà* ‘face cutting’.

Как и в предыдущем случае (ср. примеры 2 и 2а), можно предположить, что значение ‘делать насечки’ возникло в результате сужения более общей семантики ‘резать’, см. следующий пример:

3а. Чаd. ***bVHVr-** > ***bVr-** ‘резать’/’to cut’: зап. Galambu *bár-* ‘to cut off; slaughter (by cutting throat)’, Tangale *berí* ‘to cut round, circumcise’, Kupto *bèbìréy* ‘to cut into small pieces’, *bèr-téy* ‘to cut, slaughter’, Duwai *bàr-nìyo* ‘to cut open (fish, fowl)’; вост. Dangla (East dial.) *bìr-èè* ‘ébrancher, élaguer’.

// Сем. Arabic *bhr* ‘fendre, déchirer (se dit de la pratique de fendre l’oreille à une chamelle)’ [Biberstein Kazimirski, 1860, v. I, p. 88], куш. Dahalo *biir-* ‘to cut grass, mow’ [Ehret, 1980, p. 138].

4. Чаd. ***bVl-** (< ***Hbl**) ‘to etch, tattoo’: зап. (gr. bole) Kupto *billéy* ‘to make tattoo(s), draw, write’, Tangale *balle*, Pero *bállò*, Dera *bùli* ‘to write’, Bolewa *billu* ‘to trace, design, etch’; центр. Tera *bàla* ‘to write’.

Производное имя: зап. Goemai *bóol* ‘scar, tattoo’.

// Куш. Dahalo *bil-* ‘to decorate’ [Ehret, Elderkin, Nurse 1989, p. 14].

И в данном случае очевидна уже отмеченная выше связь между ‘делать насечки’ и ‘резать’, см.:

4а. Чаd. ***bal-** (< ***HVbal-**) ‘резать’/’to cut’: зап. Miya *bal* ‘to chop’; центр. Mina *bál* ‘to cut’, Mbuko *bál* ‘to cut in two’; вост. Dangla (East dial.) *bàlò* ‘couper (pour faire une lanière)’.

Производное имя: зап. Goemai *bál* ‘flute or whistle carved of wood’.

// Сем. Arabic *bl* ‘couper, retrancher’ [Biberstein Kazimirski 1989, vol. II, pp. 158–159].

⁵ Столбова О. В. Лексическая база данных по чадским языкам. Выпуск VI. Stolbova Olga. Chadic Lexical Database. Issue VI. URL: <https://book.ivran.ru/book?id=5106&from=1129> (дата обращения: 03.06.2022).

5. Чад. ***nʒVr- ‘скрести’/to scrape’**: зап. Dott *nʒar*, Guus *nʒərək* ‘to write’; центр. Mofu *nʒər-* ‘gratter, se peigner’, *nʒər^h*- ‘(s) écorcher, (se) griffer’, Mbuko *nʒəróh* ‘gratter, éroder’, Mafa *nʒarat* ‘égratigner, rayer’; вост. Kera *ʒèerè*⁶ ‘ritzen, verzieren, bemalen’ **schreiben** / ‘скрести, разрисовывать, украшать, писать’.

На этот раз ‘скрести’ является производным с преф. *n-* от глагола ‘резать’, а именно:

5а. Чад. ***ʒVr- ‘резать (на полоски)’/to slit, cut in stripes’**: зап. Karekare *ʒiraa* ‘to split, slit’, Zaa *nʒáí: i* (идеофон) ‘sharp cut of a razor’; центр. Masa *ʒèr* ‘couper en lanières’, Dzeraw *nʒèr* ‘couper en lamelles’.

Приведенные примеры демонстрируют сочетаемость семантики ‘скрести’ и ‘писать’ у одного и того же глагола. Кроме того, даже в пределах одной группы языков мы можем наблюдать весь спектр изменений: ‘скрести’ > ‘скрести, писать’ > ‘писать’ (см. пример 4). Это позволяет включить в прачадские реконструкции с семантикой ‘скрести’ изолированные лексемы со значением ‘писать’, см. следующие примеры:

6. Центр.-чад. ***hVʒ- ‘скрести’/to scrape’**: Podoko *hiʒé* ‘to scrape’, Hdi *həʒay* ‘to scratch’, Mofu *-həʒ-* ‘se raser’, Gisiga *həʒ* ‘to shave’, Vame *həʒa* ‘to write’.

//Сем. Arabic *hdd* ‘couper net et promptement (se dit d’un instrument très-tranchant)’, *hd*⁷ ‘couper rapidement’ [Biberstein Kazimirski, 1980, vol. II, p. 1406], Ugaritic *hdy* ‘to lacerate (oneself)’ [Olmo Lete, Sanmartín, 2015, p. 330].

7. Чад. ***fVr- ‘скрести, чесаться, тереть’/to scrape, itch, rub’**: зап. Hausa *fèeriyaa* ‘scraping (esp. the surface of the ground)’, Ngas *fir* ‘scrape (calabash of porridge, with the fingers)’, Bolewa *pèeru* ‘scrape out inside of hollow object’, центр. Bura *firwa* ‘to re-sharpen a pointed instrument’, Baka *far* ‘frotter, gratter’, Mbedam *fəfər* ‘gratter’, Moloko *far* ‘to itch, scratch’, Muyang *əfār* ‘to scratch, cause to itch’, Mafa (*fa*)*fər-* ‘se gratter’, Chuvok *máfrèy* ‘frotter, gratter’, *méfəfərèy* ‘se gratter’, Mada *óffor* ‘démanger, to itch’, *ófforvə, fròh fròh* ‘se gratter’, Mofu *-fəfər-* ‘se gratter, frotter’, Merey *fəfar* ‘gratter’; вост. Migama *pòrrò* ‘griffer’, Sokoro *firiŋ-firiŋ* ‘schreiben, to write’.

Производное имя: зап. Bolewa *pèereyà* ‘a v-shaped cut on a lip of a decorated calabash’.

Наконец, есть нескольких пар глаголов с семантикой ‘скрести’ (а.) и ‘писать’ (б.), которые с фонологической точки зрения могут восходить к одной праформе:

8а. Центр.-чад. Buwal *rəl* ‘to scratch lightly’, *rəʒ* ‘to cut’ ~ 8б. Зап.-чад. Miya *rəʒa* ‘to write’.

9а. Центр.-чад. Mada *éʒdè* ‘érafler, égratigner, écorcher; to scratch’, *éʒèdè* ‘kind of a small thorny bush’ (производное имя)⁷ ~ 9б. Зап.-чад. Zaa *ʒyaat* ‘to write’.

10а. Вост.-чад. Jegu *dir-* ‘tätowieren; to tattoo’ ~ 10б. Toram *dirw-in* ‘écrire’⁸.

//Сем. Arabic *dry* ‘gratter’ [Biberstein-Kazimirski, 1980, vol. I, p. 694].

В этих случаях можно предположить отмирание старого значения после появления нового (‘скрести’ > ‘скрести, писать’ > ‘писать’) или неполноту описания семантики.

В чадских языках наблюдается еще один семантический сдвиг: ‘чертить линию’ > ‘украшать, раскрашивать’ > ‘писать’, см. следующие примеры.

⁶ Чад. **nʒ-* > *ʒ-* в Kera.

⁷ См. также когнаты с семантикой ‘резать’: центр.-чад. Daba *ʒda* ‘to cut’, Chuvok *méʒəʒdèy* ‘couper (légumes)’, Muyang *ʒedèy* ‘to shave edges of hair to make a level’. С помощью знака *ʒ* обозначается звонкая латеральная фрикативная фонема.

⁸ Учитывая приведенные ниже примеры, заслуживает внимания производное имя: зап. Karekare *dàa-dir* ‘painted decoration inside a calabash’.

11. Зап.-чад. (gr. ngas, northern subgr⁹.) **rVn-* ‘чертить линию, украшать’/’to make stripes, lines, to design’: Ngas *ran* ‘to write, design’, Mwaghavul *ran* ‘to draw, make stripes, write’, *ran gin* ‘describes someone with extensive tribal marking on the cheeks’ (*gin* ‘cheek’), Mupun *rān* ‘to draw, write’, Mushere *ràn* ‘to decorate, design, write’, Kofyar *ran* ‘to make a line, write’. Производные имена: Ngas *ran* ‘stripes, spots’, *nrān* ‘design, colour’, *mbii-rān* ‘writing, letter’ (*mbii* ‘thing’), Mupun *ràn* ‘pattern, design, colour’, *rānrān* ‘writing’; вост. Migama *rannyò* ‘rayer, to scratch’, Mokilko *ráàṅè* ‘*écrire*, décorer, dessiner, colorier’, *ráaṅi yá* ‘écriture’.

Производный глагол: зап. Ngizim *tà-rnú* ‘to trace line, draw line, write’.

12. Центр.-чад. **d/dVh-* ‘украшать, рисовать’/’to draw, decorate’: Bura *daha* ‘to draw, write’, *dahadaha* ‘drawings, decorations’ (производное имя), Podoko *ndíhe* ‘to mark; *écrire*’, (gr. musgu) Munjuk *díhi* ‘décorer (unealebasse), dessiner, *écrire*’ [Tourneux, 1991, p. 28], Mulwi *díhi* ‘*écrire*’ [Tourneux, 1978, p. 292]¹⁰.

См. также потенциально родственные формы:

13. Центр.-чад. Fali Kiriya *cáfó* ‘to write’ и Buwal *cāf* ‘to decorate’.

Велика вероятность того, что семантический сдвиг ‘чертить линию’ > ‘украшать, раскрашивать’ > ‘писать’ не самостоятелен, а является частью последовательности семантических изменений, описанных в примерах 1–10. Во-первых, в примере 11 при абсолютном преимуществе глаголов, совмещающих именно семантику ‘украшать’ и ‘писать’, все-таки обнаруживаются формы со значением ‘скрести’ — Migama *rannyò* ‘rayer, to scratch’ и Mwaghavul *ran gin* ‘describes someone with extensive tribal marking on the cheeks’. Во-вторых, кажется очевидным генетическое родство **d/dVh-* ‘рисовать, украшать’ (пример 12) с **dVh-* ‘высекать, (делать) насечки’ (пример 1). То же верно для еще одной пары глаголов:

14. центр.-чад. Bana *cáli* ‘décorer, dessiner, *écrire*’ и Muyang *cātāy* ‘to cut up’.

См. также сноску 7 и два случая совмещения почти полного спектра изменений в одной словоформе в вост.-чад. языках:

Kera *žèerè* ‘ritzen, verzieren, bemalen, schreiben’/’скрести, разрисовывать, украшать, **писать**’ (пример 5), Dangla (West dial.) *děcè* ‘graver, dessiner, écrire’/’скрести, разрисовывать, **писать**’.

О единообразии семантических сдвигов свидетельствуют и следующие примеры из языка Ngizim: *gǎnú* ‘to trace or scratch designs on, make tribal scars, write’ и *tàrnú* ‘to trace line, draw line, write’ (пример 11).

На основании приведенного материала можно утверждать, что глагол ‘писать’ стоит в самом конце длинной цепочки семантических изменений: (‘резать’)¹¹ > ‘скрести’/’делать насечки’ > ‘чертить линии’ > ‘разрисовывать’ > ‘писать’.

Еще один, весьма специфический семантический сдвиг обнаружен в нескольких центр.-чад. языках:

Ouldem –*pàkò* 1. ‘poser, mettre plusieurs choses sur qqch d’horizontal’ 2. ‘*écrire*’ *apako liter* ‘il écrit une lettre’.

Malgwa *púwa* ‘to put’, *láya* ‘amulet’ > *puwa laya* ‘to write’

⁹ В южной подгруппе никаких следов этой лексемы нет, а ввиду близости семантики во всех языках северной подгруппы нельзя полностью исключить заимствование (не отмеченное ни в одном из словарей).

¹⁰ Такое различие в описании семантики одного и того же глагола в двух близкородственных языках (Munjuk и Mulwi) объясняется жанром соответствующих работ. В первом случае — это грамматика и полноценный (с лексикографической точки зрения) словарь, во втором — статья о морфологии глагола.

¹¹ Исходным значением в примерах 7 и 11 является ‘скрести, делать насечки’.

Podoko *pa* ‘to put’ > *pi-la pe* ‘write it’¹². Т.е., в Podoko произошел семантический сдвиг: ‘put it’ > ‘write it’.

Удивительно, но типологическая параллель есть в русском языке, а именно: «Класть / положить на бумагу» = ‘записывать’ (разговорное, устаревшее)» [Федоров, 2008]¹³.

Как уже было сказано, глагол ‘писать’ появился также и в результате заимствования. Заимствованная лексика в чадских языках всегда интересовала ученых, на сегодняшний день существует обширная литература по этой теме, а также традиция отмечать заимствования в словарях (с указанием языка-донора). В нашем случае заимствования проникли в чадские языки из арабского языка, фульфульде (нигеро-конголезская семья) и канури (нило-сахарская семья, центр.-сахарская группа).

15. Арабский глагол *ktb* ‘**écrire**’ был заимствован языками группы дангла-муби (вост. ветвь), а именно: Bidiya *kátàb*, Dangla *kitpiyē*, Migama *kitipiyo*, Birgit *kèttéba*, Mubi *kàttàbá*. Производная форма: Mokillo *kàtìp* ‘écriture’.

16. Глагол *windugo* ‘to write’ (язык фульфульде) заимствован центр.-чадскими языками: Glavda *vind*, Hdi *vinday*, Lamang *vinda*, Mafa *vend-*, Mofu *-wiynd-*.

17. Из языка канури (нило-сахарская семья) в чадские языки был заимствован не собственно глагол ‘писать’ (*rəbo-nin* ‘ich schreibe; я пишу’), а отглагольное имя с суффикса *-tə* — *rəbotə* ‘Schreibung, writing, писание’ [Lukas, 1939, p. 125]. В двух языках группы котоко сохраняется исходная грамматическая категория заимствованной словоформы (отглагольное имя): Afade *oharbotu* < **o/u han rbotu* ‘ich mache Schreiben’/‘I make writing’ [Sölken, 1967, p. 324]. Makari *hin ribiti* ‘to write’ (дословно ‘делать писание’, *hin* ‘делать’) [Allison 2003, p. 22]¹⁴. См. в языке той же группы: Buduma *rebode* ‘to write’ [Lukas, 1939, p. 125]. Все авторы помечают соответствующие словоформы как заимствования из канури. Такое же заимствование есть и в языке хауса, а именно: *Rùbiutu*¹⁵ ‘writing’ (> *Rùbiutaa* ‘to write’).

Доказательства того, что именно канури является языком-донором для хауса, в контексте теории и практики выявления заимствований представлены в статье Дж. Гринберга [Greenberg, 1960]. Главным аргументом, указывающим на направление заимствования, автор считает наличие в канури регулярного способа образования отглагольных имен с помощью суффикса *-tə* и отсутствие такой модели в хауса¹⁶. Этот вывод находит подтверждение и на фонологическом уровне — в хауса вибрант (*R*) в начальной позиции характерен для заимствований, в отличие от одноударного *r* (‘flapped *r*’) в исконной лексике. Кроме того, Гринберг полагает, что глагол ‘писать’ в языке канури восходит к прото-центр.-сахарскому уровню¹⁷, поскольку у него есть когнаты в близкородственных языках теда и даза, а именно — *arbu* ‘to draw’¹⁸. Он также

¹² К сожалению, в словаре нет комментария к этой неординарной конструкции, которая регулярна для глаголов в языке Podoko. См. аналогичные примеры: *kafa* ‘to pay’ > *kefa-la kefe* ‘pay it’, *nde* ‘to swallow’ > *ndi-la nde* ‘swallow it’ и мн. др.

¹³ Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Fedorov A. I. Phraseological dictionary of the Russian literary language (in Russian)]. URL: [rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary /index.htm](http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm). 2008 (дата обращения: 03.06.2022).

¹⁴ Allison S. Makari Kotoko Provisional Lexicon. URL : <https://www.kotokoresources.net/fr/makari/lexique-provisoire> (дата обращения: 03.06.2022).

¹⁵ Заглавной буквой обозначен вибрант (rolled *r*).

¹⁶ «The suffix *-tə* in Kanuri is a regular method of forming verbal nouns from verb roots. There is no such grammatical formative in Hausa» [Greenberg, 1960, p. 209].

¹⁷ и, следовательно, не может быть заимствованием.

¹⁸ «the age of the verb ‘to write’ in Kanuri is guaranteed by the existence of a verb *arbu* ‘to draw’ in Teda and Daza» [Greenberg, 1960, p. 210].

приводит пример аналогичного семантического сдвига: «Anglo-Saxon ‘write’ originally ‘to scratch’» [Greenberg, 1960, p. 210].

Уже из хауса глагол ‘писать’ попал еще в несколько чадских языков: Kupto *rùbùtéy*, Ngamo *rùbàatá* Wolewa *rùbùutu*, Bura *rubuta* (этот факт отмечен в соответствующих словарях).

Несмотря на безупречную аргументацию Дж. Гринберга и корреляцию его вывода о языке-доноре для хауса с данными из языков группы котоко, существует гипотеза о том, что глагол ‘писать’ и в чадских языках, и в канури — это заимствование из берберских языков¹⁹.

На основе приведенного выше лексического материала можно сделать вывод о том, что глагол ‘писать’ (за исключением нескольких заимствований) появился в чадских языках в результате цепочки семантических изменений. Начальным звеном этой цепочки был глагол ‘резать’ (реже — ‘скрести’). Оба эти глаголы обладают высокой частотностью в афразийских языках, чем и объясняется фонологическое своеобразие лексики со значением ‘писать’²⁰ в чадских языках. С типологической точки зрения примеры аналогичных семантических изменений можно найти в других языковых семьях — нило-сахарской и индо-европейской (это верно и для обнаруженного в нескольких чадских языках семантического сдвига ‘положить’ > ‘написать’).

Установленные внешние параллели к приведенным выше чадским этимологиям показывают исходную семантику ‘резать’ или ‘скрести’. Единственное исключение — это Куш. *Dahalo bil-* ‘to decorate’ (пример 4). Иначе говоря, последнее семантическое изменение — от ‘разукрашивать’ к ‘писать’ — произошло уже в чадских языках и чаще всего — не на уровне групп или подгрупп, а в отдельных языках. Это подтверждают, в частности, данные языков Masa и Musey, которые входят в северную подгруппу группы маса центральной ветви чадской семьи²¹. Более дробного деления в этой подгруппе нет. Тем не менее глагол ‘писать’ в этих двух языках появился в результате изменения семантики разных глаголов — центр.-чад. **dVh-* и чад. **bVHVr-* соответственно (см. примеры 1 и 3).

Разумеется, все сделанные выводы отражают современное состояние лексикографического описания чадских языков. Нельзя исключить, что в случае прогресса в этой области исследования выяснится, что глагол ‘писать’ мог возникнуть и в результате каких-то иных семантических изменений.

Сокращения

вост.— восточный	сем.— семитский
зап.— западный	центр.— центральный
куш.— кушитский	чад.— чадский
dial.— dialect	gr.— group

Литература/References

Милитарев А. Ю. Этимология и лексическая реконструкция для древней и древнейшей истории ближневосточно-северноафриканско-средиземноморского ареала. // *Вопросы языкового родства*. 2019. № 17 (3). С. 246–262 [Militarev A. Ju. Etymology and Lexical Reconstruction for ancient and the oldest history of the middle eastern-north african-mediterranean area. *Journal of Language Relationship*. 2019. No. 17 (3). Pp. 246–262 (in Russian)].

¹⁹ см.: [Милитарев, 2019, pp. 249–250; Wölfel, 1965, p. 511].

²⁰ За рамками статьи осталось еще несколько глаголов, среди них: Buwal *ñìèr* ‘to write, draw’, Zulgo *wétsé*, Tumak *n-žàŋ* ‘to write’.

²¹ см.: [Shryock, 1977, p. 32].

- Biberstein Kazimirski A. De. *Dictionnaire arabe-français*. Paris, 1860.
- Ehret Ch. *The historical reconstruction of Southern Cushitic phonology and vocabulary*. Berlin, 1980.
- Ehret Ch., Elderkin E., Nurse D. Dahalo Lexis and its Sources. *Afrikanistische Arbeitspapiere*. 1989. 18. Pp. 5–49.
- Greenberg, J. H. Linguistic evidence for the influence of the Kanuri on the Hausa. *Journal of African History*. 1960. No. 1 (2). Pp. 205–212.
- Kiessling R., Mous M. *The Lexical Reconstruction of West-Rift Southern Cushitic*. Köln, 2003.
- Kiessling R., Mous M., Qorro M. *Iraqw-English Dictionary*. Köln, 2002.
- Lukas J. *Die Sprache der Buduma im Zentralen Sudan*. Leipzig, 1939.
- Olmo Lete G. del, Sanmartín J. *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition*. Vol. 1. Leiden/Boston, 2015.
- Shryock A. The classification of the Masa group of languages. *Studies in African Linguistics*. 1977. 26 (1). Pp. 39–59.
- Sölken H. *Seetzens Affadéh*. Berlin, 1967.
- Tourneux H. Racine verbale en Mulwi. Caprile J. P., Jungraithmayr H. (eds.). *Préalables à la reconstruction du proto-tchadique*. Paris, 1978. Pp. 203–208.
- Tourneux H., Patan H. *Lexique pratique du Munjuk des rizières: dialecte de Pouss*. Paris, 1991.
- Wölfel D. J. *Monumenta linguae canariae*. Graz, 1965.

Электронный ресурсы /Electronic sources

- Столбова О. В. *Лексическая база данных по чадским языкам. Выпуск VI. Chadic Lexical Database. Issue VI*. URL: <https://book.ivran.ru/book?id=5106&from=1129> (дата обращения: 03.06.2022).
- Федоров А. И. *Фразеологический словарь русского литературного языка*. [Fedorov A. I. *Phraseological dictionary of the Russian literary language* (in Russian)]. URL: [rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary /index.htm](http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm). 2008 (дата обращения: 03.06.2022).
- Allison, S. Makari Kotoko Provisional Lexicon. URL: <https://www.kotokoresources.net/fr/makari/lexique-provisoire> (дата обращения: 03.06.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-085-091

ФОРМУЛЫ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧАХ АРАБСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ И В АРАБСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ*

© 2022

О. А. Банцера¹

Формулы вежливости в арабском языке — довольно распространенное явление. Их можно найти в литературе, речах различных деятелей, заявлениях и публикациях. Чаще всего они использовались и продолжают использоваться в арабской средневековой поэзии и в речах арабских политических деятелей. Арабская средневековая поэзия в качестве объекта исследования была выбрана неслучайно, так как именно в ней данные формулы наиболее заметны. Они используются как особая форма или даже формула речи, которая призывает слушателя или читателя обратить внимание на что-то или же таким образом выразить особое уважение к объекту или, чаще всего, субъекту, по отношению к которому эта формула вежливости используется. В речах политиков подобные формулы часто можно встретить в начале речи, когда говорящий приветствует публику, слушателей, организатора встречи, когда само приветствие, содержащее формулы вежливости, достаточно длинное. То же самое можно заметить и в арабской средневековой поэзии. Иногда компонент обращения превращается в некоторую формулу вежливости и расхваливания субъекта или объекта. Что характерно, в речах современных арабских политиков религиозной составляющей гораздо больше, нежели в арабской средневековой поэзии. Это связано с тем, что примеры поэзии, в которых наиболее видны эти формулы вежливости, создавались до активного распространения ислама на Аравийском полуострове. В данной статье будет рассмотрено использование подобных формул в речах арабских политических деятелей и в арабской средневековой поэзии и сделан вывод об употреблении данных конструкций и их вариативности в поэзии и речах.

Ключевые слова: формулы вежливости, средневековая арабская поэзия, Имруулькайс, политические деятели

Для цитирования: Банцера О. А. Формулы вежливости в речах арабских политических деятелей и в арабской средневековой поэзии. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 85–91. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-085-091

POLITENESS FORMULAS IN THE SPEECHES OF ARAB POLITICAL FIGURES AND ARABIC MEDIEVAL POETRY

Olga A. Bantserova

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00429) в Институте языкознания РАН.

¹ Банцера Ольга Аркадьевна, студентка 1 курса магистратуры Института стран Азии и Африки МГУ им. Ломоносова; oll.b-a@yandex.ru

Olga Arkadievna Bantserova, student of the 1st year master's degree of the Institute of Asian and African countries, Moscow State University; oll.b-a@yandex.ru.

ORCID: 0000–0003–3234–1515

Politeness formulas in Arabic are quite common. They can be found in literature, speeches by various figures, statements, and publications. Most often these were used and continue to be used in Arabic medieval poetry and in the speeches of Arab political figures. Arabic medieval poetry was not chosen by chance as an object of study, since it is in it that these formulas are most noticeable. They are used as a special form or even formula of speech that calls on the listener or reader to pay attention to something, or in this way express special respect for the object or, most often, the subject, in relation to which this formula of courtesy is used. In the speeches of politicians, such formulas can often be found at the beginning of a speech, when the speaker greets the public, listeners, the organizer of the meeting, when the greeting itself, containing politeness formulas, is quite long. The same can be seen in the Arabic medieval poetry. Sometimes the component of the appeal turns into some formula of politeness and praise of the subject or object. Characteristically, in the speeches of modern Arab politicians there is much more religious component than in medieval Arabic poetry. This is since examples of poetry in which these formulas of politeness are most visible were created before the active spread of Islam in the Arabian Peninsula. This article will consider the use of such formulas in the speeches of Arab politicians and in Arabic medieval poetry, and a conclusion is made about the use of these constructions and their variability in poetry and speeches.

Key words: politeness formulas, medieval Arabic poetry, Imru' Al-Qais, politicians

For citation: Bantserova O. A. Politeness Formulas in the Speeches of Arab Political Leaders and Arabic Medieval Poetry. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 3. Pp. 85–91. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-085-091

В поэзии и речах различных политических деятелей можно найти формулы вежливости. Они используются для привлечения внимания слушателей к объекту обращения или для подчеркивания особой важности объекта или субъекта как для самого говорящего или лирического героя, так и для слушателя. Чтобы исследовать то, как используются формулы вежливости, важно рассмотреть речи различных политических деятелей XX–XXI вв., а также средневековую арабскую поэзию, так как там они употребляются наиболее часто. В средневековой арабской поэзии формы вежливости — это некоторый словесный «реверанс» в сторону человека или предмета, по отношению к которому эта форма вежливости используется.

Что же касается форм вежливости в арабской поэзии, то самыми распространенными можно считать несколько — название по имени или же обращение с частицей *يا* (يا), которая чаще всего опускается при переводе, но напоминанием о ней остается существительное в винительном падеже «Друзья, мимо дома прекрасной Умм Джундаб...» Имруулькайса².

خَلِيلِي مُرَّابِي عَلَى أُمِّ جُنْدَبِ
 نُقِصُّ لُبَانَاتِ الْفُؤَادِ الْمُعَدَّبِ
 فَإِنَّكُمَا إِن تَنْظِرَانِي سَاعَةً
 مِنْ الدَّهْرِ تَنْفَعَنِي لَدَى أُمِّ جُنْدَبِ³

Друзья, мимо дома прекрасной Умм Джундаб пройдем,
 Молю — уголите страдание в сердце моем.

Ну, сделайте милость, немного меня обождите,
 И час проведу я с прекрасной Умм Джундаб в воем

[Арабская поэзия средних веков, 1975, с. 11, перевод А. Ревича].

² Имруулькайс (Имру' аль-Кайс) — арабский поэт VI в., автор «Муаллаков», одного из самых известных произведений доисламской эпохи.

³ Imru' al-Qais' poetry. URL: <https://al-maktaba.org/book/5449/14> (дата обращения: 21.12.2021).

Также одной из самых распространенных форм вежливости в арабской поэзии является многократное повторение действительного причастия в начале строки:

أَبَاعَتْ كُلُّ مَكْرُمَةٍ طُمُوْحٍ
 وَفَارِسٍ كُلِّ سَلْهَبَةٍ سَبُوْحٍ
 وَطَاعِنَ كُلِّ نَجْلَاءٍ غَمُوْسٍ
 وَعَاصِيَّ كُلِّ عَدَّالٍ نَصِيْحٍ
 سَقَانِي اللّٰهَ قَبْلَ الْمَوْتِ يَوْمًا
 دَمَ الْأَعْدَاءِ مِنْ جَوْفِ الْجُرُوْحِ

В этом стихотворении мы видим, во-первых, употребление частицы ^أ в начале первой строки, во-вторых, все действительные причастия от глаголов بعث (посылать, отправлять), فرس (рассматривать, наблюдать), طعن (пронзать, порочить), عصى (бунтовать) употреблены в винительном падеже, то есть подразумевается влияние какой-либо именной частицы. Можно предположить, что это влияние либо частицы ^أ, либо же неиспользованной здесь звательной частицы (يا) أيها. Интересно отметить, что обращения в арабской поэзии, как показано на примерах выше, к субъекту или субъектам по их количеству, то есть если автор обращается к группе людей, например, как в ранее упоминавшемся стихотворении «Друзья, мимо дома прекрасной Умм Джундаб...», друзьям, то в обращении он не будет их маркировать множественным числом. Любопытен также тот факт, что иногда автор мог причислять себя к тем, к кому он обращается, как, например, это видно из ранее упомянутого стихотворения. В таком случае, если обращение выражается глаголом, используется 1-е лицо множественного числа, то есть форма «мы», которая подразумевает множество, куда включен и сам автор. А архаичные формы «он делал» или «они делали» встречаются чаще всего в Коране и в религиозных средневековых текстах, однако их можно найти и в речах политиков.

Также стоит отметить, что формулы вежливости в виде обращения довольно распространены в Коране, и самое частое обращение — обращение к Богу. В качестве примера для рассмотрения можно взять первую суру Корана — Фатиху (Открывающую) (в пер. Кулиева). Во втором аяте данной суры

الْحَمْدُ لِلَّهِ رَبِّ الْعَالَمِينَ

«Хвала Аллаху, Господу миров»

можно заметить обращение к Богу в третьем лице единственного числа, а вот уже в пятом аяте той же суры

إِيَّاكَ نَعْبُدُ وَإِيَّاكَ نَسْتَعِينُ

«Мы предаемся лишь тебе, и тебе о помощи взываем»

обращение к Богу идет через специальную звательную частицу с присоединением к ней слитного местоимения единственного числа мужского рода. На примере суры Открывающей видно,

что в Коране употребительными формулами вежливости, то есть обращениями, являются воззвания как во втором, так и в третьем лице. Также стоит сказать про особые формулы в самом Коране, например, тасмия или *бисмила* (*бисмала*) «Во Имя Аллаха Милостивого Милосердного», которая встречается в начале каждой суры. Стоит отметить, что воззвания в третьем лице — это некоторое нововведение, которое появилось в Коране, потому что до этого обращения были напрямую к субъекту или же объекту, которые выражались, например, повелительным наклоном, винительным падежом или же специальными звательными частицами.

Большинство речей арабских политических и религиозных деятелей строятся примерно по одной структуре и с похожими формулами вежливости, которые являются смешением коранических и поэзийных форм вежливости. Таким образом, во-первых, сохраняются эти самые формулы вежливости, существовавшие ещё в докораническую эпоху, во-вторых, политические деятели подчеркивают свою приверженность традициям, исламу и арабской идентичности. Что касается религиозных формул, то они чаще всего употребляются публичными людьми, чья позиция непосредственно связана с религиозным титулом, например, руководителя хуситов. В самом начале может идти *тасмия*. Подобное начало чаще всего встречается у людей, которые «возглавляют» государство или структуру, где религия тесно переплетена с государственными институтами. Так, например, все без исключения выступления и речи короля Саудовской Аравии всегда начинаются с *тасмии*, так как в его титулатуре имеется титул Хранителя двух Святынь, то есть он является одним из главных и самых уважаемых людей не только в арабском, но и в мусульманском мире. В качестве другого примера можно привести одну из речей Абд аль-Малика ибн Бадр ад-Дина аль-Хуси, который на данный момент является лидером хуситского движения в Йемене. Так как идеология хуситов частично построена на зейдизме⁴, обращение к Аллаху в начале речи является обязательным. Это подтверждает Божью волю и помощь Всевышнего в делах хуситов.

Далее, если это текст религиозного деятеля, может идти шахада, аят из Корана или любое другое воззвание к Аллаху и пророку Мухаммаду (Благословит его Аллах и приветствует):

- Речь короля Саудовской Аравии по случаю праздника Ид аль-Адха⁵

الحمد لله العلي القدير القائل في محكم التنزيل «وَلِلَّهِ عَلَى النَّاسِ حِجُّ الْبَيْتِ مَنِ اسْتَطَاعَ إِلَيْهِ سَبِيلًا

Слава Аллаху Всевышнему Вседержителю, сказавшему ясно в ниспослании «Люди обязаны перед Аллахом совершить хадж к Дому (Каабе), если они способны проделать этот путь» [Сура 3, Аят 97 Аль Имран (Род Имран)].

- Речь г-на Абд аль-Малика Бадр ад-Дина аль-Хуси по случаю шестой годовщины Национального дня противодействия агрессии, 2021–1442 г. по хиджре)

اللَّهُمَّ صَلِّ عَلَى مُحَمَّدٍ وَعَلَى آلِ مُحَمَّدٍ، وَبَارِكْ عَلَى مُحَمَّدٍ وَعَلَى آلِ مُحَمَّدٍ، كَمَا صَلَّيْتَ وَبَارَكْتَ عَلَى إِبْرَاهِيمَ وَعَلَى آلِ إِبْرَاهِيمَ إِنَّكَ حَمِيدٌ مَجِيدٌ، وَارْضَ اللَّهُمَّ بِرِضَاكَ عَنْ أَصْحَابِهِ الْأَخْيَارِ الْمُنْتَجِبِينَ، وَعَنْ سَائِرِ عِبَادِكَ الصَّالِحِينَ

⁴ Зейдизм — религиозно-политическое течение, возникшее в шиизме в 730-е гг.; Зейд ибн Али Зейн-аль-Абидин ибн аль-Хусейн ибн Али ибн Аби Талиб (695–740 гг.) — правнук Али ибн Аби Талиба, последнего праведного халифа, и Фатимы, дочери Пророка. Возглавил безуспешное восстание против Омейядского халифата, в котором погиб. Считается родоначальником зейдитского течения в шиитском исламе.

⁵ Перевод речей выполнен автором статьи.

«О Аллах, благослови Мухаммада и род Его так же, как ты молился и благословил Авраама и род Его. Ты славен и милосерден, будь ты доволен, Господь, властелинами лучшими и избранными...»

Далее идет обращение к присутствующим. Если это выступление на международной арене, то сначала принято обращаться к председателю сессии.

- Речь Махмуда Аббаса на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 24 июля 2012 г.:

سعادة السيد عبد الله شهيد، رئيس الجمعية العامة،
معالي السيد أنطونيو غوتيريش، الأمين العام للأمم المتحدة،

«Его Превосходительство г-н Абдулла Шахид, Председатель Генеральной Ассамблеи, Ваше Превосходительство г-н Антониу Гутерриш, Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций...»

Если же это речь по случаю встречи с политиком или другим чиновником, то в речи обращаются напрямую к нему.

- Выступление президента ас-Сиси во время совместной пресс-конференции с Эммануэлем Макроном в Елисейском дворце:

فخامة الرئيس والصدیق العزیز / إیمانویل ماکرون
رئيس الجمهورية الفرنسية،

«Его превосходительство президент и дорогой друг Эммануэль Макрон, Президент Французской Республики...»

Обращение к общей аудитории несколько отличается. Чаще всего это обращение ко всем присутствующим как к братьям и сестрам. Подобное встречается в речах по случаю крупных государственных и религиозных праздников, во время, когда существует необходимость максимального сплочения нации (например, в случае войны) или в инаугурационных речах

- Выступление г-на Абд аль-Малика Бадр ад-Дина аль-Хуси по случаю шестой годовщины Национального дня противодействия агрессии, 2021–1442 г.:

أئها الإخوة والأخوات

«Братья и сестры!...» (обращение к другим мусульманам, братьям и сестрам по вере)

- Речь короля Саудовской Аравии на открытии седьмой сессии Маджлис ап-Шуры (консультативный совет)

Аналогичная форма

- Речь короля Саудовской Аравии по случаю праздника Ид аль-Адха

إخواني وأخواتي حجاج بيت الله الحرام

«Мои братья и сестры — паломники в дом Божий...»

- Выступление Хафиза Асада в связи с Войной Судного дня:

أئها الأخوة المواطنون

«Дорогие сограждане!...»

- Инаугурационная речь Башара Асада в июле 2021 г.

السيدات والسادة أعضاء مجلس الشعب الأكارم

«Дамы и господа, уважаемые члены народного собрания!..»

Далее обязательно идет абзац, где говорящий сообщает о своем глубоком уважении и почтении к тем, к кому он ранее обратился. Эта часть речи может содержать разные по лексике, но одинаковые по смыслу фразы по типу «выражаю свою признательность за приглашение\организацию\доброту», «искренне благодарю за любезное приглашение», в ней воздаются почести военным, а также выдающимся деятелям, которых говорящий ранее выделил.

В речи говорящего также обязательно будет присутствовать упоминание Аллаха в различных коннотациях. Например, это может быть уже устоявшееся «Ин ша Алла», что означает подтверждения намерений говорящего в ближайшем будущем, «Да будет на то воля Всевышнего\Аллаха», «Да пребудет с нами Аллах», «Ибо Аллах\Всевышний дарует победу тому, кто был прав и защищал свое право», «Это только милость Всевышнего», «Милость Божья». Чем более религиозен говорящий и чем более широкий круг людей он хочет охватить своей речью, тем чаще будут встречаться выражения и устойчивые сочетания, в которых фигурирует Всевышний. Однако в речах, которые направлены в адрес европейских партнеров, как например, президента Франции Макрона, Всевышний вообще фигурировать не будет.

Заканчиваются речи чаще всего одинаково — вариацией выражения

السلام عليكم ورحمة الله وبركاته

«Мир вам и милость Аллаха и Его благословение».

Таким образом, можно сделать вывод, что самая популярная формула вежливости в арабской поэзии — это использование звательной частицы либо же винительного падежа как выражение особого уважения или почтения к объекту речи. То же самое можно сказать и про речи политиков, однако в них мы можем увидеть большую религиозную составляющую. В арабской средневековой поэзии и в речах формулы вежливости, как уже говорилось ранее, являются своеобразным словесным реверансом в сторону объекта или человека. В этом есть схожесть в употреблении формул вежливости. Так, обращения и особые формулы вежливости чаще всего маркируются винительным падежом после особых коллокаций (например, в речи г-на Абд аль-Малика Бадр ад-Дина аль-Хуси по случаю шестой годовщины Национального дня противодействия агрессии, 2021–1442 г.). Это же можно заметить и в стихотворении «Друзья, мимо дома прекрасной Умм Джундаб...» По моему мнению, данная особенность может быть объяснена тем, что витиеватость речи и длинные формулы вежливости, то есть чаще всего обращения, существовали еще в обществе времен *джахилии*, а именно до распространения ислама в VII в. Иногда это могли быть простые обращения, но чаще всего это обращение с целью закрепления внимания на объекте или субъекте и с побуждением что-то сделать по отношению к нему или «пронаблюдать», например, красоту, если речь идет о девушке. Различные религиозные формулы, которые появились во время формирования Праведного халифата⁶, постепенно закрепились в речи и стали довольно употребительны в различного рода источниках, в том числе и речах политиков. В них подобная витиеватость является отражением норм вежливости, то есть подобные словесные «раскланивания» отчасти отражают культурный код и отдают дань прошлому. Что же касается

⁶ Праведный Халифат — государство, созданное после смерти пророка Мухаммада в 632 г.

религиозных формул, то тут необходимо отметить, что их употребление зависит от должности самого говорящего (например, позиция лидера хуситов обязывает к употреблению витиеватых религиозных формул), а также от того, какой аудитории подобные формулы он адресует.

Литература / References

النص الكامل لخطاب القسم للرئيس السوري بشار الأسد

Речь президента Сирии Башара аль-Асада во время инаугурации 2021 г. [The full text of the swearing-in of Syrian President Bashar al-Assad].

خطاب القائد خالد حافظ الأسد في حرب تشرين

Речь бессмертного лидера Хафиза аль-Асада в Войне Судного дня 1973 г. [Speech of the immortal leader Hafez al-Assad in the October war].

الكلمة الختامية للمهندس/ محمد الغانم

رئيس المؤتمر العالمي للاتصالات الدولية لعام ٢٠١٢

Заключительное слово инженера Мохамеда Аль-Ганима, председателя Всемирной конференции по электросвязи 2012 г. [The closing speech of Eng. Mohamed Al-Ghanim, President of the World Conference on International Telecommunications 2012].

خطاب الرئيس محمود عباس أمام الدورة الـ 67 للجمعية العامة للأمم المتحدة

Речь Махмуда Аббаса на 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [President Mahmoud Abbas' speech on the 67th session of the United Nations General Assembly].

خطاب أحمد الشقيري، رئيس وفد فلسطين أمام اللجنة السياسية الخاصة التابعة للأمم المتحدة

Выступление главы делегации Палестины Ахмеда аш-Шакири в Специальном политическом комитете Организации Объединенных Наций 1963 г.

[Speech of Ahmed Al Shugairi, head of the Palestine delegation, before the United Nations Special Political Committee].

كلمة الرئيس السيسي في المؤتمر الصحفي المشترك مع ماكرون بقصر الإليزيه

Выступление президента Ас-Сиси на совместной пресс-конференции с Макроном в Елисейском дворце 2020 г. [President Sisi's speech at the joint press conference with Macron at the Elysee Palace].

كلمة السيد عبدالمالك بدر الدين الحوثي في الذكرى السادسة لليوم الوطني للصمود بوجه العدوان ٢٠٢١-٢٠٢٢هـ

Речь Абд аль-Малика Бадра ад-Дина аль-Хуси по случаю шестой годовщины Национального дня противодействия агрессии, 2021–1442 г.) [Speech of Mr. Abdul-Malik Badr Al-Din Al-Houthi on the sixth anniversary of the National Day of Resilience in the Face of Aggression 2021–1442 AH].

كلمة خادم الحرمين الشريفين الملك سلمان بن عبدالعزيز آل سعود - حفظه الله - المختصرة في افتتاح أعمال السنة الثالثة من الدورة السابعة لمجلس الشورى

Речь короля Саудовской Аравии на открытии седьмой сессии Маджлис аш-Шуры
[Custodian of the Two Holy Mosques King Salman bin Abdulaziz Al Saud — may God protect him — brief speech at the opening of the work of the third year of the seventh session of the Shura Council].

كلمة الملك سلمان للحجاج والمرابطين والمقيمين والمسلمين في عيد الأضحى

Речь короля Саудовской Аравии по случаю праздника Ид аль-Адха, июль 2021 г. [King Salman's speech to pilgrims, Almoravids, residents, and Muslims on Eid Al-Adha].

Арабская поэзия средних веков [Текст]: Пер. с араб. / [Вступ. статья К. Яшена]: [Сост., послесл. и примеч. И. Фильштинского]. М: Худож. лит., 1975.

Электронные источники / Electronical sources

Imru' al-Qais' poetry. URL: <https://al-maktaba.org/book/5449/14> (дата обращения: 21.12.2021).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-092-097

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ КОМПАНИЙ ЯПОНИИ В XX СТОЛЕТИИ

© 2022

И. Ю. Авдаков¹

Первая железная дорога Японии начала функционировать в 1872 г. К концу XIX в. основные железнодорожные линии были построены и находились в собственности государства и частных компаний. Милитаризация экономики Японии привела к тому, что в 1906–1907 гг. собственность большинства частных железнодорожных компаний была национализирована. Сфера деятельности оставшихся частных компаний крупных городов была ограничена территорией города и пригородами. Борьба за выживание в условиях значительных ограничений привела эти компании к необходимости увеличения пассажирооборота. В этих целях они строили жилые кварталы и университеты в конце пригородных линий, крупные магазины, отели, рестораны в центре города на землях компании. Создавалось много учреждений культурного и спортивного назначения: театров, картинных галерей, музеев, парков отдыха, спортплощадок, тренировочных залов, стадионов. В результате к концу XX столетия деятельность некоторых крупных частных компаний настолько диверсифицировалась, что их уже трудно назвать чисто железнодорожными. Функции этих компаний, связанные с перевозками пассажиров, являются лишь видимой частью самой разнообразной побочной деятельности, которую ведут не столько материнские компании, сколько их филиалы и дочерние компании. Что касается государственных железных дорог, то первые серьезные попытки расширить их социально-экономическую и культурную деятельность относятся к концу 1960-х — началу 1970-х годов, когда законодательство было пересмотрено в сторону частичного снятия ограничений для «побочных» видов деятельности. Но только с приватизацией государственной корпорации «Кокутэцу» в 1986 г. культурная и социально-экономическая деятельность железнодорожных компаний получила полный размах. Частные и приватизированные компании дополняют государство в развитии культуры, спорта, туризма, экономики и быта японского общества. Обнаружилась взаимная заинтересованность железнодорожных компаний и государства в социально-экономическом и культурном развитии страны.

Ключевые слова: Япония, железные дороги, диверсификация, приватизация, культурная деятельность, туризм

Для цитирования: Авдаков И. Ю. Социально-экономическая и культурная деятельность железнодорожных компаний Японии в XX столетии. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 92–97. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-092-097

¹ Авдаков Игорь Юрьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; avdakovigor@yandex.ru
Igor Yu. Avdakov, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; avdakovigor@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3403-3479

SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL ACTIVITIES OF RAILWAY COMPANIES IN JAPAN IN THE XX CENTURY

Igor Yu. Avdakov

The first Japanese railway began to operate in 1872. The main railway lines were built by the end of the 19-th century. They were state-owned and private-owned companies. Militarization of Japanese economy led to the fact that property of the most private companies was nationalized. The scope of activities of remaining private companies in Tokyo, Osaka, Nagoya was limited to the cities and suburbs. The struggle to survive in the face of significant restrictions has led these companies to the need to increase passenger traffic. For this they built residential areas and universities, large stores, hotels, restaurants on company lands. Many cultural and sports institutions were created: theatres, picture galleries, museums, recreation and amusement parks, sport facilities. As a result by the end of the XX century the activities of private companies diversified so much that they can hardly be called railway companies. The functions of these companies related to the transportation of passengers are only a visible part divers activities that are carried out not so much by parent companies as by their branches and subsidiaries. Government railways expanded their socioeconomic and cultural activities in the late 1960-th — early 1970-th, when legislation was revised towards the partial removal of restrictions for side activities. But only since privatization «Kokutetsu» in 1986 socioeconomic and cultural activity has gained full scope. Private and privatized companies complement the state in the development of culture, tourism, economy and life of Japanese society. The mutual interest of railway companies and the state in cultural and socio-economic development is revealed.

Keywords: Japan, railways, diversification, privatization, cultural activity, tourism

For citation: Avdakov I. Yu. Socio-economic and cultural activities of railway companies in Japan in the XX century. Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2022. 3. Pp. 92–97. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-092-097

Первая железная дорога Страны восходящего солнца была построена по инициативе японского правительства в 1872 г. Основные линии, введенные в строй к концу XIX в., возводились как государством, так и частными компаниями. К 1905 г. общая протяженность частных железных дорог более чем в 2 раза превышала протяженность государственных железных дорог (соответственно 5321 и 2562 км). Милитаризация экономики Японии привела к тому, что в 1906–1907 гг. собственность большинства частных железнодорожных компаний была национализирована. Железнодорожные линии 17 частных компаний (4524 км) были огосударствлены и присоединены к сети дорог общенационального значения [Eiichi Aoki et al., 2000, p. 42]. Сфера деятельности оставшихся частных железнодорожных компаний в Токио, Осаке, Нагои и некоторых других крупных городах, а также вновь возникающих компаний была ограничена городами и пригородами.

С начала XX в. частные железнодорожные компании, чтобы выжить, пошли по необычному, рискованному пути, который в итоге принес им большой финансовый успех, а стране — быстрое экономическое освоение пригородных территорий. Они приступили к созданию условий для постоянной и временной миграции жителей в районы расположения их железнодорожных линий и особенно конечных станций. Таким образом увеличилось число потенциальных пассажиров. Появились крупные по тем временам культурные и развлекательные центры, торговые улицы и кварталы, рестораны, гостиницы, а главное, строились крупные жилые комплексы. Быт японцев в этих районах постепенно налаживался. Хорошие условия имелись и для приезжающих отдохнуть и культурно развлечься.

Первой диверсифицировала свою деятельность компания «Хансин», соединившая в 1905 г. города Осака и Кобе протяженной трамвайной линией. Чтобы привлечь пассажиров и увеличить пассажирооборот, компания приступила к социально-культурному и экономическому освоению близлежащих площадей. Вдоль линии были построены аттракционы, игровые площадки, спортивные сооружения. Компания стала сдавать внаем построенные на ее землях жилые дома и строить универсальные магазины на конечных станциях. Уже к 20-м годам «Хансин» настолько диверсифицировала свою деятельность, что превратилась в многоотраслевую крупную компанию, сыгравшую большую роль в экономическом и культурном развитии пригородов Осаки.

Вслед за «Хансин» другая железнодорожная компания «Ханкю» (г. Осака) расширила свою деятельность за пределы транспортных перевозок. Проведя электрифицированную железную дорогу между Осакой и Такарадзукой, она начала развивать прилегающие к железнодорожной линии территории, создавать хорошие условия для проживания людей, широко рекламировать населению выгоды проживания в этом районе. В результате компания не только не потерпела финансовый крах, на грани которого она находилась прежде, но добилась невиданных результатов, несмотря на временные трудности. По мере развития близлежащих территорий возник целый небольшой город, названный «Ханкю Плейн». Именно «Ханкю» создала в Такарадзуке первый японский женский театр, который необычайно популярен в Японии и в наши дни. [Isao Ogawa, 1998, 10, p. 32].

Компанией «Ханкю» был создан особо крупный жилой комплекс около станции Икэда в районе Муромати (пригород Осаки). Жилой квартал состоял из двухэтажных домов (площадь основания которых варьировала от 65 до 100 кв. м) со всеми удобствами европейского уровня и озелененными улицами. Строительный проект Муромати стал прототипом строительства пригородных кварталов и в наше время. Всего с 1910 до 1955 г. компания реализовала около 100 крупных жилищных проектов. [Eiichi Aoki et al., 2000, p. 91–93].

В 1920–1930 гг. в Японии обнаружилось и продолжается до наших дней небывалое ранее увлечение семейным и групповым туризмом. Сохранялось паломничество к святым местам. Учитывая возрастающий спрос на перевозки людей, железнодорожные компании незамедлительно строили дороги к хорошо посещаемым храмам, памятникам старины и популярным курортам. Например, компания «Нарито Тэцудо» ввела в строй линию из Сакура через Токио в Нарита (преф. Тиба), принимая во внимание повышенный интерес к посещению расположенного в этом городе буддистского храма Синсё. Компания «Сануки Тэцудо» построила линию Котохира-Маругамэ на севере о-ва Сикоку, чтобы доставлять к синтоистскому храму Котохира прежде всего паломников и любителей старины.

Частные железнодорожные компании немедленно отреагировали и на появившийся спрос на поездки за город для отдыха на природе со стороны платежеспособных средних городских слоев и иностранных туристов: они строили парки отдыха, благоустраивали пляжи, летние и зимние курорты. В районе Кансай частные компании «Кэйхан Дэнтэцу» и «Хансин Кюкю Дэнтэцу» в условиях острой конкурентной борьбы разбивали парки, строили площадки для гольфа, отели и спортивные сооружения на горном массиве Рокко, возвышающемся над Кобэ. «Нанкай Дэнтэцу» организовала в известном парке Хамадэра курортное место с пляжами и бассейнами. Здесь же был возведен концертный зал Хамадэра. В районе Канто «Гобу Тэцудо» построила оздоровительные курорты с лечебными водами в Кинугава, а «Одавара Дэнтэцу» — 15-километровую железную дорогу в горах Хаконе (84 км на юго-запад от Токио) для желающих полюбоваться пейзажами сверху. Всего с 1899 по 1924 г. 25-ю частными железнодорожными

компаниями были созданы 14 курортов, 13 ботанических садов, 13 зоопарков, 13 гостиниц и ресторанов, а также плавательные бассейны и другие спортивные сооружения, музеи. [Takahiko Saito, 1997, 10, p. 2].

Итак, тяжелое экономическое положение, в которое попали частные железнодорожные компании после 1905 г., привело их к необходимости диверсифицировать свою деятельность. В целях увеличения пассажирооборота руководство частных компаний предприняло строительство объектов культурного и бытового назначения. Эта деятельность привела, с одной стороны, к росту их доходов и расширению сети железных дорог, а с другой — к социально-экономическому и культурному развитию населения, освоению новых территорий, способствовала удовлетворению культурных и бытовых потребностей людей. Более того, приводила к формированию культурных интересов японцев.

Что касается государственных железных дорог, то как в довоенные годы, так и после Второй мировой войны они не занимались «побочными» видами деятельности, не строили объекты культурного назначения или быта.

После Второй мировой войны казенные государственные железные дороги были преобразованы в государственную корпорацию «Кокутэцу», имевшую относительную самостоятельность по сравнению с казенными дорогами. Первые серьезные попытки «Кокутэцу» расширить свою деятельность за рамки только транспортировки относятся к концу 1960-х — началу 1970-х годов. К этому времени уже было построено несколько протяженных сверхскоростных дорог — синкансен, не имевших аналогов во всем мире.

В 1971 г. законодательство в отношении государственной железнодорожной корпорации «Кокутэцу» было пересмотрено в сторону снятия ряда ограничений. Ей разрешили осуществлять капиталовложения в строительство магазинов, ресторанов, площадок для парковки автомашин, автобусных терминалов и пр. в непосредственной близости от станций. Железнодорожные станции постепенно становились не только пунктами прибытия и отбытия поездов, но и заведениями культурно-бытового обслуживания населения.

Но только со времени приватизации в 1987 г. «Кокутэцу» и образования на ее месте шести негосударственных компаний группы JR: на острове Хонсю трех («JR Central», «JR East», «JR West»), по одной на острове Хоккайдо («JR Хоккайдо»), на острове Кюсю («JR Кюсю»), на острове Сикоку («JR Сикоку»), а также одной грузовой компании началось комплексное строительство по проектам развития близлежащих территорий. И хотя доля других видов деятельности в структуре всей хозяйственной деятельности приватизированных железнодорожных компаний группы «JR» все еще незначительна (JR West — 8%, JR East — 4%, JR Central — 2%), абсолютная роль каждой из них в социально-экономическом и культурно-бытовом развитии прилегающих территорий уступает лишь немногим частным железнодорожным компаниям [Takahiko Saito, 1997, 10, p. 5].

Особое значение расширение «непрофилирующей» деятельности имело для убыточных приватизированных компаний «JR Хоккайдо», «JR Кюсю», «JR Сикоку». Именно на застройку территорий жилыми комплексами, строительство отелей и магазинов, культурных центров и театров возлагало большие надежды их руководство. Красота и живописность о-ва Хоккайдо привлекает любителей природы, что позволяет компаниям развивать туризм, в том числе и международный. В г. Саппоро создана соответствующая инфраструктура отдыха и спорта.

После приватизации японской государственной железнодорожной корпорации «Кокутэцу» железнодорожный транспорт перестал быть бременем для государственного бюджета.

Более того, регулярно выплачивая налоги и проценты по займам, он в определенном смысле пополняет бюджет.

В последние годы прошлого столетия частные железнодорожные компании все шире развивали туризм. Некоторые из них вторгались в информационный бизнес, включая кабельное телевидение и компьютерные сети. Наблюдался выход крупных компаний на международные рынки. Так, крупнейшая частная железнодорожная компания «Токю» осуществляла международные авиаперевозки, строила и эксплуатировала отели в Европе, Северной Америке, Юго-Восточной Азии и Океании.

В результате к концу XX столетия деятельность некоторых частных компаний настолько диверсифицировалась, что их уже трудно назвать железнодорожными. Функции этих компаний, связанные с перевозками пассажиров и грузов, являются лишь видимой частью самой разнообразной деятельности, которую зачастую ведут уже не материнские железнодорожные компании, а их филиалы и дочерние компании. Образуются группы железнодорожных компаний. [Леонтьева, 2000, с. 98–100]. Так, доход «Токю» составил около 5 трлн иен, в то время как доходы материнской компании — лишь 5,5% доходов всей группы предприятий, а доходы от железнодорожных перевозок — 2,2%. [Takahiko Saito, 1997, 10, pp. 5–6].

Аналогичная ситуация складывалась у крупнейшей частной железнодорожной компании Осаки и ее пригородов — «Кинтэцу». Компания имела дочерние фирмы и филиалы (152), доход которых превышал 3 трлн иен. Доходы материнской компании также равнялись лишь 7,8%, а ее доходы от «профилирующей» деятельности — 5,8% всех доходов. [Takahiko Saito, 1997, 10, p. 5].

Крупной группой железнодорожных компаний можно считать «Мэйтэтсу» (294 филиала и дочерних компании, доходы — 1,6 трлн иен), имеющую разветвленную сеть железных дорог в Нагое и ее пригородах.

Анализ деятельности железнодорожных групп выходит за рамки нашей статьи. Здесь мы остановимся подробнее на социально-экономической и культурной деятельности материнских компаний.

Сравнительный анализ структуры доходов материнских частных железнодорожных компаний, с одной стороны, и трех основных приватизированных компаний — с другой показывает, что источники их основных доходов разные. Если частные компании получали доходы преимущественно не от перевозок пассажиров и грузов по железным дорогам, а от других видов хозяйственной деятельности, включая операции с недвижимостью, автобусные перевозки, эксплуатацию объектов культурно-бытового назначения и пр., то основная часть доходов приватизированных железных дорог приходилась именно на профилирующий вид деятельности.

Непрофилирующие виды экономической деятельности частных железнодорожных компаний позволяли им в условиях неблагоприятной конъюнктуры на рынке транспортных услуг нейтрализовать убытки от пассажирских перевозок.

В условиях острой конкуренции и быстро меняющейся конъюнктуры на рынке транспортных услуг железнодорожные компании осуществляли комплексные застройки прилегающих к терминалам и линиям территорий. В бизнесе освоение новых земель всегда считается делом повышенного риска и в истории экономической жизни многих стран являлось в основном делом государства. Железнодорожные компании, застраивая территории, частично снимали этот груз с плеч государства. Освоение территорий велось по хорошо разработанным комплексным проектам.

Развитие туризма и культуры тоже стало в определенных пределах не только проблемой бюджета, но и задачей железнодорожных компаний. Частные, а с конца 1970-х годов и приватизированные, компании частично заменяли государство в развитии культуры и поддержании традиционных ценностей японского общества. Культурная деятельность только на первый взгляд кажется убыточной для компании. Более тщательный анализ показывает, что от этого железнодорожные компании значительно выигрывали, привлекая тем самым пассажиров и создавая транспорту рекламу. Обнаруживается взаимная выгода железнодорожных компаний и государства.

Высокий уровень обслуживания не только пассажиров, но и посетителей культурно-зрелищных спортивных мероприятий, покупателей в магазинах, жильцов кварталов, застроенных железнодорожными компаниями, позволял развивать культуру в быту.

Широкий размах социально-экономической и культурной деятельности помогал обеспечить дополнительную занятость японцев. Реорганизовавшись, ныне приватизированные компании перевели значительную часть бывших государственных служащих в предприятия и филиалы, занимающиеся непрофилирующими видами деятельности. Этим они обеспечили не только занятость, но и переквалификацию и даже формирование нового сознания работающего человека, ориентирующегося на потребности быстро меняющейся конъюнктуры рынка.

Итак, железнодорожные транспортные компании Японии в XX веке — явление незаурядное. Они не только обеспечивали важные для экономической жизни страны перевозки пассажиров и грузов, создавая условия для расширенного воспроизводства, но и стали важным фактором ее социально-экономического и культурного развития в прошлом столетии.

Литература / References

Леонтьева Е. Л. Японские корпоративные группы в ретроспективе и перспективе / *Япония: сборные очерки «вслед за кистью» (дзуйхицу)*. М., 2000. С. 59–109 [Leontieva E. L. Japanese Enterprise Groups in Retrospect and Perspective. *Japan: a Collection of Random Essays (zuibitsu)*. Moscow, 2000. Pp. 59–109 (in Russian)].

Eiichi Aoki, Mitsuhide Imashiro, Shinichi Kato, Yasuo Wakyda. *A History of Japanese Railways 1872–1999*. Tokyo, 2000.

Isao Ogawa. History of Amusement Park Construction by Private Railway Companies in Japan. *Japan Railway and Transport Review*. 1998. 15. Pp. 28–37.

Takahito Saito. Japanese Private Railway Companies and their Business Diversification. *Japan Railway and Transport Review*. 1997. 10. Pp. 2–9.

Transportation Statistics Handbook in Japan. Tokyo, 2019.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ИНДИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2022

Д. Б. Графов¹

Статья посвящена анализу неформальных отношений в индийском обществе с точки зрения сетевой теории и теории социального обмена и рассматривает структуры коллективной солидарности в процессе изменений, вызванных либерализацией и развитием рыночной экономики. Одной из наиболее известных неформальных систем отношений на основе коллективной лояльности является практика *джан-пехчан* (*jān-pahchān*, букв. «знакомство»). Ее распространение вызвано модернизацией общества и преодолением кастовой детерминированности. Практики *джугад* (*jugāḍ*) и *далали* (*dalālī*) также вызывают к жизни структуры социального взаимодействия. Их появление продиктовано необходимостью решения жизненных проблем населением в условиях крайней стесненности в ресурсах, неэффективности и слабости формальных институтов. Ослабление родовых, религиозных, традиционных механизмов солидарности, а также коррумпированность легальных институтов вызывают к жизни коррупционные структуры (*Mafia Rāj*), где лояльность и соблюдение обязательств обеспечиваются с помощью угрозы насилия.

Для анализа структур, основанных на групповой лояльности и неформальных отношениях, автор использует трехфакторный подход, рассматривая группы интересов в координатах «лояльность», «иерархия», «автономия», которые представляют внешние характеристики группы. Такие неформальные отношения, как *джан-пехчан*, описываются через детерминанты «дружба», «взаимность», «доверие». Данные характеристики можно считать внутренними и субъективными.

Ключевые слова: Индия, неформальные отношения, *джан-пехчан*, *джугад*, мафия-радж, доверие, взаимность

Для цитирования: Графов Д. Б. Неформальные отношения в индийском обществе. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 98–111. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-098-111

INFORMAL RELATIONS IN INDIAN SOCIETY

Dmitry B. Grafov

The article analyzes the structure of Indian society from the perspectives of social exchange theory and social capital theory, and the structures of solidarity are considered in the context of changes of the caste system. One of the practice of getting favours on the basis of informal relation is *jān-pahchan*. That can be translated as ‘getting something done through someone you know’. This kind of relation is known for years in Indian culture, especially in tribal relations, but then the practice of *jān-pahchan* got the wide acceptance and common usage of in the business as well as in the social relation as the Indian economy turned into a dynamically emerging market.

¹ Графов Дмитрий Борисович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; graftvc@mail.ru.

Dmitry B. Grafov, PhD (Political science), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; graftvc@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7334-5398.

Such informal ties allow individuals to overcome caste barriers and create social capital. Practices like *jugāḍ* and *dalālī* also create structures of solidarity. Their appearance is caused by the need for the population to solve vital problems, like poverty, lack of resources and weaknesses of bureaucratic institutions. In India, informal relationships on the basis of exchange of favours have a shortage of reciprocity guaranty.

The author offers a three-dimensional approach to the analysis of informal group relationships based on loyalty to the patron. The three main aspects that make up the structure of the group are: loyalty, hierarchy and autonomy of members. These variables can be considered as external determinants. Less hierarchical relationships, well known as *jān-pahchan*, are usually described in the determinants of friendship (*pahcān*), reciprocity (*len-den*) and trust (*bharosā*). These three dimensions can be considered as internal variables and used to describe other network relationships.

Keywords: India, informal relationships, *jān-pahchan*, *jugāḍ dalālī*, *pahcān*, *len-den*, *bharosā*

For citation: Grafov D. B. Informal relations in Indian Society. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 3. Pp. 98–111. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-098-111

Неформальные отношения в индийском обществе менее исследованы, чем аналогичные социальные механизмы в Китае, Корее, Японии или арабском мире. Работ в этой узкой области сравнительно немного. Неформальные отношения в Индии развиты слабее, чем в остальной части Азии. Одна из причин — начавшиеся сравнительно недавно либерализация экономики с отказом от элементов планового хозяйства и модернизация самого индийского общества, социальная структура которого все еще в значительной степени детерминирована системой *варн* и каст [Юрлова, 2018, с. 210–232]. Более того, процессам модернизации оказывает сопротивление общинная и социальная среда [Куценков, 2020, с. 143]. Другая причина слабой и односторонней исследованности неформальных отношений в том, что драйвером внимания к этой теме выступают в первую очередь иностранные бизнес-интересы, которые нацелены на утилитарные выводы [Puffer et al., 2013].

В Индии, как и в других развивающихся странах, неформальные услуги выступают связующим звеном между официальным и неформальным секторами экономики и используются для достижения различных целей: иногда для получения контрактов, разрешений на ведение бизнеса и лицензий, иногда — для предоставления льгот потенциальным клиентам, поставщикам и партнерам. Например, такие операции, как получение разрешений на ведение бизнеса, являются частью формальной экономики, а использование льгот для ускорения подобных операций рассматривается как часть неформальной. Слабость законных, формальных институтов в странах с переходной экономикой фактически вынуждает многих людей использовать практику неформальных отношений [Puffer, McCarthy, Boisot, 2010].

ПРЕДМЕТ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Большинство исследований опирается на теорию социального обмена [Thams et al., 2013], сетевую теорию [Yakubovich et al., 2019] и теорию социального капитала [Teagarden, Schotter, 2013]. Есть попытки концептуализировать наиболее важные аспекты неформальных практик и их влияние на эффективность бизнеса [Berger et al., 2020]. В частности, утверждается, что неформальные связи *джан-пахчан* (*jān-pahcān*) включают в себя три компонента («дружба», «взаимность», «доверие»), которые действуют как триггеры для развития эффективных деловых

отношений. Цель — лучше понять роль *джан-пехчан* как важного механизма управления, влияние этого института на долгосрочную ориентацию и эффективность бизнеса.

Ряд авторов считает ключевым компонентом неформальных деловых отношений высокий уровень духовной вовлеченности и эмоциональной взаимосвязанности, что является органической чертой индийской культуры [Bhattacharjee, Zhang, 2011; Porter, Spencer, Birt, 2003]. Этот подход соотносится с концепцией *дахрмы*, которая включает в себя идеальные ценности и правильный подход к жизни [Berger, 2014].

Больше исследований посвящено неформальности отношений в городской среде [Radjou, Prabhu, Ahuja, 2012; Roy, 2005]. Однако, как правило, такой феномен, как *джугад* (*jugād*, букв. «инструмент», «неформальный способ решения проблемы»), в этих работах изучается не как структура солидарности, а с точки зрения проблем и симптомов неблагополучия формальной экономики и городского хозяйства. Разнообразная сфера неформальной деятельности в крупных городах является частью динамичной, фактически существующей «реальной» экономики, действуя на задворках государственных регулирующих институтов и формальных бюрократических структур [Harris-White, 2003].

С точки зрения теории социального обмена каждый индивид обладает набором качеств, возможностей и активов, которые он может использовать в обмене с другими индивидами для получения сиюминутных и потенциальных (перспективных) выгод. При этом он вступает во взаимодействие и может становиться частью сетевых и групповых (иерархических) структур. Это общая закономерность любых неформальных отношений, будь то Pulling strings (букв. «дерганье за нитки») в Великобритании [Smith et al., 2012], или Torpil в Турции [Ledeneva, 2018]. Особенно неформальные отношения развиваются, когда один из участников имеет властный ресурс (приватизация бюрократических институтов), а другая сторона заинтересована в обходе, или ускорении формальных процедур и получении выгоды (разрешение, лицензия, льгота, контракт, должность, бесплатное лечение или образование, информация, другой ресурс / актив).

Выстраивание неформальных отношений может идти разными путями с использованием разных механизмов. Как правило, это родственные связи, связи, подкрепленные позитивным опытом или местом рождения (бывшие одноклассники, друзья, земляки, коллеги). Личный социальный капитал может предлагаться в процессе развития приятельских связей. Такое предложение может включать и конкретную экономическую выгоду как цель развития отношений через личную сеть (*networking*). Изучение индивидуального механизма установления связей, который опирается на личные качества индивида, а также его привлекательность (статус, богатство, харизму) представляет более серьезную проблему.

На установление и развитие отношений будут оказывать влияние не только принятые в обществе нормы, но и само наличие / плотность подходящих социальных сетей, их прочность (прочность слабых связей), величина структурных разрывов, которые отделяют одну сеть от другой, сочетание экономических и неэкономических действий [Granovetter, 2005, pp. 33–34].

Очевидно, что индивид всегда будет действовать только для защиты или умножения своего материального богатства и / или реализации социальных прав и ценностей. В некоторых случаях мотивом является не материальная или ценностная / этическая норма, а, например, комфорт, спокойствие, социализация, хобби. Таким образом, экономическое поведение индивида может укореняться в его социальных отношениях. Более решаемая проблема в вопросе исследования неформальных связей — учет традиционных, религиозных и социальных факторов, характерных для данного общества.

Цель настоящей работы — анализ неформальных отношений в индийском обществе в рамках сетевой / групповой теории (Grid/Group Theory) и описание их через структурные детерминанты. В качестве таких детерминант (переменных), определяющих социальную структуру, выбраны лояльность, иерархия и автономия субъектов групповых отношений.

СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ

Современное индийское государство с помощью формальных институтов не слишком эффективно управляет различными сферами жизни, в том числе экономикой. Те, кто занят бизнесом, широко используют преимущества, которые дают развитые неформальные связи. По мере продвижения рыночных реформ, развития свободы предпринимательства, а также в связи с серьезными изменениями в межкастовых отношениях [Юрлова, 2017, с. 97–98] все больше используются личные связи и групповая солидарность на основе политических и бизнес-интересов. Как и во многих других странах, где доступ к легальным институтам затруднен из-за отсутствия конкуренции и приватизации формальных институтов, в Индии существуют отношения на основе обмена «услуга за услугу», получение «чего-то через кого-то, кого вы знаете», известные как *джан-пехчан* [McCarthy et al., 2012]. С точки зрения социального обмена, одна сторона обращается к другой за услугой, получает ее, но для поддержания отношений платит лояльностью или возвращает долг ответной услугой. Если соблюдаются правила взаимности и доверия, то взаимовыгодный обмен развивается, увеличивая социальный капитал каждого в этой сети. Люди, связанные такими сетевыми отношениями, представляют социокультурные группы, в которых действуют правила лояльности, доверия и взаимности. С помощью *джан-пехчан* стороны ищут клиентов, партнеров, кредиты, заказы и другие выгоды, которые, по сути, представляют собой перераспределение материальных и властных ресурсов через посредников того, кто может решить проблему. Подобные отношения особенно развиты между менеджерами компаний и сотрудниками правительственных инстанций.

Использование неформальных услуг не только преследует личные цели, но и компенсирует относительную слабость формальных институтов в условиях развивающегося рынка и может переходить в коррупцию [Puffer et al., 2013]. Связи *джан-пехчан* имеют целью не только обмен бизнес-услугами. В этом конструкте есть личная симпатия, а также могут присутствовать семейные интересы, удовлетворение которых позволяет надежнее привязать контрапартнера и скрепить доверие моральными обязательствами. Эмоциональная привязанность (или дружба), возникающая при этом, позволяет говорить о сходстве с китайскими неформальными отношениями «гуаньси». Необходимость поддержания и развития деловых отношений с помощью практики *джан-пехчан* отмечают и менеджеры иностранных компаний, ведущие дела с индийскими партнерами. Конструкт долговременных отношений включает три компонента: признание партнера «своим» или «правильным», т.е. общей идентичности или дружбы — (*pehchān*), взаимность (*len-den*) и доверие (*bharosā*) [Berger et al., 2018].

Однако устанавливаемые связи существуют в культурном и традиционном контексте. Отношения в индийском обществе в большей степени зависят от расширенной семьи, касты, религии и языковой принадлежности, которые определяют ориентацию на отношения внутри и вне группы, что составляет основу *джан-пехчан*. Это проявляется в форме знакомства с кем-то, кто знает кого-то, кто может знать кого-то влиятельного.

Качество межличностных отношений в социальных сетях, позиции в обществе, бизнесе или правительстве определяют социальный капитал как сумму ресурсов, реальных или

виртуальных, которые индивид имеет, обладая сетью институционализированных отношений общих знакомых и способностью устанавливать новые связи с другими акторами, обладающими нужными возможностями [Bourdieu, Wacquant, 1992]. Таким образом, люди, обладающие *джан-пехчан*, скорее всего, будут занимать влиятельные должности в институтах власти и бизнеса или обладать навыками *networking*.

До либерализации индийской экономики связи *джан-пехчан* в основном использовались для решения бытовых проблем между членами одного рода (расширенной семьи) и опирались на родственные отношения *самбандхи* (*sambandhī*, букв. «связанные», «родичи»), где взаимность услуг является ожидаемой нормой [Zhu et al., 2005]. Родственники помогали друг другу обходить медленные бюрократические процедуры при получении различных разрешений от власти.

Потребность в подобных услугах вызвана, в том числе, противоречиями между правовым и регулирующим режимом государства, которые можно объяснить сильно централизованной бюрократией, унаследовавшей инерционность и негибкость от колониальной администрации. Одним из примеров является оформление недвижимости на родственника или другое номинальное лицо, называемое *бенāmīdar*, а сама сделка — *бенāmī*. Лицо, заплатившее за недвижимость (в том числе и родственник), остается в тени реальным владельцем [Mitra, 2010, pp. 448–449].

В современной Индии, переживающей трансформацию традиционного уклада, возникают и другие структуры солидарности. В процессе миграции сельского населения в города, вовлечения его в нерегулируемые формы экономической жизни в условиях урбанизации среди бедноты возникла практика обмена опытом и неформального решения бытовых проблем при отсутствии средств — *джугад*. Самые яркие ее проявления — в трущобах и на окраинах городов (использование самодельного транспорта, незаконные способы доступа к водоснабжению и использованию земли). Сам термин может быть образно переведен как «срезание углов», неожиданная идея по решению проблемы путем упрощения (почти как *Life hacking*). Официальным властям не хватает ресурсов для ликвидации или приведения в законные рамки всей гаммы проявлений неформальной активности, направленной на выживание. Власти, с одной стороны, борются с *джугад*, с другой — вынуждены приспосабливаться, чтобы контролировать *джугад* и поддерживать социальный порядок [Chattaraj, 2012]².

Джугад иногда отождествляют с коррупцией, используя как эвфемизм для смягчения безвыходной ситуации, в которой оказались, с одной стороны, бездомные, нуждающиеся, а с другой — власти, не способные справиться с социальной стихией [Jeffrey, Young, 2014]. Некоторые индийские политики возмущены отношением к *джугад* как вынужденной мере для решения социальных проблем, а также самой попыткой затушевать коррупцию термином, вызывающим ассоциацию с ужасным самодельным транспортным средством³. Как структура солидарности *джугад* предполагает обмен опытом и в некоторых ситуациях коллективные действия. Эта практика может порождать групповые интересы, но они не отличаются устойчивой взаимностью. Взаимность, групповая лояльность не являются образующими принципами *джугад*, т.к. индивидуальные интересы могут как совпадать, так и конкурировать.

Слабость и ригидность официальных институтов, отсутствие прозрачных бюрократических процедур породили и другую практику — *далали* (*dalālī*, букв. «посредничество»). Доступ к социальным и государственным услугам для большинства индийцев (особенно в сельской

² One Hundred Thirtieth Report on Benami Transactions — A Continuum. Law Commission of India. 1988. No. 130. URL: <http://lawcommissionofindia.nic.in/101-169/report130.pdf> (дата обращения: 04.05.2022).

³ The Curse of Jugaad. Business Standard, 17 January. 2015. URL: https://www.business-standard.com/article/companies/the-curse-of-jugaad-115011601197_1.html (дата обращения: 04.05.2022).

местности и малообразованных) затруднен. В Индии сложился целый класс посредников, зарабатывающих на решении проблем между индивидом и государством. *Далал* неофициально выступает посредником между обычными гражданами и государством, получая за это «комиссию» [Reddy, Naragopal, 1985]. Использование своих связей в государственных и муниципальных службах приносит коррупционную ренту. Но *далалы* представляют себя честными помощниками, берущими посульную плату за подготовку жалоб, исков, запросов, поиск официальной и юридической информации, чтобы преодолеть запутанные административные процедуры. *Далалы* утверждают, что выполняют «социальную работу» или даже занимаются правозащитной политикой, но индийцы считают их эксплуататорами человеческого горя, хотя и признают, что *далалы* могут облегчить решение проблем.

Однако *далалы* представляют собой не просто «индивидуальных посредников» или «коррупцированных юристов», они — пример коллективной солидарности, имеют все черты корпоративного сообщества, осознающего свои коллективные интересы. Число *далалов* огромно (оно пропорционально населению), точных подсчетов произвести невозможно [Manor, 2000, p. 817]. Чем больше индийское общество модернизируется, а различные партии выступают за доступность государственных услуг и общественных сервисов, тем больше появляется посредников, желающих заработать на доверчивых и необразованных людях [Berenschot, 2010]. В штате Уттар-Прадеш *далалы* также известны как «новые политики» (*nayā netā*). Они частично взяли на себя функции, которые когда-то монополизировали представители высших каст [Jeffrey et al., 2008].

Далалы образуют совокупность индивидов, связанных групповой лояльностью, обладающих групповыми интересами, они могут оказывать друг другу услуги в расчете на солидарность, но в то же время они конкурируют на рынке посреднических услуг. Там, где *далалы* действительно вступают в сговор с правительственными чиновниками (а не просто утверждают, что делают это), они получают властную ренту от несовершеннолетних властных институтов.

С правовой точки зрения услуги, связанные с *джан-пехчан*, и ответные действия могут представлять коррупцию, но, как правило, получаемая выгода меньше, чем обычно получаемая за взятку. Характер отношений может быть как патронажно-клиентарный, так и симметричный с горизонтальными связями. В обмене услугами могут быть задействованы несколько участников, образующих сеть, которая не исключает и стороннего (внешнего) участника. Это напоминает оказание услуги с использованием родственных отношений в арабских странах посредниками, известными как *Wasset*, организующими связи между не связанными ранее акторами, получающими властную ренту. Но в любом случае структуры солидарности имеют два образующих условия — взаимную выгоду и культурную традицию, превращаясь в законченном виде в некий неформальный институт.

Анализируя *джан-пехчан* с точки зрения факторов, влияющих на прочность связей, необходимо отметить, что индивиды, вступающие в эти отношения, не имеют надежных гарантий ответных действий, т.е. гарантий обязательств. В Китае связи *Guanxi* строятся на репутации человека, укорененного в социальный контекст (земляки, сослуживцы, партнеры, родственники). Невыполнение обязательств (обман) невозможно скрыть, т.к. китайское общество пронизано длинными сетями переплетенных связей. Невозможно скрыть и потерю репутации — это лишает перспектив.

Японское общество тоже является сетевым, но менее динамичным (социальная мобильность затруднена). В неформальных отношениях *Jintyaku* гарантии соблюдения обязательств также связаны с угрозой «потери лица». Более того, потеря репутации ведет к потере старых

связей и грозит десоциализацией, т.к. построение новых устойчивых отношений в японском обществе затруднено и ограничено связями, заложенными в процессе обучения и карьеры.

В арабском мире прочность неформальных связей *Wasta* гарантируется ответственностью перед родом. Невыполнение обязательств грозит изоляцией от рода, т.к. связи выстраиваются в основном через родственников. Индийское общество в этом смысле не является сетевым—оно разделено общинными, религиозными кастовыми интересами, а поведение внутри групп регламентируется жесткими правилами.

ИЕРАРХИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ С ВЫСОКОЙ ГРУППОВОЙ ЛОЯЛЬНОСТЬЮ

Другой известный способ гарантий выполнения обязательств — сила или угроза силой. Тогда сетевая структура имеет ярко выраженный центр и иерархию. В этом случае принято говорить о мафии в кавычках или без. В индийском обществе итальянское слово «мафия» укоренилось почти без изменений в виде мафия-*радж* (*mafia rāj*, букв. «правление мафии») или *гунда-радж* (*gunḍā rāj*, букв. «правление головорезов»). Понятие стало использоваться в конце 1990-х годов в северных штатах Бихар и Уттар-Прадеш, когда сообщения о слиянии преступности и политики приобрели системный характер.

Ситуация в Индии не является уникальной для стран с развивающейся экономикой. Понятие «мафия» в Индии соответствует системе политического и экономического управления, в которой политика, бизнес и преступность находятся в симбиотических отношениях. Симбиоз интересов охватывает государственных чиновников, избранных политиков, бизнесменов, сотрудников правоохранительных органов, профсоюзных и криминальных лидеров. Как правило, в Индии мафиозные структуры обладают властью на уровне городов и штатов, правительственных ведомств, отраслей экономики. К региональной коррупции в большей степени относится термин *мафия-радж*. Если на какой-то территории используется запугивание насилем, говорится о *гунда-радж* или о «законе джунглей (*Jungle Rāj*)» [Singh, Saxena, 2003].

Тема коррупции для Индии очень актуальна, о чем говорят названия партий: Партия борьбы с коррупцией (Corruption Abolition Party), Активная антикоррупционная партия (*Anti Corruption Dynamic Party*), Демократический фронт освобождения от коррупции (*Democratic Corruption Liberation Front*). В Индии преступность и политика так же тесно связаны, как преступность и жизнь. 43% членов нижней палаты парламента (*Lok Sabha*) состава 2019 года имели криминальное прошлое⁴, что может вызывать вопросы об адекватном представительстве индийской парламентской системы.

При мафиозном обмене услугами насилие выступает инструментом принуждения, устрашения, запугивания, гарантирования обязательств. Премьер-министр Н. Моди пришел к власти, пообещав искоренить коррупцию, но, по данным Forbes, по сравнению с 2015 годом коррупции стало больше⁵. Индекс коррупции в Индии с 2015 года, по данным *Transparency International*⁶, только возрстал: 2015 г.— 76; 2016 г.— 79; 2017 г.— 81; 2018 г.— 78; 2019 г.— 80; 2020 г.— 85; 2021 г.— 85.

⁴ The Association for Democratic Reforms (ADR). 2019. URL: https://myneta.info/search_myneta.php?q=corruption (дата обращения: 04.06.2022).

⁵ Corruption Is Still Thriving In Modi's India. Forbes, Jan 31, 2019. URL: <https://www.forbes.com/sites/panosmourdoukoutas/2019/01/31/corruption-is-still-thriving-in-modis-india/?sh=3f588ccf74be> (дата обращения: 04.06.2022).

⁶ Corruption Perceptions Index. Transparency International. 2021. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021> (дата обращения: 14.07.2022).

Криминально-политические образования обычно имеют отраслевые или региональные границы. Достаточно известно о строительной мафии, контролирующей государственные инфраструктурные проекты⁷, земельной мафии, получающей прибыль от продажи земель под застройку на уровне штатов и муниципалитетов. Существуют мафиозные структуры, контролирующие заготовку леса и добычу угля⁸. В угольной мафии исторически центральную роль играет профсоюзное руководство угольной промышленности, чья власть выстроена на кастовой принадлежности [Raо, 1983]. Участие профсоюзов позволяет фальсифицировать трудовые контракты, снижая себестоимость. Официальные контракты с потребителями, наоборот, учитывают завышенные или фиктивные затраты при формировании цены. Местное население привлекается мафией для ручной транспортировки украденного угля к незаконным складам и торговым точкам, также контролируемым мафией⁹.

Мафия-*радж* обычно использует прикрытие на законодательном уровне, придавая законный вид своим бизнес-процессам. Нужные результаты выборов обеспечиваются манипуляциями и давлением неформальных центров власти (организованной преступности). Но внешне легитимные феодальные владения воспринимаются обществом как «очаги» мафиозного господства [Kumar, 2014; Sanchez, 2015].

Таким образом, неформальные групповые иерархические отношения, основанные на лояльности, обеспеченной насилием, создают гибридные мафиозные системы. Акторы, обладающие государственными, политическими и криминальными ресурсами, как правило, находятся на вершине иерархической группы, у них есть бизнес-интересы (контроль над частью рынка), обеспечиваемые с помощью нелегальных и насильственных средств. А использование инструментов политики и насилия как правила должны принять внутренние и внешние акторы [Jaffe, 2013; Bayart et al., 1999]. Лидеры мафии-*радж* часто представляют себя как «робин гудов», не скрывая, что перераспределяют «справедливым» образом государственные ресурсы, на политическом уровне борясь с несовершенным порядком, хотя сами являются лишь частью более широких групп интересов [Michelutti, 2007].

Мы видим довольно большое разнообразие неформальных отношений, которые, тем не менее, существуют, только если удовлетворяют нескольким пограничным условиям. Эти отношения должны:

- приносить выгоду вступившим в них (материальные блага, услуги, безопасность, покровительство);
- обладать взаимностью в течение некоторого времени (актов обмена услугами);
- иметь гарантии, которые обеспечиваются эмоциональными связями со знаком + или — (страх).

Группы, построенные на горизонтальных связях, без жесткой иерархической централизации и принуждения к лояльности могут описываться внутренними структурными характеристиками. Например, отношения джан-*пехчан* могут быть описаны в координатах дружба (*pehcān*), взаимность (*len-den*) и доверие (*bharosā*) [Berger, 2020]. Но использование внутренних детерминант имеет одну проблему — они субъективны и могут отличаться в диадическом восприятии.

⁷ «Contractor mafia not involved in Dubey's murder: CBI report». The Indian Express. 12 August 2006. URL: <https://whistleblowers.wordpress.com/2006/08/13/contractor-mafia-not-involved-in-dubey%E2%80%99s-murder-cbi-report/> (дата обращения: 14.07.2022).

⁸ After water for petrol, Army gets 'substandard' wood. The Tribune, Chandigarh. 1 August 2005. URL: <https://www.tribuneindia.com/2005/20050802/j&k.htm#1> (дата обращения: 14.07.2022).

⁹ Purnima S. Tripathi. Coal theft and vote. Frontline. March 11, 2005. URL: <https://frontline.thehindu.com/politics/article30203824.ece> (дата обращения: 14.07.2022).

В «Сетевой / Групповой теории» (*Grid/Group Theory*) [Douglas, 1970] для описания трудовых коллективов (групп, подчиненных определенной задаче) используются две структурные характеристики: правила и отношения (*rules and relationships*). Их сочетание дает четыре типа групп с разными комбинациями параметров («культурами работы»). Первый параметр — закреплённость обязанностей инструкцией. Работник прикреплен к рабочему месту или же автономен. Вторым параметром — степень интеграции работников в группу. Сильная группа, работник — часть команды, слабая группа — работники изолированы [Mars, 1982/1994]. Аналогичный подход может быть применен при описании неформальных групп на основе объективных детерминант, в которых происходит обмен ресурсами / услугами.

Переменная *L* (*loyalty*) — лояльность, преданность групповым интересам, интересам старшего / патрона исключает выход за границы группы и контакты с группами других интересов. Эта структурная переменная образует внешние границы. Переменная *H* (*hierarchy*) — иерархия, обязанность подчинения по вертикали образует скелет группы. Переменная *A* (*autonomy*) — автономия, возможность построения связей внутри группы по своей инициативе определяет свободу изменений внутри установленных границ, или инициативное изменение статусов.

В координатах этих переменных можно рассматривать любую структуру, организованную на принципах иерархической — групповой лояльности. Так, для централизованных структур с жесткой дисциплиной и минимальной автономией (типа мафия-*радж*) получим область структурных характеристик, отражающих поле позиций, которые могут занимать члены группы с минимальной автономией и высокой иерархией (см. Рис. 1).

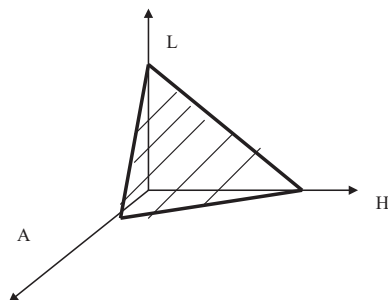

Рис. 1. Область структурных характеристик, соответствующая мафии-радж (материал автора)

Для структур, где отсутствуют жесткие иерархические отношения, а лояльность определяется выгодой, область структурных характеристик, наоборот, будет вытянута по оси *autonomy* (см. Рис. 2).

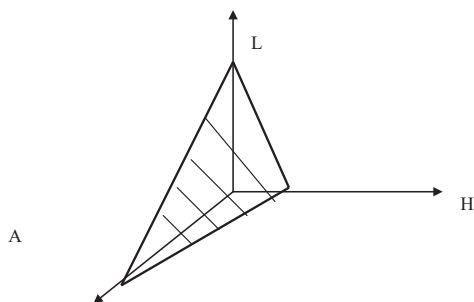

Рис. 2. Область структурных характеристик, соответствующая клиентарно-патронажным отношениям джан-пехчан (материал автора)

На Рис. 3 изображена плоскость структурных характеристик, соответствующая расширенной семье или клану, где иерархия и лояльность общим интересам должны соблюдаться, но их нарушение нередко случается. Это приводит к внутриклановым раздорам и может караться депривацией от рода. В этом случае автономность членов клана хоть и ограничивается традицией, но в меньшей степени, чем в сетевых отношениях *джан-пехчан*, которые требуют высокой лояльности.

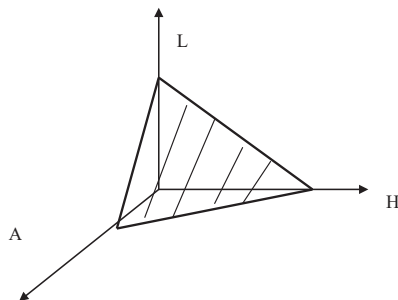

Рис. 3. Область структурных характеристик, соответствующая семейному клану (материал автора)

Внутри любой группы происходит распределение ресурсов и власти. Координаты точек, лежащих в области структурных характеристик, условно выражают положение, которое могут занимать члены группы. Автономность позволяет индивидам устанавливать асимметричные связи и пытаться влиять на распределение ресурсов в свою пользу. Это может происходить из-за несправедливости в распределении ресурсов относительно вклада члена группы (субъективно воспринимаемого или объективного). Отрываются две стратегии: сотрудничество или конкуренция. В первом случае индивиды или группы внутри структур солидарности объединяются, создают параллельные связи, чтобы сообща обеспечить себе больше ресурсов, чем это предусмотрено установленным сверху порядком. Вторая стратегия — конкурировать (конфликтовать) за обладание ресурсами, но уже с пересмотром установленной сверху иерархии.

Если отношения выстраиваются для достижения практического результата (как в *джан-пехчан*), то дружба может появиться в качестве сопутствующей характеристики при удачном развитии отношений, когда обе стороны довольны обменом услугами, считают их равноценными, а отношения обоюдно полезными. Именно взаимность оказания услуги будет иметь большее значение на начальном этапе. Получение подарка или услуги вызывает эмоции, ответную благодарность. Одариваемый может чувствовать себя обязанным, и чувство благородства или расчет побудят его на ответный шаг. В индийской системе ценностей считается, что акт дарения обеспечивает дарителю эквивалентную или большую отдачу не от получателя, а от высших сил, что связано с *кармой*. Принятие подарка или личной услуги является общепринятой социальной нормой в Индии. В других культурах и определенных странах даритель может столкнуться с отказом принять подарок. В том числе и потому, что подношение порождает обязательство, т.е. делается с инструментальными целями. Дарение подарков и оказание услуг в индийской культуре не всегда является инструментальным, в отличие, например, от китайских неформальных отношений «гуаньси». Но взаимность важна не только на начальном этапе. Если взаимность одной из сторон будет подвергнута сомнению, это разрушит отношения через снижение доверия.

Доверие, устанавливаемое на начальном этапе именно через инициативную услугу, без ожидания немедленной оплаты, в развитии отношений, может проверяться (измеряться) другими обстоятельствами, например, риском измены общим интересам — риском заключения

сделки с группой конкурирующих интересов. Если оставить за скобками подобные экстремумы в отношениях, то в Индии культурные паттерны (в том числе сохранение гармонии, преемственности отношений) влияют не только на интересы и приоритеты, но и на подход индивида к отношениям обмена. Доверие в большей степени развивается, когда существует общие опыт, ценности, вера [Sable, 1993]. Существует точка зрения, что для индийской культурной традиции характерно неприятие неопределенности, что подразумевает неприятие риска и делает людей более склонными к формированию доверия и внутригрупповым транзакциям [Lewicki, Bunker, 1996]. Это затрудняет построение связей с иными социальными сетями за пределами структурных разрывов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При всей субъективности диадические характеристики — дружба (*pebchān*), взаимность (*len-den*) и доверие (*bharosā*) — можно считать внутренними детерминантами, описывающими состояние связей между индивидами в группе. С точки зрения внутренних детерминант отношения *джан-пехчан* будут выглядеть следующим образом (см. Рис. 4).

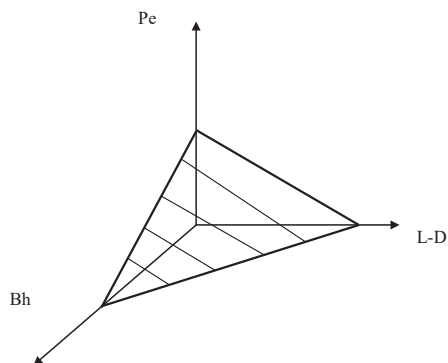

Рис. 4. Область внутренних детерминант, соответствующая сетевым отношениям *джан-пехчан* (материал автора)

Еще более сетевые связи, например, между *далали*, отличаются сниженными «дружбой» и «доверием» (см. Рис. 5).

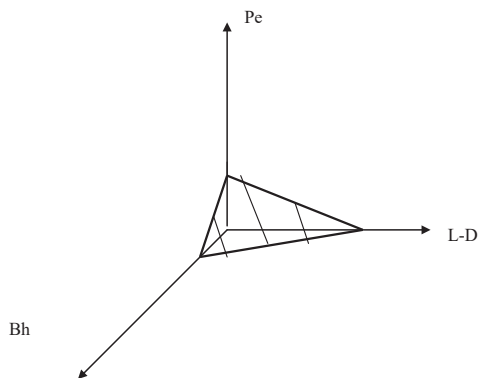

Рис. 5. Область внутренних детерминант, соответствующая связям между *далалами* (материал автора)

Метод графической визуализации позволяет судить о границах неформальных отношений, сравнивать их друг с другом, понимать пределы этих отношений, когда выход за границы одной или нескольких характеристик приводит к разрушению связей. Это еще более информативно при использовании внешних структурных характеристик: «лояльность», «иерархия», «автономия». Через них можно описать, насколько строги правила соблюдения групповых интересов, насколько жестко регламентированы сверху вертикальные и горизонтальные связи и насколько сохраняется возможность развития связей в инициативном порядке.

Поле структурных детерминант определяет внешнее восприятие. Группа интересов может восприниматься «картелем», «кланом», «лоббьи», «синдикатом власти» или политической партией. Подобные групповые интересы используют кастовые, общинные, родственные связи, культурные паттерны и могут быть встроены как в коррупционную, так и в демократическую логику. Что касается индийской специфики неформальных отношений, то она в первую очередь связана с несетевым характером индийского социума, по-прежнему разделенного кастовыми, религиозными, общинными интересами. Это приводит к проблеме соблюдения правил и гарантий обязательств в неформальных отношениях. Они не получили какого-то специфического развития в виде социального конструкта (подобного «гуаньси» в Китае), укорененного в культурной традиции. На них лишь наложили отпечаток современные социальные процессы, которые сводят неформальные отношения к обмену услугами или обмену услуги на лояльность.

Литература / References

Купенков А. А. Индия: вопросы модернизации // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 135–159 [Kutsenkov A. A. India: Problems of Modernization. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 1. Pp. 135–159 (in Russian)].

Юрлова Е. С. Касты в Индии // *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 12: Независимая Индия — 70: достижения и проблемы / Ответственные редакторы: Капшин В. П., Рабей С. Л., Шаумян Т. Л. Институт востоковедения РАН, М., 2018 [Yurlova E. S. Castes in India. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Issue 12: *Independent India — 70: Achievements and problems*. Editors Kashin V. P., Rabey S. L., Shaumyan T. L. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2018. 488 p. (in Russian)].

Юрлова Е. С. Касты в политике. *Религия и общество на Востоке* / Отв. ред. Сарабьев А. В.; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2017. С. 97–98 [Yurlova E. S. Castes in politics. *Religion and society in the East*. Ed. Sarabyev A. V.; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: IV RAS, 2017. Pp. 97–98 (in Russian)].

Berger R. Mastering the art of Jugaad and Guanxi: A western guide to business practices in India and China. *International Journal of Asian Business and Information Management*, 2014. 5(4). Pp.14–22.

Berger R., Herstein R., Netanel D. Doing Business in India. *International Journal of Management and Applied Science*. Vol. 4. Issue-3, Mar. 2018. Pp. 44–47.

Berger R., Bradley R. B., Konward Z., Singhe R. Doing business in Indian: The role of jaan-pehchaan. *Industrial Marketing Management*. 2 March. 2020.

Bayart J., Ellis S., Hibou B. *The Criminalization of the State in Africa*. London: International African Institute in association with J. Currey, 1999.

Berenschot W. On the Usefulness of Goondas in Indian Politics: «Moneypower» and «Musclepower» in a Gujarati Locality. *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2011. 34(2). Pp. 255–275.

Bhattacharjee A., Zhang, L. Cultural toolkit for Indians desirous of doing business in China. *Vikalpa*, 2011. 36(2). Pp. 59–80.

- Bourdieu P., Wacquant L. J. D. *An Invitation to Reflexive Sociology*, Chicago, IL.: University of Chicago Press, 1992.
- Chattaraj S. *Governing Informality: Jugaad Governance in Mumbai*. Blavatnik School Working Paper Series, 2012.
- Douglas M. *Natural Symbols: Explorations in Cosmology*. London: Crescent Press, 1970.
- Gorringe H. *Untouchable Citizens: Dalit Movements and Democratization in Tamil Nadu*. SAGE Publications, 2005.
- Granovetter M. The Impact of Social Structure on Economic Outcomes. *The Journal of Economic Perspectives*. 2005. 19(1). Pp. 33–50.
- Harriss-White B. *India working: Essays on society and economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Jaffe R. The Hybrid State: Crime and Citizenship in Urban Jamaica. *American Ethnologist*. 2013. 40(4). Pp. 734–748.
- Jeffrey C., Jeffery, P. and Jeffery, R. Dalit Revolution? New Politicians in Uttar Pradesh, India. *The Journal of Asian Studies*. 2008. 16(4). Pp. 1365–1396.
- Jeffrey C., Young, S. Jugad: Youth and Enterprise in India. *Annals of the Association of American Geographers*. 2014. 104(1). Pp. 182–195.
- Kumar A. *Criminalisation of Politics*. Delhi: Rawat, 2014.
- Ledeneva A. (ed.). *The Global Encyclopaedia of Informality: Understanding Social and Cultural Complexity*, Volume 2. London: UCL Press, 2018.
- Lewicki R. J., Bunker B. B. Developing and maintaining trust in work relationships. In Kramer, R. M., Tyler, T. R. (Eds.). *Trust in Organizations: Frontiers of theory and research* (Pp. 114–139). Thousand Oaks, CA: Sage, 1996.
- Manor J. Small-Time Political Fixers in India's States: «Towel over Armpit». *Asian Survey*. 2000. 40(5). Pp. 883–905.
- Mars G. *Cheats at Work: An Anthropology of Workplace Crime*. London: George Allen, 1982/1994.
- McCarthy D., Puffer S., Dunlap D., Jaeger A. A stakeholder approach to the ethicality of BRIC-firm managers' use of favors. *Journal of Business Ethics*. 2012. 109(1). Pp. 27–39.
- Michelutti L. The vernacularization of democracy: Political participation and popular politics in North India. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2007. 13(3). Pp. 639–656.
- Mitra A. *Law of Possession and Ownership of Property*. Allahabad: Sodhi Publications, 2010.
- Porter S., Spencer L., Birt A. R. Blinded by emotion? Effect of the emotionality of a scene on susceptibility to false memories. *Canadian Journal of Behavioral Science / Revue canadienne des sciences du comportement*. 2003. 35(3). Pp. 165–175.
- Puffer S. M., McCarthy, D. J., Boisot, M. 2010. Entrepreneurship in Russia and China: The impact of formal institutional voids. *Entrepreneurship: Theory and Practice*. 34(3). Pp. 441–467.
- Puffer S., McCarthy D., Jaeger A., Dunlap D. The use of favors by emerging market managers: Facilitator or inhibitor of international expansion? *Asia Pacific Journal of Management*. 2013. Vol. 30(2). Pp. 327–349.
- Puffer S. M., McCarthy D. J., Peng M. W. Managing favors in a global economy. *Asia Pacific Journal of Management*. 2013. 30. Pp. 321–326.
- Radjou N., Prabhu J., Ahuja S. *Jugaad innovation: Think frugal, be flexible, generate breakthrough growth*. New York: John Wiley & Sons, 2012.
- Reddy R. G., Haragopal G. The Pyraveekar: «The Fixer» in Rural India. *Asian Survey*. 1985. 25(11). Pp. 1148–1162.
- Roy A. Urban informality: toward an epistemology of planning. *Journal of the American Planning Association*. 2005. 71(2). Pp. 147–158.
- Sanchez A. *Criminal Capital: Violence, Corruption and Making of Class in an Indian Steel Town*. Delhi: Routledge, 2015.
- Sable C. F. Studied Trust: Building New Forms of Cooperation in a Volatile Economy. *Human Relations*. 1993. 9. Pp. 1133–1170.
- Singh M. P., Saxena R. *India at the Polls: Parliamentary Elections in the Federal Phase*. Orient Blackswan, 2003.

Smith P. B., Huang H. J., Harb C., Torres, C. 'How Distinctive Are Indigenous Ways of Achieving Influence? A Comparative Study of Guanxi, Wasta, Jeitinho and «Pulling Strings»'. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. 43. Pp. 136–151.

Teagarden M. B., Schotter A. Favor prevalence in emerging markets: A multi-level analysis. *Asia Pacific Journal of Management*. 2013. 30. Pp. 447–460.

Thams Y., Liu Y., Glinow M. A. V. Asian Favours: More than a cookie cutter approach. *Asia Pacific Journal of Management*. 2013. 30. Pp. 461–486.

Yakubovich V., Burg R. Friendship by assignment? From formal interdependence to informal relations in organizations. *Human Relations*. 2019. Vol. 72. Issue 6. Pp. 1013–1038.

Zhu Y., Bhat R., Nel P. Building business relationships: A preliminary study of business executives' views. *Cross Cultural Management*. 2005. 12(3). Pp. 63–84.

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-112-120

КИТАЙСКИЙ СТИЛЬ УПРАВЛЕНИЯ: КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

© 2022

В. Г. Кандалинцев¹

Китайский бизнес успешно развивается, несмотря на сложности, связанные с пандемией. Не в последнюю очередь этот успех связан с формированием в китайских компаниях эффективного синтеза кросс-культурных платформ корпоративной культуры и современных западных систем управления. В статье рассматривается влияние традиционных ценностей на управление современными китайскими предприятиями. Данное влияние характеризуется как «проекции» положений конфуцианства, буддизма и даосизма на корпоративную культуру. Проекции сосуществуют, переплетаются и интегрируются с западными подходами к менеджменту. В результате возникают кросс-культурные конструкты, позволяющие китайским компаниям объединять как традиционные китайские, так и западные ценности, что открывает путь к эффективному управлению и быстрому трансграничному расширению деятельности. В обоснование такого понимания современного китайского стиля управления в статье проводится анализ деятельности Alibaba Group. Он показывает, что в последних официальных отчетах компания декларирует ценности, которые являются проекциями положений конфуцианства, буддизма и даосизма. Одновременно в состав ценностей также включен и концепт «ядра стратегии», относящийся к получившей широкое международное признание системе стратегического управления Balanced Scorecard (BSC), разработанной американскими специалистами Р. Капланом и Д. Нортон. Это открыло путь к практическому применению BSC в Alibaba Group, которое оказалось весьма успешным. Опыт китайского гиганта электронной коммерции заслуживает изучения в связи с возросшим в современных условиях значением для нашей страны российско-китайского делового сотрудничества. Проблема совпадений и несовпадений ценностей разных культур должна более системно изучаться для активизации вышеназванного сотрудничества.

Ключевые слова: специфика китайского менеджмента, кросс-культурная интеграция, система стратегического управления Alibaba Group

Для цитирования: Кандалинцев В. Г. Китайский стиль управления: кросс-культурная интеграция. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 112–120. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-112-120

CHINESE MANAGEMENT STYLE: CROSS-CULTURAL INTEGRATION

Vitaly G. Kandalintsev

¹ Кандалинцев Виталий Геннадьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия; kanvital@mail.ru.

Vitaly G. Kandalintsev, Ph.D. (Economy), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kanvital@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-7500-4589

Chinese business has been developing successfully despite the difficulties associated with the pandemic. Last but not least, this success is associated with the formation of an effective synthesis of cross-cultural platforms of corporate culture and modern Western management systems in Chinese companies. The article examines the influence of traditional values on the management of modern Chinese enterprises. This influence is characterized as a 'projection of the provisions of Confucianism, Buddhism and Taoism upon corporate culture. Projections coexist, intertwine and integrate with Western approaches to management. As a result, cross-cultural constructs are emerging that allow Chinese companies to combine both traditional Chinese and Western values, which opens the way to effective management and rapid cross-border expansion of activities. To substantiate this understanding of the modern Chinese management style, the article analyzes the activities of Alibaba Group. The analysis shows that in the latest official reports, the company declares values that are projections of the provisions of Confucianism, Buddhism and Taoism. At the same time, the concept of the «strategy core» is also included in the values, referring to the internationally widely recognized Balanced Scorecard (BSC) strategic management system developed by American specialists R. Kaplan and D. Norton. This paved the way for the practical application of BSC in Alibaba Group, which turned out to be very successful. The experience of the Chinese e-commerce giant deserves to be studied in connection with the increased importance of Russian-Chinese business cooperation for Russia in modern conditions. The problem of coincidences and discrepancies of values of different cultures should be explored more systematically in order to activate the above-mentioned cooperation.

Keywords: specifics of Chinese management, cross-cultural integration, Alibaba Group strategic management system

For citation: Kandalintsev V. G. Chinese Management Style: Cross-Cultural Integration. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 3. Pp. 112–120. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-112-120

ОБЩИЙ КОНТЕКСТ

Традиционная китайская идеология основывается на «трех китах»: конфуцианстве, даосизме и буддизме. Соотношение этих составных частей остается предметом научных дискуссий. Преобладает точка зрения, что значительная часть положений конфуцианства, даосизма и буддизма интегрированы в некоторую целостностную систему неоконфуцианством. Характер такой интеграции определяется по-разному, простираясь от концепции синтеза трех классических учений до концепции ассимиляции неоконфуцианством даосизма и буддизма.

Вместе с тем, как отмечает А. И. Кобзев, в результате соприкосновения с инородной цивилизацией в начале XX века в Китае произошел мощный духовный сдвиг, и «произведенная им интеллектуальная мутация позволяет говорить о современных формах ориентированного на автохтонную традицию философствования, выходящих за границы не только неоконфуцианства, но и конфуцианства в целом» [Кобзев, 2002, с. 24].

Исходя из данного общего контекста, можно говорить о степени влияния традиционных ценностей на современную деятельность в китайском социуме. Они продолжают существенно влиять на мышление, поведение и социальные отношения китайцев, но при этом их влияние сосуществует, переплетается и интегрируется с влиянием западных подходов на конкретно решаемые вопросы.

Результаты такого влияния, выражаемые в соответствующих ментальных установках, поведенческих моделях и социальных конструктах, в настоящей статье будут обозначаться термином

«проекции традиционных ценностей». Названные проекции формируются двумя силами: исторически унаследованной предрасположенностью китайцев к определенному мировосприятию и поведению и активными попытками теоретиков и практиков выявить и актуализировать связь между положениями конфуцианства, даосизма и буддизма и современными реалиями жизни в быстроразвивающемся инновационно ориентированном обществе.

ПРОЕКЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Синг Онг Ю пишет: «Современный китайский стиль управления — это сочетание конфуцианства, даосизма, буддизма и западных философских течений» [Синг Онг Ю, 2018]. В своей книге этот автор, являющийся профессиональным бизнес-консультантом, рассматривает отдельно конфуцианские, даосские и буддистские проекции в китайской практике управления. Проекция — это установка на то, как действовать в той или иной ситуации, основываясь на соответствующих положениях традиционных учений. Такая установка должна быть принимаемой бизнес-сообществом Поднебесной и достаточно распространенной в нем. Вот три примера.

Конфуцианская проекция. Конфуций сказал: «Успех зависит от подготовки, а без нее поражение неизбежно». Установка: «Занимаясь бизнесом в современных условиях, следует хорошо подготовиться к трудностям. Чтобы быть готовым к любым невзгодам, менеджер все время должен заниматься планированием сценариев».

Даосская проекция. Лао Цзы сказал: «Людьми трудно управлять оттого, что верхи деятельны». Установка: «Необходимо делегировать обязанности и распределять полномочия между сотрудниками».

Буддистская проекция. Буддистский афоризм гласит: «Потерять можно лишь то, за что держишься». Установка: «Руководителям стоит принимать перемены и отойти от старых догм управления» [Синг Онг Ю, 2018].

Проекции не сводятся к разрозненным установкам на тот или иной случай. Они могут принимать комплексный характер конструкта, охватывающего определенную область управленческой деятельности. На Рис. 1 отображены области корпоративной деятельности, в которые традиционные китайские ценности могут проецироваться и тем самым вносить вклад в современный восточный менеджмент.

Рис. 1. Вклад в современный восточный менеджмент [Синг Онг Ю, 2018, глава 6, рис. 7]

Как отмечает Синг Онг Ю, руководители комбинируют разные философии. Поэтому традиционные ценности, проходя через их сознание и выбор, становятся оригинальными конструктами, формирующими основу уникальной корпоративной культуры.

Ярким примером в этом плане стала корпоративная культура китайского и глобального гиганта электронной коммерции Alibaba Group. Ее основным содержанием выступают шесть ценностей², в которых проецируются как традиционные китайские, так и западные подходы.

Первая ценность: «Клиенты на первом месте, сотрудники на втором, акционеры на третьем». Отражает выбор того, что важно, в порядке приоритета. Компания декларирует, что «только создавая устойчивую ценность для клиентов, сотрудники могут расти, а акционеры достигать долгосрочной выгоды». Это узнаваемая установка западной системы стратегического управления Balanced Scorecard (BSC), которую применяет Alibaba Group. В работах создателей BSC Роберта Каплана и Дейвида Нортона она обычно формулируется так: «ядро стратегии — ценность предложения клиентам».

Вторая ценность: «Доверие делает все простым». Компания считает, что история Alibaba — это история создания и укрепления доверия. Важность доверия поясняется так: «Сложность порождает сложность, а простота порождает простоту. Сотрудники Alibaba прямолинейны — что вы видите (информация о товаре на интернет-сайте компании — *В. К.*), то и получаете. С доверием нет никаких сомнений или подозрений, и результатом является простота и эффективность». Данная установка есть проецирование конфуцианского понятия «синь» (доверие, благонадежность, истинность). В синь есть два аспекта: соответствие высказывания реальному положению вещей и соответствие высказывания действиям человека в настоящем и будущем [Бальчиндоржиева, 2014]. Такое соответствие является обязанностью сотрудников компании, и оно напрямую ориентировано на выполнение миссии Alibaba «делать легким ведение бизнеса в любом месте».

Третья ценность: «Изменение — это единственная константа». Компания исходит из того, что мир меняется, меняются клиенты и меняется конкурентная среда. Эти перемены должны встречаться с уважением и смирением. Данная установка представляет собой проецирование даосского понятия «чан», принципа или закона, управляющего переменами. Согласно учению, только этот принцип постоянен, т.е. постоянна только переменчивость сущего. В то же время в установке присутствует и буддистский компонент — смирение.

Четвертая ценность: «Сегодняшние лучшие показатели — это завтрашние базовые показатели». По утверждению компании, в самые трудные для нее времена этот дух помогал преодолевать трудности и выживать, породил убежденность, что надо смотреть в будущее, чтобы избежать регресса.

Установку на быстрое развитие с устремленностью в будущее можно одновременно рассматривать и как проекцию положения Сунь-Цзы «в войне самое главное — быстрота» и как принятие ориентации на стратегическое лидерство в BSC. Созвучность традиционных китайских и современных западных ценностей в определенных вопросах возможно, что создает условия для их кросс-культурной интеграции.

Пятая ценность: «Если не сейчас, то когда? Если не я, то кто?» Это был слоган в первом объявлении о приеме на работу в компанию, и он стал первой корпоративной поговоркой. Конечно, это не вопрос, а установка на постоянное присутствие чувства долга и сопричастности, которыми должны обладать сотрудники Alibaba. Эта установка есть проекция высказывания Конфуция «Благородный человек думает о долге, низкий человек заботится о выгоде». Компания дает понять своим сотрудникам, что она рассматривает их как благородных людей и рассматривает на соответствующее поведение с их стороны.

² Alibaba Fiscal Year Annual Report 2021. Alibaba Group. URL: https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1577552/000110465921096324/a21-17183_36k.pdf (дата обращения: 25.06.2022).

Шестая ценность: «Живи серьезно, работай счастливо». Компания призывает своих сотрудников и, более широко, все участников своей экосистемы наслаждаться работой так же, как они умеют наслаждаться жизнью, а к жизни относиться серьезно — как к работе. Практический смысл ценности ясен: работа, совершаемая увлеченно и с удовольствием, более эффективна, чем совершаемая вынужденно и без интереса; жизнь, проживаемая серьезно (с самосовершенствованием и прогрессом в основных аспектах жизненного пути), более эффективна, чем проживаемая хаотично.

В призыве «живи серьезно» содержится намек на конфуцианские пять категорий людей и дается установка на восхождение к высоким категориям, вплоть до пятой категории «совершенных во всех отношениях». С другой стороны, призыв «работай счастливо» является скорее универсальной, присущей не только китайской, но и другим культурам ценностью. Здесь мы имеем дело с кросс-культурной интеграцией в рамках отдельно взятой ценности корпоративной культуры.

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ALIBABA GROUP

По информации Цю Сюэняня, компания применяет систему стратегического управления BSC [Qiu Xuenan, 2020]. На рис. 2 отображена общая логика этой системы, как она представлена ее создателями. Согласно данной логике, первичной в разработке стратегии является миссия, исходя из которой определяются ценности, а на основе ценностей — видение.

Рис. 2. Логика BSC [Каплан, Нортон, 2005, глава 2, рис. 2.2]

Особенностью Alibaba Group является то, что миссия, ценности и видение рассматриваются как части культуры компании. Исполнительный вице-председатель и директор предпринимательского фонда Alibaba Джо Цай сказал об этом так: «В Alibaba культура означает прежде всего, что у вас есть миссия. Во-вторых, вы устанавливаете видение будущего. Третье — это ценности. Эти три вещи формируют нашу культуру»³.

Тем не менее в корпоративную культуру Alibaba Group входит также и отношение к стратегическим результатам. В классической BSC эти результаты перечисляются в порядке составляющих (перспектив), к которым относятся. На стратегической карте первой сверху вниз идет

³ Культурные черты, сформировавшие бизнес Alibaba стоимостью 697 миллиардов долларов. PRC Today. 03.10.2020. URL: <https://prc.today/kulturnye-cherty-sformirovavshie-biznes-alibaba-stoimostyu-697-milliardov-dollarov/> (дата обращения: 25.06.2020).

составляющая «Финансы», соответственно называется результат — «Удовлетворенные акционеры». Вторая составляющая — «Клиенты», результат — «Довольные клиенты»; третья составляющая — «Процессы», результат — «Эффективные и результативные процессы»; наконец, четвертая составляющая — «Развитие», к которой относится результат «Мотивированный и подготовленный персонал». Но какого-то ранжирования важности этих результатов не производится. В Alibaba Group такое ранжирование есть, и оно закреплено в первой из шести ценностей (см. выше).

Все это говорит о том, что корпоративная культура китайского гиганта электронной коммерции имеет ярко выраженный и более идеологизированный характер, чем в обычной деловой практике. Основатель и первый руководитель Джек Ма отказывался считать Alibaba Group «компанией», рассматривая ее как «организацию», которая в будущем изменит мировую торговлю⁴. Но дело, конечно, не в терминах.

Сложный кросс-культурный характер корпоративной культуры компании обусловил уникальную миссию и видение. Миссия «сделать так, чтобы бизнес было легко вести на любом месте» звучит действительно вдохновляюще. А видение, безусловно, производит впечатление своей масштабностью: в 2036 финансовом году Alibaba Group намерена обслуживать 2 миллиарда потребителей по всему миру, дать возможность 10 миллионам предприятий стать прибыльными и создать 100 миллионов рабочих мест.

В этой дерзновенной мечте не последняя роль отводится BSC, в частности, ее механизму реализации стратегии. В общих чертах этот механизм состоит в следующем. На основе видения планируется группа стратегических целей, они визуализируются на стратегической карте, к ним подбираются ключевые показатели, по каждому показателю определяется плановое значение (задача), которое должно быть достигнуто к определенному времени или за определенный период времени. Далее разрабатываются инициативы, позволяющие выполнить поставленные задачи. При этом посредством специальных процедур декомпозиции и каскадирования общекорпоративные цели и задачи доводятся до отдельных подразделений и сотрудников. Это называется переводом стратегии на операционный уровень.

Если корпоративная культура выполняет функцию кросс-культурной интеграции ценностей, то BSC является важным инструментом организационно-управленческой интеграции компании. Эти две интегрирующие платформы активно взаимодействуют друг с другом и выступают двумя основными опорами в реализации миссии и видения Alibaba Group.

Насколько эффективна такая культурно-управленческая архитектура? Цю Сюэнань провел анализ результатов применения BSC в компании в период, непосредственно предшествующий пандемии covid-19. Основные положения этого анализа сводятся к следующему.

Финансовые индикаторы. Определяют, в какой степени удастся оправдать ожидания инвесторов и максимизировать корпоративную стоимость и прибыль акционеров. За период 2015–2018 гг. текущие активы Alibaba Group выросли с 142,1 млрд юаней до 256,9 млрд юаней, а скорректированная прибыль до налогообложения увеличилась за тот же период с 38,4 млрд юаней до 97,0 млрд юаней. По всем меркам хороший результат.

Клиентские индикаторы. Отражают способность компаний предоставлять клиентам удовлетворительные товары и услуги. Согласно первой ценности Alibaba Group («клиенты на первом месте») это наиболее важный аспект работы компании. Обобщающим показателем здесь выступает доля рынка. В первой половине 2018 г. подразделение Tmall смогло занять 52,5%

⁴ Рассанов А. «Мы рождены не работать, а наслаждаться жизнью». Правила бизнеса Джека Ма. *Forbes*. 14/09/2018. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/366757-my-rozhdeny-ne-rabotat-naslazhdatsya-zhiznyu-pravila-biznesa-dzheka-ma> (дата обращения: 25.06.2020).

рынка платформ онлайн-торговли. Это очень значительный результат, свидетельствующий о безусловном лидерстве. Подобные результаты подразделений, входящих в Alibaba Group, говорят о том, компании удается создавать для потребителей предложение высокой ценности.

Индикаторы внутренних процессов. Отражают внутренние бизнес-процессы, которые компании должны выстроить для достижения желаемых финансовых целей, повышения удовлетворенности клиентов и достижения устойчивых инноваций. Наиболее важны два аспекта. Во-первых, уровень применяемых технологий электронной коммерции. Это удобство работы веб-сайта, разнообразие и безопасность способов оплаты, а также система своевременной доставки. Во-вторых, возможность удовлетворять и превосходить потребности клиентов. Оценивается через разнообразие товарных категорий и адекватность товарных запасов. Анализ Цю Сюэняна показал, что и в области внутренних процессов Alibaba Group показала высокие результаты. Достаточно сказать, что для бесперебойной работы веб-сайта компании была организована служба из 30 000 инженеров и технических специалистов, а количество представленных в экосистеме брендов со всего мира превысило отметку 180 000.

Индикаторы обучения и роста. В BSC эти индикаторы измеряют качество и масштабность нематериальных активов организации. Нематериальные активы рассматриваются как корневые ресурсы, благодаря которым обеспечивается прогресс во внутренних процессах, который, в свою очередь, обеспечивает рост ценности предложения клиентам и через это — улучшение финансовых показателей. Обобщающим показателем в составляющей обучения и роста выступает статус персонала, т.е. комплексная оценка того, в какой степени сотрудники компании талантливы, квалифицированы, наделены информационными технологиями и сплочены в стратегическую команду посредством корпоративной культуры и других компонентов организационного капитала. Alibaba Group признала важность своих сотрудников в начале своего создания, поэтому ее льготы для сотрудников высоко ценятся в отрасли. Компания посредством предоставления сотрудникам беспроцентных ипотечных кредитов, субсидий на образование и других мер поощрения создала достаточные стимулы для привлечения классных специалистов и их высокой эффективности в деле реализации корпоративной стратегии.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод: Alibaba Group сумела создать уникальную организацию с яркой кросс-культурной системой ценностей и передовой системой стратегического управления. Правильность подхода Alibaba Group нашла весомое подтверждение в ее высоких показателях в допандемийный период.

Однако и пандемия covid-19, хотя и оказала негативное влияние на деятельность компании, но все же в основном замедлила, но не остановила ее развитие. Так, в 2019 ф.г. чистая прибыль Alibaba Group составила 87,9 млрд юаней, в 2020 ф.г. — 149,4 млрд юаней, а в 2021 ф.г. — 150,6 млрд юаней⁵. Эффект замедления роста чистой прибыли налицо, но постепенный выход из пандемии будет снижать давление на рынки, и компания обретет новые импульсы роста.

ЗНАЧЕНИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНОГО МЕНЕДЖМЕНТА ДЛЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

По мере расширения международных связей китайского бизнеса, особенно в форме совместных предприятий, возрастал в КНР и интерес к обсуждению вопросов кросс-культурного менеджмента (ККМ). В 1996 г. Фу Лию четко обозначил позицию, что ККМ актуален не только

⁵ Alibaba Fiscal Year Annual Report 2021. *Alibaba Group*. URL: https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1577552/000110465921096324/a21-17183_36k.pdf (дата обращения: 25.06.2022).

для западных многонациональных корпораций (МНК), но и вообще для всех компаний с иностранным участием. Включая, разумеется, и китайские. Но при этом, подчеркивал Фу Лию, иностранные инвесторы должны не навязывать свой стиль управления китайскому партнеру, а стараться согласовать его с китайской практикой, насколько это возможно.

Си Сюйдун в 2004 г. высказывал озабоченность, что недостаточность китайских исследований о том, как вести бизнес и управлять в кросс-культурной среде, приводит к существенным ограничениям китайской транснациональной деловой и торговой деятельности. В 2005 г. Чэнь Сяопин констатировал, что многие китайские публикации о КKM основаны на культурно-теоретических и культурно-сравнительных подходах авторитетных западных ученых, в первую очередь Хофстеде [Cramer, 2018]. В последующие годы, однако, получили развитие разработки, касающиеся специфики китайского подхода к бизнесу и путей его интеграции в западные модели управления. Сегодня это направление признается перспективным и применяется в практике китайских компаний.

В новой геополитической ситуации сотрудничество с китайским бизнесом становится еще более важным для России. Для вовлечения в сферу данного сотрудничества большего количества китайских предприятий нужно уделять достаточное внимание вопросам КKM. В фокусе внимания — совпадение и несовпадение ценностей разных культур.

Таблица 1. Проекция православной категории «смирение» на корпоративную культуру и систему управления

Категория (ценность)	Духовный смысл	Какие элементы корпоративной культуры поддерживают	На какой элемент BSC положительно влияют
Смирение	Основной путь к Богу, первое качество, которое ищет в человеке Бог	Терпеливое отношение к трудностям, скромность, отсутствие разочарования при неудачах, стойкость, спокойствие, ровное и уважительное отношение ко всем	Содействуют развитию взаимоотношений с клиентами, ориентируют на постоянный поиск резервов (операционная эффективность), вырабатывают способность к обучению (обучение и рост)

Источник: автор

Примером совпадения традиционных ценностей в российской и китайской культурах является категория смирения. В Таблице 2 приведено описание проекции этой категории в ее православном понимании. Но смирение часто называется в числе базовых ценностей и в китайском предпринимательстве. В книге Синга Онг Ю приводится пример Роберта Куока.

Роберт Куок — очень известный и успешный гонконгский предприниматель. По его словам, он многому научился у своей матери-буддистки. Один из секретов успеха Роберта Куока — смирение. Он говорит, что люди, обладающие внутренним смирением, нравятся ему больше, чем те, кто выставляет свои знания напоказ. Человек смиренный готов признать свои слабости и исправить их. Это и есть секрет его проницательности. Журнал Forbes назвал Роберта Куока одним из самых умных и проницательных предпринимателей в мире [Синг Онг Ю, 2018].

Однако остается и проблема кросс-культурных несовпадений. Генеральный представитель представительства Китайского комитета содействия международной торговле и Китайской палаты международной торговли в РФ Сюй Цзиньли сказал об этом так: «Китай и Россия принадлежат

к разным культурам, поэтому существует немалая разница в морали, мышлении и языке. Существует большая разница в восприятии и поведении граждан двух стран, различаются поступки и торговые обычаи. В результате легко возникают дополнительные противоречия и конфликты»⁶.

Поэтому более тщательное и системное сравнительное исследование традиционных российских и китайских ценностей, их проекций в современные кросс-культурные конструкты корпоративных культур может помочь в более основательном «наведении мостов» в российско-китайском деловом сотрудничестве.

Литература/References

Кобзев А. И. *Философия китайского неоконфуцианства*. М.: Вост. лит., 2002 [Kobzev A. I. *Philosophy of Chinese Neo-Confucianism*. Moscow, 2002 (in Russian)].

Каплан Р., Нортон Д. *Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты*. Пер. с англ. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005 [Original text: Kaplan R., Norton D. *Strategy maps. Converting intangible assets into tangible outcomes*. Harvard Business School Press, Boston, 2003].

Ю Синг Онг. *Азиатский стиль управления: как руководят бизнесом в Китае, Японии и Южной Корее* / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2018 [Original text: Yu Sing Ong. *Art of modern oriental management: applying the Chinese, Japanese and Korean management styles at work*. World Scientific Publishing Co Pte Ltd; Illustrated edition (29 June 2017)].

Бальчиндоржиева О. Б. Категория «искренность» в китайской философии и ее место в концепции развития Китайской Народной Республики. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. 14 (1). С. 14–16 [Balchindorzhiyeva O. B. The category of «sincerity» in the Chinese philosophy and its place in the development concept of the People's Republic of China. *Bulletin of the Buryat State University*. 2014. 14 (1). Pp. 14–16 (in Russian)].

Cramer Tobias. Cross-cultural management in China: competencies of Chinese business students. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*. 2018. Vol. 5. No. 2. Pp. 52–60.

Qiu Xuenan. Application of Balanced Scorecard in E-Commerce Enterprise Performance Management — Taking Alibaba Group as an Example. *Advances in Economics, Business and Management Research*. 2020. Vol. 133. Pp. 37–41.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Культурные черты, сформировавшие бизнес Alibaba стоимостью 697 миллиардов долларов. PRC Today. 03.10.2020. URL: <https://prc.today/kulturnye-cherty-sformirovavshie-biznes-alibaba-stoimostyu-697-milliardov-dollarov/> (дата обращения: 25.06.2020).

Рассанов А. «Мы рождены не работать, а наслаждаться жизнью». Правила бизнеса Джека Ма. *Forbes*. 14/09/2018. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/366757-my-rozhdeny-ne-rabotat-naslazhdatsya-zhiznyu-pravila-biznesa-dzheka-ma> (дата обращения: 25.06.2020).

Alibaba Fiscal Year Annual Report 2021. *Alibaba Group*. URL: https://www.sec.gov/Archives/edgar/data/1577552/000110465921096324/a21-17183_36k.pdf (дата обращения: 25.06.2022).

Захарова Л. Бизнесменам РФ и КНР необходимо понимание особенностей культуры // *Российская газета*. 28.07.2016. URL: <https://rg.ru/2016/07/28/biznesmenam-rf-i-knr-neobhodimo-ponimanie-osobennostej-kultury.html> (дата обращения: 25.06.2020).

⁶ Захарова Л. Бизнесменам РФ и КНР необходимо понимание особенностей культуры // *Российская газета*. 28.07.2016. URL: <https://rg.ru/2016/07/28/biznesmenam-rf-i-knr-neobhodimo-ponimanie-osobennostej-kultury.html> (дата обращения: 25.06.2020).

С. В. Дмитриев¹

© 2022

НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА СВИСТУНОВА

12.06.1930 — 6.09.2022

С прискорбием сообщаем о кончине старейшего сотрудника нашего института, лауреата премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга (2021) Натальи Павловны Свистуновой, проработавшей в Институте востоковедения почти 65 лет, с 1957 по 2021 г.

Наталья Павловна родилась в 1930 г. в Москве, в семье военного инженера. В 1953 г. с отличием окончила отделение Востока исторического факультета МГУ, защитив дипломную работу по теме «Аграрная реформа 1947 г.». С 1953 по 1957 г. училась в аспирантуре МГУ, подготовила диссертацию по аграрной политике первых десятилетий империи Мин (1368–1644). В 1957 г. поступила на работу в Институт китаеведения АН СССР и вскоре была направлена в Китай, в аспирантуру Пекинского университета. В 1960 г. подготовленный Натальей Павловной конспект диссертационной работы был одобрен ученым советом Пекинского университета, и она вернулась в Москву, где стала сотрудником отдела Китая в Институте народов Азии АН СССР. В 1962 г. Н. П. Свистунова защитила кандидатскую диссертацию «Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV в.». В 1987–1989 гг. Наталья Павловна снова прошла двухлетнюю стажировку в Китае — год в Пекинском университете и год — в Народном университете Китая.

¹ Дмитриев Сергей Викторович, старший научный сотрудник ИВ РАН, кандидат исторических наук.

Главным трудом Наталии Павловны стал первый в мире полный комментированный перевод минского кодекса законов *Да Мин люй* 大明律 — важнейшего памятника традиционного китайского права, имевшего юридическую силу на протяжении почти пяти веков. Публикация четырехтомного кодекса заняла больше 20 лет (1997–2019). В 2020 г. за этот труд Н. П. Свистунова была удостоена премии научного руководителя ИВ РАН, а в 2021 г. — премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга.

В трудные 1990-е годы (с 1994 г.) Н. П. Свистунова взяла на себя бремя редактирования сборников «Общество и государство в Китае» и только в 2005 г. передала эстафету более молодым коллегам.

Неумолимое время навсегда разлучает нас с нашими учителями, наставниками и старшими коллегами. Но мы всегда помним о них и будем благодарно продолжать их начинания.

Публикации о Наталии Павловне Свистуновой:

К 85-летию Н. П. Свистуновой // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2015. С. 1016–1022.

К 90-летию Наталии Павловны Свистуновой // Общество и государство в Китае. Том L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2019. С. 9–12.

Дризе Ю. Энциклопедия проступков. В законодательстве средневекового Китая отразилась реальная жизнь // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. № 51 (1697). 17 декабря 2021 г. С. 14.

Избранная библиография

Переводы:

Установления о соли и чае / Пер., вст. ст. и комм. Н. П. Свистуновой / Отв. ред. Р. В. Вяткин. М.: Наука, 1975. 279 с.

Свод законов Великой династии Мин с комментариями и дополнительными постановлениями: законы [по ведомству] церемоний / Введ., пер. и комм. Свистуновой Н. П. // Народы Азии и Африки. 1982. № 1. С. 115–127.

Минское законодательство о государственном аппарате и делопроизводстве / Пер. с кит., вступ. и коммент. Н. П. Свистуновой. // Народы Азии и Африки. 1984. № 6. С. 100–114.

Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (*Да Мин люй цзи цзе фу ли*). Ч. 1 / Пер. с кит., иссл., прим. и прил. Н. П. Свистуновой / Отв. ред. С. Кучера. (Памятники письменности Востока, СХП.1). М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1997. 573 с.

Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (*Да Мин люй цзи цзе фу ли*). Ч. 2 / Пер. с кит., иссл., прим. и прил. Н. П. Свистуновой / Отв. ред. С. Кучера. (Памятники письменности Востока, СХП.2). М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. 408 с.

Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (*Да Мин люй цзи цзе фу ли*). Ч. 3 / Пер. с кит., введ., прим. и прил. Н. П. Свистуновой / Отв. ред. С. Кучера. (Памятники письменности Востока, СХП.3). М.: ИФ «Восточная литература», 2012. 444 с.

Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (*Да Мин люй цзи цзе фу ли*). Ч. 4 / Пер. с кит., введ., примеч. и прил. Н. П. Свистуновой. (Памятники письменности Востока, СХП.4). М.: Изд-во вост. лит., 2019. 550 с.

Монография и статьи:

Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV в. / Отв. ред. Л. В. Симоновская. М.: Наука, 1966. 168 с.

Гибель государства Южных Сунов // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука ГРВА, 1970. С. 271–293 (Изд. 2-е, пер. и доп.: М.: Наука ГРВА, 1977. С. 282–305).

Об исторических взглядах Цзянь Боцзяня и их критике в КНР // Историческая наука в КНР / Отв. ред. Р. В. Вяткин, Н. П. Свистунова. М.: Наука, 1971. С. 217–231 (2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1981. С. 291–305).

Обзор дискуссии о формах земельной собственности в феодальном Китае // Историческая наука в КНР / Отв. ред. Р. В. Вяткин, Н. П. Свистунова. М.: Наука, 1971. С. 82–100 (2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1981. С. 73–90).

Казенное ремесло танского периода (VII–X вв.). Структура, сырье, рабочая сила // История и культура Китая. Сборник памяти акад. В. П. Васильева / Отв. ред. Л. С. Васильев. М.: Наука, 1974. С. 249–274.

Обзор журнала «Минские исследования» (Ming Studies, Minneapolis, 1976, № 2 // Общественные науки за рубежом: Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 1978. № 3. С. 204–208.

State-run workshops in the Tang period (7th–10th Centuries). — China: state and society / Ed. council: Fedoseev P. N. (chairman) et al. Moscow: Nauka, 1985. P. 64–93.

Обзор дискуссии об азиатском способе производства // Общественные науки в КНР / Редколл.: Делюсин Л. П. (отв. ред.) и др. М.: Наука, 1986. С. 370–404.

О значении выражения «юнь цю лян» из минского свода законов («Да Мин люй цзи цзе фу ли») // Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов / Отв. ред., ред. и сост. А. Н. Хохлов, соред. О. В. Зотов. Ч. 1–2. М.: Наука ГРВА, 1986. Ч. 2. С. 86–91.

Соляная монополия при династии Мин (1368–1644 гг.): система управления // Восемнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов / Отв. ред., ред. и сост. А. И. Кобзев. Ч. 1–2. М.: Наука ГРВА, 1987. Ч. 2. С. 89–96.

О нескольких специфических терминах из «Да мин люй цзи цзе фу ли» (К проблеме перевода средневековых китайских источников) // Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов / Отв. ред., ред. и сост. А. Н. Хохлов, соред. О. В. Зотов. Ч. 1–3. М.: Наука ГРВА, 1990. Ч. 1. С. 182–187.

Об императорской фамилии в минском своде законов («Да Мин люй цзи цзе фу ли») // Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов / Отв. ред., ред. и сост. А. Н. Хохлов, соред. О. В. Зотов. Ч. 1–3. М.: Наука ГРВА, 1990. Ч. 3. С. 31–50.

Некоторые соображения о разделе «Таблицы» минского свода законов («Да Мин люй цзи цзе фу ли») // Двадцать вторая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов / Отв. ред., ред. и сост. А. Н. Хохлов. Ч. 1–3. М.: Наука ГРВА, 1991. Ч. 1. С. 164–177.

Император в своде законов // Двадцать четвертая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов / Отв. ред., ред. и сост. А. Н. Хохлов. Ч. 1–2. М.: Б. и., 1993. Ч. 1. С. 89–98.

Рабство в Китае в XIV–XVII веках по материалам свода законов династии Мин «Да Мин люй цзи цзе фу ли» // Двадцать пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Ред. и сост. Н. П. Свистунова. М.: Б. и., 1994. С. 20–38.

Из истории соляной монополии в Китае: создание и функционирование системы *кай-чжун* в период правления Чжу Юань-чжана // Двадцать шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. М.: Б. и., 1995. С. 47–69.

Краткий очерк истории создания минского кодекса (*Да Мин люй*) // Двадцать седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. М.: Б. и., 1996. С. 72–88.

Загадки статьи четвертой минского кодекса («*Да Мин люй*») // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. Ч. 1–2. М.: ИВ РАН, 1998. Ч. 1. С. 128–141.

Некоторые проблемы семейно-брачных отношений в периоды Цин и Мин (по материалам законодательных кодексов) // XXIX научная конференция «Общество и государство в Китае» / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. М.: ИД «Муравей», 1999. С. 79–95.

Об одном частном казусе и некоторых общих проблемах законодательства династий Юань и Мин // XXX научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2000. С. 44–58.

К вопросу о неоднородности чиновничества в минскую эпоху и переводе названий некоторых его групп на русский язык // XXXI научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2001. С. 71–90.

Законы о наследовании в минских кодексах *Да Мин лин* и *Да Мин люй* // XXXII научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 88–115.

К вопросу о переводе и интерпретации китайских источников: на примере законодательных статей о частной внешней торговле в минскую эпоху // XXXIII научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2003. С. 70–80.

Несколько замечаний о переводе *Тан люй шу* и // XXXIV научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2004. С. 259–288.

Организация государственной почтовой службы в Минской империи (23.I.1368–25.IV.1644) // XXXV научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2005. С. 126–150.

Се тянь-цзюнь // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. А. Титаренко. Т. 2. Мифология. Религия / Ред. М. А. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Аникеева. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2007. С. 565–566.

Об интерпретации одного пассажа из танского и минского кодексов законов // XL научная конференция «Общество и государство в Китае» / Гл. ред. А. А. Бокщанин, сост. и отв. ред. С. И. Блюмхен. М.: ИВ РАН, 2010. С. 123–129.

«Финансовая реформа» 1404 года: ее истоки и последствия // XLI научная конференция «Общество и государство в Китае» / Гл. ред. А. А. Бокщанин, сост. и отв. ред. С. И. Блюмхен. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2011 (Ученые записки Отдела Китая. Вып. 3). С. 128–142.

Термин *里老* *ли лао* в *Да Мин люй цзи цзе фу ли* (к проблеме перевода) // XLII научная конференция «Общество и государство в Китае» / Гл. ред. А. И. Кобзев, сост. и отв. ред. С. И. Блюмхен. М.: ИВ РАН, 2012. Ч. 1–3 (Ученые записки Отдела Китая. Вып. 6–7). Ч. 1 (Ученые записки Отдела Китая. Вып. 6. Т. 1) С. 288–299.

Глава 18 «Разбой и воровство» «Законов Великой династии Мин» // 47 научная конференция «Общество и государство в Китае». Том XLVII. Ч. 2 (Ученые записки Отдела Китая. Вып. 23). М.: ИВ РАН, 2017. С. 108–226.

Защита человеческой жизни в праве минской эпохи: перевод главы 19 «Законов Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений» (Да Мин люй цзи цзе фу ли) // 48 научная конференция «Общество и государство в Китае». Том XLVIII. Ч. 2 (Ученые записки Отдела Китая. Вып. 28). М.: ИВ РАН, 2018. С. 479–522.

Из истории минского законодательства: кодекс «Да Мин лин» // 50 научная конференция «Общество и государство в Китае». Том L. Ч. 1 (Ученые записки Отдела Китая. Вып. 34). М.: ИВ РАН, 2020. С. 156–185.

Редакторская работа:

Историческая наука в КНР / Отв. ред. Р. В. Вяткин, Н. П. Свистунова. М.: Наука, 1971. 303 с. (2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1981. 357 с.)

Роль традиции в истории и культуре Китая / Ред. Л. С. Васильев, В. Н. Никифоров, Н. П. Свистунова. М.: Наука, 1972. 376 с.

Двадцать пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Ред. и сост. Н. П. Свистунова. М.: Б. и., 1994. 311 с.

Двадцать шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. М.: Б. и., 1995. 353 с.

Двадцать седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. М.: Б. и., 1996. 258 с.

XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. Ч. 1–2. М.: ИВ РАН, 1998. 474 с.

XXIX научная конференция «Общество и государство в Китае» / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. М.: ИД «Муравей», 1999. 325 с.

XXX научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2000. 255 с.

XXXI научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2001. 272 с.

XXXII научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. 366 с.

XXXIII научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2003. 286 с.

XXXIV научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2004. 304 с.

XXXV научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2005. 311 с.

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-126-131

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БАРТОЛЬДОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН,
МОСКВА, 9–11 НОЯБРЯ 2022 г.**

© 2022 **А. Д. Васильев, А. В. Горяева, О. М. Курникова, Н. К. Чарьева**¹

В настоящей статье представлен обзор научной конференции с международным участием «Бартольдовские чтения», которая состоялась в Москве, в Институте востоковедения РАН, 9–11 ноября 2022 г. и стала продолжением многолетней научной традиции. В работе конференции приняли участие ученые из разных стран, таких как Россия, Сингапур, Грузия, Азербайджан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан. Россия на конференции была представлена исследователями из многочисленных регионов и городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Екатеринбургa, Нижнего Новгорода, Уфы, Липецка, Республики Бурятия (Улан-Удэ), Республики Дагестан (Махачкала), что свидетельствует о большом интересе к заявленной тематике конференции. За три дня работы конференции было заслушано более 60 докладов отечественных и зарубежных специалистов. Мероприятие началось с торжественных приветствий руководства Института востоковедения РАН участниками конференции. На пленарном заседании прозвучали доклады ветеранов «Бартольдовских чтений». В выступлениях они говорили о возобновлении проведения конференции, о традициях и преемственности, о роли «Бартольдовских чтений» в отечественном востоковедении, вспоминали прошлые конференции и их организаторов Елену Абрамовну Давидович и Дмитрия Дмитриевича Васильева. Секции на конференции были сформированы по принципу тематической, региональной и временной близости исследований в докладах участников: «Научное наследие В. В. Бартольда», «Источниковедение истории стран Востока», «Духовная культура народов Востока в отражении исторических памятников», «Эпиграфика, нумизматика, ономастика». По итогам

¹ Васильев Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, зав. Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. Vasilyev, PhD (History), Head of Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru. ORCID 0000-0003-2947-4413

Горяева Любовь Витальевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; L.goriaeva@yandex.ru

Lyubov V. Goryaeva, PhD (Philology), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; L.goriaeva@yandex.ru ORCID: 0000-0002-4744-6005

Курникова Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; lineroxana@inbox.ru

Oxana M. Kurnikova, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lineroxana@inbox.ru ORCID 0000-0001-9593-8912

Чарьева Наталья Какабальевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ailatan_51@mail.ru

Natalia K. Charyeva, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ailatan_51@mail.ru ORCID 0000-0002-3057-4713

конференции организаторы готовят сборник докладов и сообщений. Проведение следующих «Бартольдских чтений» предварительно запланировано на 2024 год.

Ключевые слова: В. В. Бартольд, чтения, востоковедение, источниковедение, историография

Для цитирования: Васильев А. Д., Горяева Л. В., Курникова О. М., Чарыева Н. К. Научная конференция «Бартольдские чтения». Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 126–131. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-126-131

**SCIENTIFIC CONFERENCE «BARTHOLD READINGS»
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES, MOSCOW, NOVEMBER 9–11, 2022**

Alexander D. Vasilyev, Lyubov V. Goryaeva, Oxana M. Kurnikova, Natalia K. Charyeva

This article presents an overview of the «Barthold Readings» scientific conference with international participation held on November 9–11, 2022 at the Institute of Oriental Studies, Moscow. The conference was attended by scholars from a number of countries — Azerbaijan, Georgia, Kyrgyzstan, Russia, Singapore, Tajikistan, and Uzbekistan. Russia was represented by research-fellows from Moscow, St. Petersburg, Kazan, Yekaterinburg, Nizhny Novgorod, Ufa, Lipetsk, Ulan-Ude (Republic of Buryatia), and Makhachkala (Republic of Dagestan). This shows a great interest in the declared topics of the conference. During the three days of the conference, more than 60 reports by domestic and foreign specialists were discussed. The event began with a welcome greeting by the academic head of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences to the participants of the conference. Reports of veterans of the Barthold readings were presented at the plenary session. Their presentations highlighted the importance of readings renewal, their traditions and role in Russian Oriental studies, paying tribute to their founders — Elena Abramovna Davidovich and Dmitry Dmitrievich Vasilyev. The Conference panels set up was designed by regional, thematic, chronological criteria as follows: «V. V. Barthold's Academic Heritage», «Source Studies of the History of the East», «Spiritual Culture of the Nations of the East in the Reflection of Historical Scripts», «Epigraphy, Numismatics, Onomastics». It is planned to publish a collection of reports and materials of the Conference participants. The next «Barthold Readings» are tentatively scheduled for 2024.

Keywords: V. V. Bartold, readings, Oriental studies, source studies

For citation: Vasilyev A. D., Goryaeva L. V., Kurnikova O. M., Charyeva N. K. Barthold Readings. Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2022. 3. Pp. 126–131. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-126-131

С 9 по 11 ноября 2022 г. в Институте востоковедения РАН (Москва) состоялась научная конференция с международным участием «Бартольдские чтения». Инициатива по проведению конференции принадлежит Отделу истории Востока, в ее организации активное участие приняли сотрудники Отдела письменных памятников народов Востока, а также Центра исламских рукописей им. Шейха Зейда.

«Бартольдские чтения» 2022 г. были задуманы как возобновление серии традиционных для советского востоковедения конференций, посвященных источниковедению и историографии народов Востока. С 1974 по 1993 г. в под общим руководством Е. А. Давидович и Г. Ф. Гирса было организовано десять конференций, объединенных такими темами, как «Изучение В. В. Бартольдом истории Средневекового Востока и современное состояние востоковедения», «Товарно-денежные отношения на Средневековом Востоке», «Письменные памятники по истории Ближнего и Среднего Востока», «Духовенство и политическая жизнь на Ближнем

и Среднем Востоке в период феодализма», «Восточное историческое источниковедение: теория, методы, конкретные исследования», «Восточное историческое источниковедение и специальные дисциплины», «Формы феодальной земельной собственности и владения на Ближнем и Среднем Востоке».

Несмотря на ряд попыток, «Бартольдские чтения» практически не проводились до недавнего времени. В то же время существовала необходимость возобновить конференции, где был бы представлен весь спектр востоковедных исследований классического цикла в полном соответствии с форматом этого прославленного форума.

В работе конференции приняли участие около 60 специалистов, которые представляли востоковедческие центры России и других стран: Казанский федеральный университет, Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязева, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа), Кыргызско-Турецкий университет «Манас» (Бишкек), Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), Худжандский государственный университет (Худжанд, Таджикистан), Сингапурская Академия корпоративного менеджмента (Сингапур), Институт Китая и современной Азии РАН (Москва), Нижегородский национальный государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород), Институт российской истории РАН (Москва), Институт востоковедения им. акад. З. М. Буниятова НАН Азербайджана (Баку), Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк), Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва), Российский государственный гуманитарный университет (Москва), Государственный университет Илия (Тбилиси), Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), Дагестанский государственный университет (Махачкала), Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН (Махачкала), Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Москва), факультет иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва), Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва).

Мероприятие открылось торжественными приветствиями академика РАН, научного руководителя ИВ РАН В. В. Наумкина, директора ФГБУН ИВ РАН А. К. Аликберова, заместителя директора по науке ФГБУН ИВ РАН Н. Г. Романовой. Пленарное заседание открыл ветеран «Бартольдских чтений» Д. В. Микульский сообщением о работе над базой данных тем и сюжетов арабо-мусульманских династийных хроник. Заведующий Отделом истории Востока ИВ РАН А. Д. Васильев (секретарь оргкомитета) сделал сообщение о развитии «Бартольдских чтений» и их роли в отечественном востоковедении. Заведующий Отделом памятников письменности народов Востока В. Н. Настич представил доклад о состоянии нумизматики в Центральной Азии, вызовах и проблемах, которые стоят перед исследователями и интересных перспективах дальнейших изысканий. Председатель Оргкомитета Л. В. Горяева выступила с докладом о малайских исторических хрониках как особом литературном жанре малайской литературы.

Первое секционное заседание было посвящено научному наследию академика В. В. Бартольда. Особый интерес вызвал доклад Р. М. Валеева, Р. З. Валеевой, О. Д. Василюк и С. А. Кириллиной о переписке В. В. Бартольда и А. Е. Крымского. Авторы, используя материалы российских и зарубежных архивов, обнаружили активную переписку двух крупных востоковедов по вопросам советской политики на Востоке в 1920-е гг., роли Коминтерна и отношения

его руководства к востоковедческим кадрам старой России, а также научные дискуссии по вопросам историографии истории Востока.

К. Ш. Табалдиев рассказал о новых исследованиях тех историко-культурных объектов, которые были посещены и описаны В. В. Бартольдом во время одной из его поездок в Туркестан в конце XIX в. Опыт с повторным посещением и дообследованием памятников рунической письменности, осмотренных В. В. Бартольдом, дал новые материалы, позволившие уточнить прочтение ряда памятников. Подобный подход видится весьма перспективным для исследователей. Внимание участников привлек доклад В. В. Тишина, который, развивая концепцию В. В. Бартольда о противопоставлении простого народа и аристократии у древних тюрков, уточнил значение термина «qara bodun» («простой народ»), указав на полисемантическую природу слова «qara» в тюркских языках. Продолжилась сессия выступлением Л. А. Чвырь, известной исследовательницы уйгуров. Людмила Анатольевна сообщила о круге общения В. В. Бартольда во время его командировок в Центральную Азию, обрисовав сферы интересов адресатов и корреспондентов крупного востоковеда. Интересный доклад был представлен М. Х. Закировой, рассказавшей об участии В. В. Бартольда в работе Туркестанского отдела РГО, в частности, о подготовке исследования Аральского моря и его гидрографии по мусульманским средневековым источникам. Доклад сопровождался показом карт и иллюстраций. Секцию завершил доклад А. Ю. Быкова, посвященный разграничению территории Центральной Азии. Выступление было связано с проведением национальных границ между советскими республиками Центральной Азии и вызвало дискуссию в связи с представленными автором многочисленными архивными документами по исследуемой теме.

Секция «Источниковедение истории стран Востока» открылось докладом А. А. Туранской о находке и изучении петербургской рукописи известного тюркского текста буддийской сутры «Алтун Ярук». Созвучным этой теме оказался и доклад И. А. Зайцева, посвященный эволюции буддийских санскритских и палийских царственных надписей на votивных табличках. В докладе была рассмотрена эволюция царственных формул и изменение тронных имен царей. Особый интерес участников вызвало сообщение И. П. Глушковой, которая представила княжеские фотоальбомы периода британской колониальной власти в Индии. Был рассмотрен в качестве примера альбом княжества Двар, прославлявший правителя княжества, подчеркивавший его древнюю историю и демонстрировавший лояльность к британским властям.

В докладе В. В. Прудникова о роли тюрков-сельджуков в Малой Азии XI в. была прослежена эволюция власти сельджуков от завоевания к обустройству и развитию захваченных территорий. Д. М. Тимохин рассказал о Катаванской битве 1141 г. в мусульманских исторических источниках XII–XIII вв., рассмотрев мотивы имевших различные политические пристрастия авторов и нюансы описания хода битвы. Ю. В. Дробышев рассмотрел идеологические аспекты монгольского мирового доминирования в изложении известного средневекового хрониста Рашид ад-Дина, который стремился подвести идеологическое обоснование под идею господства монголов над завоеванными народами.

Заседание секции продолжилось 10 ноября 2022 г. выступлением Ю. Е. Верпининой, которая представила образ «Другого» на примере родственных отношений на Востоке в восприятии раннесредневекового хрониста Григория Турского. С. А. Маслова рассказала о кратком собрании ханских ярлыков русским митрополитам, выделив из данного типа источников массивы разнообразных данных о социальном, экономическом и политическом положении высшего духовенства в средневековой Руси в контексте его связей с политической элитой Золотой Орды. Ю. А. Аверьянов привел особенности описания дервишей в средневековом мистическом

трактате Ибн ас-Сараджа «Поощрение душ и сердец», обрисовав образы безумных дервишей и стилистические особенности их изображения. Г. А. Гафгазлы рассказала о рукописи Ибн Тагриберди «Ан-нуджум аз-захира фи мулук Миср ва ал-Гахира», которая является одним из важных источников по истории изучения мамлюкского правления в Египте глазами одного из мамлюкских чиновников тюркского происхождения. М. А. Овчинникова выявила и проанализировала источники, которыми пользовался составитель монгольский летописи XVIII в. «Хрустальные четки» Рашипунцаг. О. М. Курникова сделала доклад об изучении истории и археологии Крыма после присоединения его к России в 1783 г., об образовании Таврической Ученой Архивной Комиссии (ТУАК) и публикациях архивных документов и материалов на страницах «Известий Таврической Ученой Архивной Комиссии (ИТУАК)», которые представляют начальный период Крыма в составе Российской империи. А. С. Горбаченко рассмотрела один из образцов японской беллетристической прозы начала XX в. — «Тауэр» Нацумэ Сосэки как источник для изучения Великобритании и ее культуры в японском обществе эпохи индустриализации. Е. П. Лекарева посвятила свое выступление анализу травелогов и писем Рабиндраната Тагора, уделив первостепенное внимание политическим аспектам его переписки и вовлеченности его и его адресатов в социально-политические процессы в Индии. А. В. Рягузова привела информацию о новых архивных источниках касательно разногласий в политических программах индийских революционеров В. Чаттопадхья и М. Н. Роя (преимущественно из российских архивов). Известный исследователь советской политики в Афганистане Ю. Н. Тихонов рассказал о перспективах исследований советской политики в отношении Афганистана 1921–1930 гг. в российских архивах, подчеркнув важность привлечения архивных материалов РГАСПИ, АВПр, ГАРФ и перекрестного анализа их материалов при изучении советско-афганских отношений.

Третья секция «Бартольдских чтений» — «Духовная культура народов Востока в отражении исторических памятников» открылась докладом О. А. Соколова «Франки в арабском народном романе *Sirat Dat al-Nimma*: эмотивный анализ образа», в котором проанализирован образ европейцев в современных приключенческих арабских романах. Примечательно, что под собирательным названием «Франки» упоминаются все жители Западной Европы, а их образ в основном носит негативную эмоциональную окраску. Д. В. Дубровская в своем докладе рассказала о том, как европейский проповедник Маттео Риччи использовал трактат «О дружбе» в целях укрепления влияния миссии иезуитов в Китае, для получения расположения высших китайских сановников снабдив его многочисленными аналогиями между христианскими и конфуцианскими идеологическими установками. Интересным графическим рядом снабдил свой доклад П. В. Башарин, рассказавший об образе волшебного дракона Тиннина (Ганнина) в мусульманской, конфуцианской и христианской традиции. Завершилась секция докладом Н. В. Сафоновой, отражающим особенности формирования образа жителей Кавказа в советской историографии.

Работа конференции 11 ноября была почти полностью посвящена вопросам эпиграфики, нумизматики и ономастики.

Заседание открылось выступлением А. В. Акопяна. Докладчик на основе нумизматических данных попытался восстановить историю правителей города Ахлат и их взаимоотношений с местным населением и сельджукскими правителями. Созвучным ему оказалось выступление Е. Гюнашвили, которая рассмотрела иранскую ономастику в грузинской эпиграфике средневековья. Продолжил секцию блок докладов, посвященных рукописям. Так, Т. А. Анисеева и И. А. Чмилевская сделали доклад о тюркских рукописях из частных коллекций одного из дагестанских селений Алхаджикента. А. З. Танеева-Саломатшаева представила найденную ею

в одном из индийских документохранилищ уникальную средневековую индийскую рукопись, которая содержит стихотворения великих средневековых поэтов Индии Амира Хусрава Дехлави и Амира Хасана Дехлави. А. А. Туранская и М. А. Козинцев в совместном сообщении рассказали об истории эстампажного копирования древнетюркских рунических надписей по материалам фонда Центральной Азии и Сибири ИВР РАН. Уникальные эстампажи XIX — начала XX вв. сохранились в коллекции ИВР РАН и остаются не только уникальными образцами научной методологии начала индустриальной эпохи, но и ценными источниками, позволяющими уточнить прочтения памятников древнетюркской рунической письменности. Ш. Ш. Шихалиев и И. А. Чмилевская посвятили свое выступление эпиграфике некрополя последних Мехтулинских ханов в Дагестане. Особенностью данного некрополя стали стилизованные изображения принадлежавшей покойным утвари, высеченные на надмогильных памятниках. Р. С. Абдулмажитов сообщил об опыте изучения надмогильной эпиграфики на примере памятников, принадлежавших воинским чинам и гражданской администрации укрепления Кумух в горном Дагестане. В. В. Тишин совместно с Б. З. Нанзатовым в совместном докладе провели параллели между тюркским этнонимом «чигил, чумул» и монгольским «цонгоол, сонгоол», отметив схожесть и близость данных этнонимов и предположив их общее происхождение. А. М. Салгиреев рассказал о проведенном им сравнительно-историческом анализе произведения Йусуфа ал-Мускури «Тифл ал-Ма'ан» с некоторыми анонимными рукописями дагестанских коллекций, выявив общее и особенное, в частности перекрестные ссылки и скопированные элементы произведений. М. А. Лебедев представил снабженный обширными иллюстрациями доклад об эволюции методов цифрового копирования и обработки древнеегипетской эпиграфики, где были обобщены основные итоги его многолетних усилий по развитию методик фотограмметрии и копирования памятников Древнего Египта. Тихонова О. В. рассказала об испанских прозвищах арабов — жителей средневековой Испании на примере испанских метрических книг и имущественных документов. Б. А. Китинозв на основании фрагмента карты Рената сделал выводы о бытовании и использовании термина «Калмык», вариантах его нанесения на карты и соответствии с районами проживания представителей ойратского этноса. Т. А. Сафин в ходе своего доклада описал различие в подходах китайской историографии к описанию находящихся на разных этапах социально-политического развития этнических групп Китая, попытавшись провести определенную классификацию этих групп в соответствии с их политическими и экономическими ролями в средневековом китайском обществе. С. В. Тхор рассказала об особенностях перевода малайских средневековых правовых памятников на примере кодекса «Унданг-Унданг Мелака», посвященного морскому праву.

Конференция вызвала большой интерес ученых-востоковедов как научная площадка, позволившая интегрировать различные направления традиционного цикла востоковедческих дисциплин, связанных с изучением памятников письменности народов Востока и исторических источников на восточных языках. Организаторы конференции готовят к печати сборник докладов и материалов. В кулуарах конференции активно обсуждалась возможность организации серии подобных мероприятий с периодичностью раз в два — три года, а также возможность издания тематических сборников материалов в продолжение заложенной организаторами первых бартольдских чтений традиции. Руководством Института востоковедения одобрена идея проведения очередных «Бартольдских чтений» в 2024 г.

С программой и тезисами научной конференции «Бартольдские чтения» можно ознакомиться на сайте ИВР РАН: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=211326> или в библиотеке Института востоковедения.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСЛАМСКАЯ
РЕСПУБЛИКА ПАКИСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
(К 75-ЛЕТИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ)»**

© 2022

И. Н. Серенко¹

Данная статья представляет собой обзор международной научной конференции «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)». Мероприятие проходило 26 сентября 2022 г. в Институте востоковедения РАН в смешанном очно-заочном формате с помощью использования платформы Zoom. Выступления и доклады многочисленных участников международной конференции, представленных главой и сотрудниками пакистанской и российской дипломатических миссий в Москве и Исламабаде, членами высокопоставленной делегации пакистанских сенаторов, а также руководителями, сотрудниками и молодыми учеными ведущих аналитических центров, институтов и различных учреждений России и Пакистана, охватывали широкий спектр пакистановедческой тематики. Помимо официальных приветствий и обращений почетных гостей этого международного форума в программе конференции нашли отражение актуальные исследования отечественных и пакистанских ученых по вопросам строительства национальной государственности Пакистана, его современным внутриполитическим, социально-экономическим проблемам, основным направлениям внешней политики страны на глобальном и региональном уровне, включая возможности расширения пакистанороссийских отношений на двусторонней и многосторонней основе с территориально близкими государствами в векторе евразийской интеграции, в том числе за счет реализации крупных совместных инвестиционных проектов. Большое внимание на конференции было уделено необходимости формирования социокультурной коммуникации народов России и Пакистана для роста их взаимопонимания и сближения. Этому вопросу в рамках международной конференции было посвящено отдельное знаменательное мероприятие, проходившее в Восточном культурном центре ИВ РАН. Оно было связано с презентацией трехтомника «Энциклопедии Мухаммада Икбала» (на урду) и торжественной церемонией его передачи в дар Институту востоковедения РАН почетным спикером конференции, председателем Постоянного комитета Сената Пакистана по правам человека, сенатором Валидом Икбалом — внуком выдающегося пакистанского поэта и мыслителя, «Духовного отца Пакистана» Аллама Мухаммада Икбала.

Ключевые слова: «Азиатское возрождение», пакистано-российские отношения, «Пакистанский поток», пакистановедение, Мухаммад Икбал, Валид Икбал

Для цитирования: Серенко И. Н. Международная научная конференция «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)». Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 132–149. DOI:10.31696/2618-7302-2022-3-132-149

¹ Серенко Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; serenko9@mail.ru
Irina N. Serenko, PhD (Education), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; serenko9@mail.ru.
ORCID: 0000-0002-49-49-254X.

**INTERNATIONAL CONFERENCE «THE ISLAMIC REPUBLIC OF
PAKISTAN: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT
(ON THE 75th ANNIVERSARY OF INDEPENDENCE)»**

Irina N. Serenko

This article is a review of the International conference «The Islamic Republic of Pakistan: Problems and Prospects of Development (on the 75th Anniversary of Independence)». The event was held on September 26, 2022 at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in a mixed part-time format by using the Zoom platform. Speeches and reports of numerous International conference participants, presented by the Head and staff of the Pakistani and Russian diplomatic missions in Moscow and Islamabad respectively, members of a high-ranking delegation of Pakistani Senators, as well as of Heads, staff, senior and junior scholars of leading Russian and Pakistani analytical centers, institutes and various institutions, covered a wide range issues on Pakistan studies. Besides the official greetings and addresses by Honorable Guests of this International forum, the conference program also reflected relevant studies of domestic and Pakistani scholars on Pakistan national statehood building, its current inner political, socio-economic problems, the main directions of this country foreign policy at the global and regional level, including the possibilities of enhancing Pakistan-Russia relations on bilateral and multilateral cooperation with the geographically close states in the vector of Eurasian integration by means of major joint investment projects implementation. Much attention at the conference was paid to the necessity of the socio-cultural communication formation between the Russian and Pakistani peoples for the increase of their mutual understanding and convergence. A separate remarkable event was devoted to this issue within the framework of the International conference, which took place at the Eastern Cultural Center of the IOS RAS. It was connected with the presentation of the Three-volume «Encyclopedia of Muhammad Iqbal» (in Urdu) and the solemn ceremony of its donation to the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences by the Honorary Speaker of the conference, Chairman of the of Pakistan Senate Standing Committee on Human Rights, Senator Walid Iqbal — grandson of the outstanding Pakistani poet and thinker, the «Spiritual Father of Pakistan» Allama Muhammad Iqbal.

Keywords: «Asian renaissance», Pakistan-Russia relations, «Pakistan Stream», Pakistan studies, Muhammad Iqbal, Walid Iqbal

For citation: Serenko I. N. International Scientific Conference International Conference «Islamic Republic of Pakistan: Problems and Prospects of Development (to the 75th Anniversary of Independence)». Vestnic Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 3. Pp. 132–149. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-132-149

В Институте востоковедения РАН 26 сентября 2022 г. состоялась международная научная конференция «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)». Этот научный форум был организован сектором Пакистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН при содействии Посольства Исламской Республики Пакистан в Москве. В его работе приняло участие более 60 докладчиков и приглашенных гостей: представители пакистанского и российского посольств в Москве и Исламабаде, высокопоставленная делегация сенаторов Пакистана, а также руководители и сотрудники, молодые ученые ведущих аналитических центров, институтов и различных учреждений России и Пакистана.

Участникам конференции было предложено рассмотреть широкий круг вопросов, связанных с внутренним положением в Пакистане с акцентом на причины и последствия кризиса власти и смены правительств в 2022 году; достижениями и проблемами государства

в социально-экономической и культурной областях; его местом на внешнеполитическом пространстве в динамике непростых современных реалий формирования многополярного мира и перспектив взаимосвязей с соседними государствами региона (Афганистан, Индия, Иран, Китай, Турция), а также с территориально близкой ему Российской Федерацией.

Пленарную сессию конференции открыл и провел руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН профессор **Вячеслав Яковлевич Белокреницкий**. Заместитель директора по научной работе **Наталья Геннадиевна Романова** обратилась к собравшимся со словами приветствия и пожеланиями успешной работы участникам столь важного для укрепления российско-пакистанского сотрудничества научного форума.

В своей вступительной речи по случаю 75-летия независимости Пакистана посол Исламской Республики Пакистан в РФ **Шафкат Али Хан** указал на значительные достижения Пакистана в различных областях, подчеркнул существование политического консенсуса в стране в отношении верховенства закона и конституционной демократии, остановился на важных аспектах оборонной и внешней политики, выделив необходимость урегулирования Кашмирской проблемы для достижения безопасности и мира в регионе Южной Азии. Касаясь двусторонних пакистано-российских отношений, он с удовлетворением отметил их возрастающую траекторию, которая не только позитивна, но и безупречна и не зависит от смены правительств.

В своей приветственной речи на этом научном форуме почетный спикер, Председатель Постоянного комитета Сената Пакистана по правам человека, сенатор **Валид Икбал** подчеркнул необходимость дальнейшего развития многопланового сотрудничества между Пакистаном и Россией, выразил признательность и благодарность России за оказанную ею поддержку по вступлению Пакистана в ШОС, а также за помощь Российской Федерации в связи с беспрецедентными наводнениями в Пакистане. Он отметил важность реализации совместных пакистано-российских соглашений, включая ключевой двусторонний проект магистрального газопровода «Пакистанский поток», что позволит, по его мнению, поднять двусторонние отношения на новый уровень. Упомянув в выступлении идею своего деда, выдающегося пакистанского поэта и философа, «духовного отца Пакистана» Аллама Мухаммада Икбала о неизбежности «азиатского возрождения», сенатор подчеркнул, что оно невозможно без России, и выразил надежду на дальнейшее укрепление сотрудничества с Москвой. Вспоминая свои предыдущие визиты в Институт востоковедения РАН для участия в проводимых научных мероприятиях, он выразил большую признательность руководству ИВ РАН за предоставленную ему возможность вновь встретиться в стенах одного из ведущих научно-исследовательских центров мира с известными российскими учеными-востоковедами, специалистами по Пакистану для плодотворного обмена мнениями и выработки практических рекомендаций, направленных на расширение пакистано-российских отношений. (Полный текст его выступления см. Walid Iqbal. С. 150–152.).

С приветственным словом в онлайн-формате к собравшимся в зале ученых советов участникам и гостям конференции обратилась пакистанский дипломат и ученый, Председатель Пакистанского Института международных отношений (Pakistan Institute of International Affairs) в Карачи **Масума Хасан**. Ее институт является старейшим научно-исследовательским центром в Пакистане. Он также отмечает в 2022 г. 75-летие со дня основания. Масума Хасан отметила плодотворное сотрудничество своего института с Институтом востоковедения РАН, важную роль авторитетного российского научно-исследовательского учреждения в проведении комплексных востоковедческих исследований, включая пакистановедческие, которые получили международное признание в научных и дипломатических кругах, в экспертном мировом сообществе в целом. В этом, по ее словам, она могла убедиться сама, принимая участие

по персональному приглашению руководства ИВ РАН в масштабных мероприятиях, проходивших в Москве в 2018 г. по случаю празднования 200-летнего юбилея основания этого старейшего российского научно-исследовательского центра.

В блоке онлайн-докладов на утренней сессии было представлено также 5 выступлений и одно видеообращение.

Зафар Икбал Чима (Исполнительный директор Исламабадского Института стратегического видения (Strategic Vision Institute — SVI) в своем докладе «Взгляд Пакистана на двусторонние отношения и перспективы сотрудничества между Пакистаном и Россией» отметил существенную позитивную трансформацию пакистано-российских отношений за последние годы. Он подчеркнул, что взаимодействие Исламабада и Москвы осуществляется на регулярной основе практически по всем аспектам двусторонних связей. Проведя историческую ретроспективу межгосударственных отношений, он указал на то, что так было далеко не всегда, т.к. взаимодействие двух стран в основном зависело от международной геополитической ситуации, а не от взаимной выгоды двух сторон. Он с сожалением констатировал, что после начала военных действий на Украине растущее сближение между двумя странами отошло на второй план из-за международных санкций в отношении России и попытками заставить Пакистан осудить действия российского руководства. Между тем общая заинтересованность Пакистана и России в достижении стабильной ситуации в Афганистане и ликвидации террористических угроз для реализации различных совместных региональных проектов способствует, на его взгляд, дальнейшему налаживанию двустороннего партнерства в области обороны и безопасности. Перспективной сферой взаимодействия остается сотрудничество в торговле и энергетике, поскольку Россия является «энергетической сверхдержавой», а Пакистан — энергодефицитная страна, нуждающаяся в импортируемых энергоносителях, в том числе и из России. Кроме того, Пакистану следует изучать все возможные варианты наращивания производства энергии, включая в этой связи и атомную, где также открываются возможности двустороннего сотрудничества.

Хаснаин Реза Мирза (Президент Лахорской организации «Экономический форум Золотого кольца» — Golden Ring Economic Forum/GREF) и **Зайнаб Ахмед** (старший научный сотрудник GREF) в совместном докладе «Место и роль Пакистана в глобальных и региональных делах» выразили общее мнение о быстро меняющейся глобальной динамике из-за сложных проблем безопасности, асимметричных конфликтов, экономических вызовов, перекрывающих вопросы суверенитета и территориальной целостности, а также социально-экономических последствий этих угроз. В основе данной переходной фазы лежит, на их взгляд, смещение центров силы с Запада на Азию. Эти реалии усилились в геоэкономике, на которую опирается XXI в., поскольку XX в. принадлежал геополитике. Данный фундаментальный переход повышает стратегическое значение Пакистана, соединяющего евразийское видение с инициативой «Пояса и пути» (ИПП). Острая конкуренция США с Китаем, где США определяют Россию в качестве пагубного фактора, усиливает стремление этих государств к максимальному влиянию в регионе. Индия, естественный и потенциальный приоритет для США в качестве поставщика сетевой безопасности (благодаря основополагающим соглашениям с США о всеобъемлющем сотрудничестве в области логистики, разведки и военных систем), стала ценным партнером для Запада в сдерживании Китая и России. Формирующаяся связь между США, Индией и Израилем в Индийском океане является попыткой окружить Китай и Россию, в которой Пакистан становится передовой мишенью или, при надлежащем использовании и стимулировании, оборонительным заслоном. Дальновидный евразийский подход России и международный транспортный коридор «Север — Юг» являются беспроблемным проектом для вовлечения в него Ирана

и Индии. Однако естественная предрасположенность последней к США и крайне ограниченные возможности Тегерана из-за нормализации арабо-израильских отношений в Ормузском проливе после заключения при содействии Вашингтона соглашений Абрахама могут поставить под сомнение их практическое подключение к проекту. Растущая потребность в региональной взаимосвязанности естественным образом объединяют Китай, Россию, Иран, Пакистан и Турцию для обеспечения взаимной безопасности и процветания. Наиболее важным пунктом в этом соединении является порт Гвадар, обладающий огромным потенциалом обслуживания региональной торговли, взаимосвязанности и выстраивания логистических цепочек с другими региональными торговыми маршрутами, имеющими гораздо лучшие перспективы безопасности. Для России как важного глобального и регионального игрока совместно с территориально близким Пакистаном открываются благоприятные перспективы для получения практических выгод от сотрудничества друг с другом.

Шабир Ахмад Хан (директор Центра региональных исследований Россия, Китай и Центральная Азия, Пешаварский университет) выступил с докладом «Пакистано-российские отношения: сближение, сотрудничество и взаимосвязанность в региональном контексте Центральной Азии». Он подчеркнул, что интересы Пакистана и России решительно совпадают как в центральноазиатском региональном векторе, так и на глобальном уровне в целом. Россия на севере и Пакистан на юге в центральноазиатском региональном контексте приобрели друг для друга дополнительное значение. Постамериканская Центральная Азия предоставляет не только новые возможности для Пакистана, России, Китая и центральноазиатских республик, но и ставит перед ними общие вызовы. Конфликт на Украине еще больше обусловил необходимость ускорения евразийского проекта России, ее продвижения в Азию. События вынуждают Россию открыться в южном направлении через Центральную Азию вплоть до Южной Азии, Аравийского моря и за его пределы. Пакистан сохраняет и поддерживает доверительные отношения с Россией и странами Центральной Азии в рамках выдвинутой «Политики видения Центральной Азии». Она предусматривает создание экономического коридора Север — Юг (Пакистан — Афганистан — Центральная Азия — Россия). Обширная сеть этого коридора в качестве его основных компонентов включает в себя энергетические трубопроводы, линии электропередач, автомобильные дороги, Трансафганскую железную дорогу и экономический коридор Хайберского перевала. Евразийское пространство, по мнению докладчика, быстро интегрируется благодаря китайско-российскому сотрудничеству, которого не наблюдалось в течение прошлого столетия. Пакистан при этом обеспечивает важный выход в «Сердце Евразии». Китайско-российское взаимодействие укрепляет пакистано-российское сотрудничество, что отвечает внешнеполитическим интересам Пакистана. При этом Китай и Россия способны обеспечить стратегическую глубину друг для друга перед лицом общего потенциального противника. Китайско-российское сотрудничество в области безопасности при расширении до военного союза может принести столь необходимый баланс в раздробленный мировой порядок с учетом имеющихся тесных пакистано-китайских связей. Докладчик указал на необходимость закрепления позиций Пакистана в контексте евразийской безопасности, чтобы получить растущие дивиденды по мере дальнейшего развития Евразийского союза, китайской инициативы «Пояса и пути» и Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК).

Им также с удовлетворением было отмечено, что за последние два десятилетия наблюдается положительная динамика в развитии пакистано-российских отношений. Об этом свидетельствуют взаимные визиты на высоком уровне, совместные военные учения, заключенные сторонами соглашения на миллиарды долларов, поддержка Москвой позиции Пакистана

по Афганистану, продажа Россией военной техники Пакистану и т.д. Официальный визит в Москву бывшего премьер-министра Пакистана Имрана Хана в очень сложной ситуации начала российской спецоперации, поддержанный всеми органами государственного управления Пакистана, рассматривается докладчиком в качестве подлинного жеста дружбы со стороны Исламабада, не имеющего аналогов в истории отношений между двумя странами. Интересы Пакистана и России естественным образом совпадают в изменившихся региональных геополитических обстоятельствах, таких как мирный и свободный от наркотиков Афганистан, стабильный и растущий регион бывшей Советской Центральной Азии, развитие коридора Север — Юг из России к Аравийскому морю через Центральную Азию. Присутствие транснациональных террористических групп в Афганистане вызывает общую озабоченность. Подводя итог сказанному, докладчик сделал вывод о том, что Пакистан и Россия нуждаются в дальнейшей консолидации сотрудничества в центральноазиатском региональном контексте для укрепления региональной безопасности и устойчивого взаимодействия.

Шахида Визарат (декан Института управления бизнесом, Карачи) в презентации своего доклада «Укрепление пакистано-российских экономических и стратегических отношений» отметила ведущую роль Российской Федерации на энергетическом рынке с мощной промышленной и технологической базой, указав, что это представляет несомненный интерес для развития двусторонних пакистано-российских экономических отношений. Многоплановое взаимодействие двух государств предусматривает и многосторонний формат сотрудничества в рамках различных международных организаций, включая ШОС, которая играет важную роль в геополитике региона. По мнению докладчика, за последние десятилетия наблюдается оттаивание отношений между Пакистаном и Российской Федерацией, но темпы этого процесса довольно медленные. Санкционные ограничения США и западных союзников в отношении российских финансовых услуг, энергетики, оборонной промышленности и др. негативно сказываются на развитии пакистано-российского сотрудничества. В этих сложных условиях Пакистану и России следует разработать стратегию преодоления санкционного давления с возможностью перехода на бартерную торговлю и взаиморасчет в национальных валютах для расширения экономического сотрудничества. Перспективными направлениями двустороннего взаимодействия могут стать также металлургия, разведка и добыча полезных ископаемых, создание на этой основе перерабатывающей промышленности, использование космических технологий, искусственного интеллекта, технологий беспилотных летательных аппаратов, медицина, сельское хозяйство т.д. При этом экспорт сельскохозяйственной продукции из Пакистана в Россию может быть увеличен за счет принятия Картахенского протокола по биобезопасности к Конвенции о биоразнообразии для защиты от потенциальных рисков, создаваемых ГМО в результате развития современной биотехнологии. Была также высказана идея о необходимости расширения гуманитарного сотрудничества, установления академических связей между университетами и научно-исследовательскими институтами.

Сахибзада Султан Ахмед Али (председатель Мусульманского института — Миссия единства, стабильности и лидерства среди мусульман, Исламабад — Mission of Unity, Stability & Leadership in Muslims/MUSLIM Institute) в своем видеообращении «Отношения Пакистана с Индией. Проблемы Кашмира и Джунгадха» обратил внимание участников конференции на остающиеся сложными пакистано-индийские отношения, в том числе и из-за нерешенности на протяжении всей истории независимости двух государств острых проблем территориальной принадлежности княжеств Кашмир и Джунгадх. При этом сохраняющаяся конфликтная

ситуация между двумя крупнейшими ядерными государствами Южной Азии представляет реальную угрозу региональной стабильности и безопасности.

А. А. Суворова (ИВ РАН) в докладе «Современное искусство Пакистана: генезис и основные тенденции» раскрыла богатый пласт культурного наследия народов Пакистана, его преломление в современном пакистанском искусстве. Она подчеркнула необходимость усиления культурно-гуманитарного взаимодействия между Россией и Пакистаном для роста взаимопонимания народов двух стран и их более тесного многостороннего сотрудничества.

Ф. П. Смоляков (посольство России в Исламабаде, Пакистан), выступивший с докладом «Влияние климатических изменений на внешнеполитические отношения Пакистана» (на англ. яз.), остановился на важности повестки дня в области изменения климата при выстраивании Исламабадом его внешней политики. Данная проблема как никогда актуальна для этого крупного южноазиатского государства, пострадавшего в последнее время от катастрофических наводнений с огромным количеством человеческих жертв и материального ущерба. Руководство страны реально заинтересовано в обеспечении комфортной и безопасной жизни для своего населения, стремится поделиться накопленным в этой связи опытом с международным сообществом. По мнению докладчика, одной из важных платформ для взаимодействия Исламабада по данному вопросу со странами региона является Шанхайская организация сотрудничества.

В. Я. Белокреницкий, подводя итоги пленарного заседания в качестве его модератора, обратил внимание на схожесть обсуждаемых российскими и пакистанскими участниками конференции тем докладов и выступлений, что может свидетельствовать об их актуальности для обеих сторон и искренней заинтересованности двух стран в выявлении новых возможностей и инструментов сотрудничества в сложных условиях мирового переформатирования и противостояния. При этом он выделил несколько периодов в двусторонних отношениях России и Пакистана:

1. 1940–1950 гг. — низкий уровень межгосударственного взаимодействия;
2. 1960–1970 гг. — повышающийся уровень двусторонних связей, связанный с крупным совместным проектом сооружения Карачинского металлургического завода;
3. 1980–1990 гг. — снижение двустороннего сотрудничества после прихода к власти в Пакистане военных и отсутствие новых совместных инициатив взаимодействия;
4. 2000 гг. — наст. вр. — наблюдается развитие многопланового сотрудничества во всех областях, что отмечали в своих выступлениях и пакистанские коллеги.

Кроме того, им также были выделены четыре подсистемы развития двусторонних отношений:

1. Политико-дипломатическая;
2. Военно-политическая;
3. Торгово-экономическая;
4. Культурно-гуманитарная. Последние, по его оценке, к сожалению, являются самыми отстающими в системе двусторонних отношений и требуют к себе повышенного внимания.

В качестве одного из шагов постепенной ликвидации отставания в культурно-гуманитарной сфере российско-пакистанского сотрудничества можно считать состоявшуюся в рамках данной международной конференции знаковую презентацию трехтомника «Энциклопедии Мухаммада Икбала» (Лахор: Восточный колледж, Панджабский университет, 2014. — на урду) с торжественной церемонией его передачи в дар Институту востоковедения РАН сенатором **Валидом Икбалом** — внуком выдающегося пакистанского поэта и мыслителя М. Икбала. Презентация прошла в Восточном культурном центре ИВ РАН. Со словами приветствия к участникам торжественного мероприятия обратились руководитель Восточного культурного центра **А. М. Раванди-Фадаи**, заместитель директора Института востоковедения РАН

Н. Г. Романова, заведующие ЦИС БСВ **В. Я. Белокреницкий** и Отдела литератур народов Азии **А. А. Суворова**.

По случаю презентации «Энциклопедии Мухаммада Икбала» посол Исламской Республики Пакистан в РФ **Шафкат Али Хан** произнес вступительную речь, отметив, что гуманизм Аллама Мухаммада Икбала, его страстное стремление к справедливости и созданию нового мира, основанного на справедливости и законности, сделали этого выдающегося поэта и философа общим достоянием всего человечества.

С пакистанской стороны со словами приветствия к участникам знаменательного в российско-пакистанских отношениях события обратились также члены высокопоставленной делегации Сената ИРП.

Сенатор **Мустафа Наваз Кхокхар** поделился своими мыслями о великой философской традиции М. Икбала, которую тот оставил после себя, о гениальности его интеллекта и сложности выстроенной им философской системы, испытавшей также влияние и западной философии, акцентировав внимание слушателей на творческой пылкости М. Икбала, его уважении к различию мнений. В качестве актуальных аспектов философии М. Икбала докладчиком были выделены идеи «Исламского возрождения» и «Азиатского возрождения». Кроме того, было отмечено значительное влияние, которое великий поэт-философ и суфий продолжает оказывать на жителей его страны, мусульман Южной Азии и молодое поколение в целом. Была выражена благодарность ученым Института востоковедения РАН за их глубокое изучение богатого литературно-философского наследия М. Икбала, способствующего сближению и взаимопониманию народов двух стран.

Сенатор **Анвар-уль-Хак Какар** выразил мнение о том, что будущие поколения извлекут пользу из творческого наследия М. Икбала, поскольку его поэзия не ограничена географическими рамками или каким-то одним языком, будь то урду или персидский, которые стали для него главными средствами передачи богатого литературного и философского творчества многочисленным почитателям. Целью поэзии М. Икбала было объединение человечества не с помощью обычных классических инструментов экономики или политической системы, а с точки зрения создания образа жизни, в котором все живут в многообразии мнений, но при этом мирно сосуществуют.

Свои доклады на презентации представили также ведущий и старший научные сотрудники ИВ РАН **А. А. Васильева** и **И. Н. Серенко**, а также специалист по урду, член Союза журналистов РФ **И. Э. Максименко**.

А. А. Васильева (ИВ РАН) в своем докладе «Место М. Икбала в отечественном востоковедении» (на государственном языке Пакистана — урду), в частности, отметила, что Мухаммад Икбал является одной из величайших фигур XX в., его имя навсегда вошло в мировую культуру. На языке урду существует термин *икбалият* (букв. «икбалиана»), который означает весь корпус литературы, посвященной Икбалу. Мы вправе говорить и о «русском *икбалияте*», имея в виду весьма солидную нишу, которую занимает Аллама Икбал в отечественном востоковедении. Первые работы об Икбале вместе с переводами его стихов на русский язык появились у нас в начале 60-х гг. XX в., и обращение к его творческому наследию с тех пор продолжается непрерывно. Работы таких известных отечественных ученых-востоковедов, как Н. П. Анискина, Л. Р. Полонская, М. Т. Степанянц, А. Д. Литман и др., знакомят наших соотечественников с социально-политическими, религиозными и философскими взглядами М. Икбала. Но пальма первенства в «русской икбалияне» принадлежит филологам, и прежде всего Н. И. Пригариной, получившей мировое признание в области исследования поэтического творчества Поэта Востока

и удостоенной ряда высоких наград за вклад в икбаловедение. Именно в поэзии М. Икбала отражены его философские концепции, политические и социальные взгляды, морально-этические установки. Работы Н. И. Пригариной, основанные на оригинальном материале, открывают русскому читателю художественный мир М. Икбала, поэтически воплотивший мечту об идеальной личности, о справедливом социальном устройстве общества, мечту, вместившую все боли и надежды его времени, актуальную и сегодня. Результаты исследований поэтических текстов вызывают интерес самой широкой аудитории, включая философов и историков. В последние годы совместно с Н. И. Пригариной докладчиком проводится ряд общих работ, в которых они разделили сферы исследований творчества М. Икбала по языковому признаку: за «персидскую часть» поэзии М. Икбала отвечает в основном Н. И. Пригарина, а за произведения на урду — Л. А. Васильева. В качестве примера была приведена одна из последних работ, выполненных в ключе современных установок филологии, где предложен дискурсивно-когнитивный анализ концепта «революция» — одного из основных в творчестве М. Икбала, ставшего маркером перемен в общественно-политической и духовной жизни мусульман Британской Индии. Полученные результаты анализа формализованы в виде *фреймов*. Работы Н. И. Пригариной в области интертекстуальности, раскрывая поэтические связи М. Икбала «во времени и пространстве», помогают осознать его место в мировой литературе. Было выражено мнение о том, что «Энциклопедия М. Икбала» на языке урду является для ученых ИВ РАН бесценным подарком, который, безусловно, во многом поможет востоковедам в их дальнейших исследованиях.

И. Н. Серенко в качестве одного из главных организаторов данного международного научного форума сообщила присутствующим участникам и гостям, что на него была приглашена и ведущий отечественный востоковед, специалист с мировым именем по философии М. Икбала М. Т. Степанянц, которая в связи с болезнью не смогла сама принять участие в этом замечательном событии в научной и культурной жизни двух стран, но передала всем собравшимся свои пожелания успешного проведения работы этой международной конференции с презентацией «Энциклопедии М. Икбала» его внуком В. Икбалом.

Далее, переходя к докладу «Наследие М. Икбала в общественно-культурных связях России и Пакистана» (на англ. яз.), И. Н. Серенко отметила планетарный масштаб литературно-философского творчества М. Икбала, ставшего связующим мостом между Западом и Востоком, неотъемлемой частью мировой культуры в целом. Об этом свидетельствуют многочисленные отечественные и зарубежные исследования, а также международные конференции, посвященные богатому творческому наследию М. Икбала. В их ряду был выделен масштабный Исламабадский международный форум (7–8 ноября 2017 г.), приуроченный к 140-летию со дня рождения М. Икбала, в котором докладчику посчастливилось участвовать в качестве почетного спикера вместе с его внуком, давним другом Института востоковедения РАН и коллегой, профессором престижного Лахорского университета управления бизнесом (Lahor University of Management Sciences — LUMS) Валидом Икбалом. На нем присутствовали свыше 500 участников, включая представителей научных, дипломатических, деловых кругов и студенческой молодежи из 18 стран мира. Было отмечено, что многогранное творческое наследие Мухаммада Икбала можно рассматривать в качестве первоосновы формирования социокультурных связей между Россией (основной правопреемницей бывшего Советского Союза) и Пакистаном. С появлением на политической карте мира 75 лет назад нового государства Пакистан, идейным вдохновителем которого считается поэт-философ Востока М. Икбал, его масштабная личность и наследие постепенно стали ассоциироваться в СССР с этой молодой независимой страной. Совместное изучение философско-поэтического мира М. Икбала отечественными

востоковедами и их пакистанскими коллегами способствовало налаживанию по линии народной дипломатии научно-культурного диалога между двумя странами, который не прерывался даже в сложные периоды истории межгосударственных отношений, выйдя на современную восходящую траекторию многопланового сотрудничества при поддержке официальной дипломатии. Об этом, по мнению докладчика, свидетельствует и данный российско-пакистанский форум с участием представителей научных, дипломатических, парламентских и общественных кругов России и Пакистана.

И. Э. Максименко в своем выступлении «Значимость творчества М. Икбала для сближения народов России и Пакистана» (на урду) подчеркнула, что путь к взаимопониманию народов лежит через культуру, через познание духовных ценностей друг друга. Российские пакистановеды, специалисты по языку урду, глубоко знают творчество Мухаммада Икбала, его важную роль, которую он — «духовный отец нации» сыграл в становлении Пакистана. Эксперт высказала пожелание, чтобы более широкие круги российской культурной общественности знали и понимали значимость великого поэта и философа, что, безусловно, может способствовать сближению народов России и Пакистана.

В рамках второй сессии (модераторы — руководитель ЦИС БСВ ИВ РАН **В. Я. Белокреницкий** и ученый секретарь сектора Пакистана ЦИС БСВ ИВ РАН **И. Н. Серенко**) свои доклады по широкой тематике пакистановедческих исследований и регионально близких Пакистану государств представили ведущие российские ученые и эксперты из академических институтов, центров и организаций.

Н. А. Замараева (ИВ РАН) при раскрытии темы «Пакистан: 75 лет правления гражданских и военных властей» отметила, что первые годы после раздела Британской Индии в августе 1947 г. характеризовались тяжелым экономическим положением, всплеском национализма и сепаратизма. Одновременно был дан старт строительству государственных институтов, парламентской структуры, армии. Формировалась национальная элита, закладывались основы политической культуры, военного истеблишмента, внешней политики. Традиционное для Пакистана жесткое противостояние наблюдалось среди политических партий в борьбе за первые места в центральном правительстве, а также правящего гражданского лагеря и военного истеблишмента. При этом слабость государственных институтов, тяжелое экономическое положение страны, внешняя агрессия среди прочих причин выявляются в качестве общих факторов четырех захватов власти военными в новейшей истории Пакистана, несмотря на уникальность ряда субъективных причин госпереворотов в каждом случае. Каждый раз после прихода к власти военный истеблишмент стремился учредить аффилированные с ним формы конституционного правления — политические партии, референдумы, национальные советы, действовавшие параллельно или вместо парламентских структур. Осознание того, что армия является одним из государственных институтов, а генералитет представляет собой крайне ограниченный социальный срез общества, определяло «временность», иными словами, несостоятельность военного истеблишмента управлять государством в долгосрочной перспективе. С 2008 г. Пакистан стал свидетелем конституционной передачи власти политическим партиям, одержавшим победу на парламентских выборах (2008 г., 2013 г., 2018 г.). Однако военный истеблишмент не ушел из большой политики в Пакистане. Он продолжает формировать экономические и социальные программы, ведет борьбу с террористическими группировками, развивает внешнюю политику, действуя при этом в рамках последней Конституции 1973 года.

И. Н. Серенко (ИВ РАН), раскрывая тему «Россия — Пакистан — Кыргызстан: общая социокультурная память в контексте евразийской интеграции», указала на необходимость

активизации взаимодействия евразийских стран по линии культурно-гуманитарного сотрудничества для роста доверия и взаимопонимания между их народами, создания благоприятных условий наращивания многопланового межгосударственного взаимодействия. И в этом странам стоит опираться на имеющийся у них положительный опыт общей исторической и социокультурной памяти, уходящей в советские времена. Было отмечено, что, несмотря на нарастание в современных условиях глобального противостояния беспрецедентной антироссийской кампании со стороны США и их союзников, среди таких регионально близких государств, как Россия, Пакистан и Кыргызстан, просматривается сохранение ориентированности на реализацию евразийских интеграционных процессов. Они, оставаясь дружественными по отношению друг к другу странами, продолжают поддерживать конструктивный диалог как в двустороннем, так и многостороннем формате в рамках такой евразийской организации, как ШОС. Включенность этих государств в интеграционные процессы на обширном евразийском пространстве при формировании общего социокультурного ареала отвечает их долгосрочным стратегическим интересам в свете постепенного смещения центра мировой политики и экономики в Азию на фоне зарождения новой модели сотрудничества, основанной на принципах равноправия и многополярности мироустройства.

П. В. Топычканов (ИВ РАН, ИМЭМО), выступая с докладом «Эволюция ядерной политики Пакистана в ответ на изменения региональных вызовов безопасности», напомнил участникам конференции, что Пакистан возник спустя два года после начала ядерной эры, ознаменованной бомбардировками в 1945 г. японских городов Хиросимы и Нагасаки. Докладчиком были выделены пять этапов в проводимой в стране политике в области ядерного оружия. Первый длился с 1947 по 1974 г. — с момента получения Пакистаном независимости до так называемого мирного ядерного испытания Индией. В эти годы Пакистан твердо выступал за ядерное разоружение и нераспространение. Формально он продолжал занимать эту позицию и после 1974 г. Но в это время берет начало военная ядерная программа Пакистана. Второй этап (с 1974 г. до начала 1980-х гг.) связан с созданием ядерной инфраструктуры и освоением производственных технологий, когда, по внешним оценкам, включая индийские, Пакистан собрал первые ядерные боезаряды. С этого времени начинается третий этап ядерной политики Пакистана, который может быть охарактеризован как латентное ядерное сдерживание Индии, основанное на скрытом владении несколькими единицами ядерного оружия. В 1998 г. Пакистан провел подземные ядерные испытания в ответ на индийские, открыв тем самым четвертый этап ядерной политики — минимальное ядерное сдерживание. Оно означало развитие ограниченного арсенала и поддержание его в состоянии пониженной боевой готовности. В 2015 г. устами отставного генерал-лейтенанта Халида Кидваи, первого и многолетнего главы Управления стратегического планирования, отвечающего за ядерный арсенал, Пакистан провозгласил переход к политике сдерживания по всему спектру, т.е. к пятому этапу. Эта трансформация означала наращивание ядерного арсенала, создание ядерной триады и повышение оперативной готовности. Для всех периодов военной ядерной политики Пакистана, начиная с 1970-х годов, когда было принято решение о создании ядерного оружия, характерно поддержание высокой неопределенности. Начиная с отрицания ядерных амбиций в течение 1970–1980-х гг. и заканчивая отказом от изложения принципов ядерной политики в форме доктрины, Пакистан создает больше возможностей для адаптации ядерной политики к меняющимся условиям в Южной Азии. Искусственно поддерживаемая неопределенность и гибкость ядерной политики позволяют Пакистану обеспечивать надежное сдерживание превосходящего соперника — Индии. Исходя из динамики развития ядерных арсеналов Пакистана и Индии, следует ожидать перехода в средне- или

долгосрочной перспективе к шестому этапу, означающему оперативное развертывание ядерного оружия на носителях наземного, воздушного и морского базирования.

Н. В. Мелехина (ИВ РАН; МГИМО) в докладе «Позиция Пакистана по Кашмирскому вопросу» отметила, что за почти 75 лет существования этого конфликта позиция Пакистана не претерпела принципиальных изменений. Он выступает за решение спора вокруг Кашмира на основе соответствующих резолюций СБ ООН, закрепивших право кашмирцев на самоопределение. Кашмирский вопрос является изначально не только одной из основ единства пакистанской нации (особенно перед лицом внешней угрозы — Индии, вовлеченной в этот конфликт), но имеет и морально-этическое значение: исламская республика не может отказаться от поддержки единоверцев, особенно единоверцев «угнетаемых», по мнению Исламабада, в индийской части Кашмира. В силу этих причин кашмирский фактор крайне значим во внутренней политике Пакистана. Рассматривая конфликт в Кашмире как один из важнейших пунктов повестки дня в отношениях с Индией, Исламабад неизменно упирает на то, что без решения кашмирского вопроса невозможно в целом успешное и конструктивное развитие отношений с Нью-Дели. Для руководства Пакистана поддержка «кашмирских братьев» — краеугольный камень внешней политики, особенно в исламском мире. В определенные периоды руководство Пакистана демонстрировало некоторую «гибкость» и готовность «уладить» кашмирский вопрос, что в целом улучшало атмосферу взаимоотношений с Индией. Однако внешнеполитические уступки Исламабада всегда имели свои пределы.

Р. Е. Прохоров (ИВ РАН) в своем докладе «Пакистано-итальянские отношения: прошлое, настоящее и перспективы развития» рассмотрел политическое, экономическое и культурное сотрудничество Пакистана с Италией в начале XXI века. Было отмечено, что Италия является многолетним торговым партнером Пакистана и входит в первую десятку стран, в которые Исламабад экспортирует свои товары. В результате проведенного анализа торгово-экономических связей двух государств был сделан вывод о том, что партнерские связи Пакистана с Италией вполне оправданы, поскольку эта страна Европы, обладающая мощным экономическим и ресурсным потенциалом, всегда была дружественно настроена по отношению к пакистанскому государству и развитие двусторонних связей между ними не вступает в противоречие с другими партнерами Пакистана. Отдельное внимание в докладе было также уделено роли трудовых мигрантов из Пакистана, их вкладу в пакистанскую экономику.

Г. Г. Макаревич (ИМЭМО), выступая с докладом «Строительство нации-государства в Пакистане: некоторые замечания», высказал мнение, что Исламскую Республику Пакистан можно считать сконструированной в ходе борьбы за независимость «нацией мусульман», которая действует в искусственно созданных границах, предопределивших сложную структуру взаимоотношений между многими этническими и конфессиональными группами. Усвоив западные (преимущественно англосаксонские) представления о том, как функционируют политические системы, руководство Пакистана пыталось построить национальное государство по европейскому образцу при отсутствии многовековой истории самой нации. Спустя 75 лет после раздела колониальной Индии вопрос об успешности национального строительства в стране остается открытым. Военному и гражданскому руководству Пакистана удалось создать базу для мобилизации населения — Кашмирский вопрос, по которому солидаризируется большинство представителей различных этнических и социальных групп. Но пакистанской военной и гражданской элите не удалось выстроить основу для общественного консенсуса ни по уже решенным вопросам — отделению Восточного Пакистана и созданию независимой Бангладеш, — ни по текущим проблемам, тянущимся с момента основания государства: контроль над зоной проживания

пуштунских племен, граничащей с Афганистаном, сепаратистские настроения и регулярные мятежи в провинции Белуджистан, быстрое распространение радикального исламизма.

Этнические образования (панджабцы, синдхи, пуштуны, белуджи и *мухаджирьы*), которые, как утверждает государственной политикой, составляют «объединенную нацию Пакистана», по сути, состоят из нескольких подгрупп, некоторые исторически имеют больше связей скорее с землей и людьми по ту сторону границы (в Индии), чем в Пакистане. Выходцы из нынешнего штата Уттар-Прадеш в Индии (*мухаджирьы* и их потомки) в настоящее время не входят как главные в политические элиты, хотя представители именно этой группы являлись «отцами-основателями» независимого Пакистана. В то же время народы Синда не порывают связей с локальными сообществами, проживающими на территории Индии. Белуджи и пуштуны также ставят во главу угла межплеменные и межклановые отношения, а не государственные границы.

По мнению докладчика, панджабцы оказались самыми преданными гражданами Пакистана и даже перешли на использование в качестве основного неродного для них языка урду. Они составляют ядро так называемого истеблишмента, куда помимо армии можно отнести представителей судебной власти, гражданскую бюрократию, мусульманское духовенство, богатых землевладельцев. Истеблишмент сам по себе является главным воплощением Пакистана — одновременно искренним сторонником распространяемых о стране нарративов, их создателем и защитником. Вышеперечисленные группы элит, обеспеченные рычагами власти и аккумулирующие в своих руках экономические ресурсы, не готовы принимать во внимание чаяния трансграничных сообществ, имеющих другие представления о возможных траекториях развития страны.

В заключение докладчик сделал вывод о том, что неудача строительства нации-государства по европейскому образцу может объясняться гетерогенностью пакистанского общества, отсутствием исторически сложившегося консенсуса его групп вокруг траекторий национального развития и наличием у одной группы — истеблишмента — непропорционально большого объема власти и экономических ресурсов, позволяющих навязывать свое понимание внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов широким слоям населения.

С. В. Мельникова (ИВ РАН) в докладе «Гибридная политика Пакистана в Кашмирском вопросе» подчеркнула, что проблема принадлежности Кашмира является центральной в индо-пакистанском противостоянии и представляется уникальной для конфликтологического анализа. Многоликость проблемы не позволяет отнести ее к определенному типу конфликта, а также делает ее разрешение практически невозможным. С одной стороны, кашмирский конфликт — это история национального и территориального противостояния между Индией, Пакистаном и Китаем, а с другой — сложный клубок противоречий между многочисленными религиозными, политическими и этническими группами в обеих частях Кашмира. Существенные «линии разлома» — социальные, политические и культурные — делают мир в Кашмире недостижимым на протяжении уже 75 лет. История индо-пакистанского противостояния доказывает, что оно сложнее, чем классический международный конфликт, так как сочетает в себе элементы симметричных и асимметричных войн, тактики конвенционального и неконвенционального ведения боя, включает в себя столкновение регулярных армий и ополченцев, а также активное использование сторонами невоенного ресурса.

Пример Пакистана и его политики в рамках территориального конфликта с Индией является показательным в вопросе изучения гибридных войн и элементов, присущих им. Невозможность политического разрешения кашмирского конфликта, а также неспособность одержать победу в прямом военном противостоянии заставляют Пакистан использовать целый спектр инструментов косвенной борьбы с Индией — от политических и дипломатических мер

до организации диверсий, ведения кибервойны, поддержки кашмирских сепаратистов (или борцов за право на самоопределение) и др.

Докладчик разделяет методы кашмирской политики Пакистана на две большие группы: а) политические, дипломатические, финансовые инструменты и б) военная активность. Поддержка сепаратистских настроений оказалась наиболее эффективным военным методом, способным подорвать позиции Индии. Военные методы дополняются невоенными такими, как дипломатические усилия Пакистана на международных площадках и в рамках двусторонних отношений со странами исламского лагеря, организация давления на Индию в вопросе нарушений прав человека на подконтрольных ей частях Кашмира, а также формирование определенного общественного мнения внутри самого Пакистана.

За 75 лет конфликта пакистанская стратегия в Кашмире окончательно сформировалась: поддержание конфликта низкой интенсивности через использование скрытого военного и невоенного ресурса без прямого военного вмешательства и нанесение тем самым Индии экономического, политического и репутационного ущерба. Согласно пакистанскому видению, такой тлеющий конфликт заставляет Индию использовать значительные ресурсы как для ликвидации боевиков, так и для подавления сепаратистских настроений в Кашмире. Другими словами, Пакистан прикладывает все усилия к тому, чтобы для обеспечения целостности Индии индийскому руководству приходилось сокращать политические права в бывшем штате Джамму и Кашмир (с 2019 г. в союзных территориях Джамму и Кашмир и Ладакх), выделять существенные финансовые средства на поддержание порядка с помощью армии, а также отвечать на регулярные обвинения в нарушении прав человека в Кашмире (действительно имеющие место).

Поскольку присущие гибридным войнам инструменты являются единственными доступными Пакистану, окончательного решения конфликта в Кашмире и восстановления там стабильности в обозримом будущем ожидать не стоит. Трагедия гибридной войны заключается в том, что она воспроизводит сама себя. Так, если сепаратистские настроения сформировались и живы внутри кашмирского общества в результате конфессиональных различий, то перерастание этих настроений в вооруженные столкновения с властями, в террористическую и подрывную деятельность есть отчасти результат пакистанской политики (а отчасти индийской). Агрессивное подавление Индией сепаратистской деятельности, а также ее борьба с пакистанскими боевиками провоцируют пакистанский как военный, так и невоенный ответ, который накладывается на формировавшееся в Пакистане на протяжении последних 70 лет общественное мнение, поддерживающее бескомпромиссную политику по агрессивной защите права кашмирцев на самоопределение. В дополнение политическая система Пакистана оказалась зависима от мнения и поддержки военного аппарата, а многочисленные выступления высокопоставленных пакистанских чиновников по Кашмиру на международных площадках сформировали определенный образ Пакистана, изменить которому было бы сложно.

Создается впечатление, что проблема Кашмира глубже, чем этно-территориальный конфликт. С одной стороны, борьба за Кашмир для каждой из сторон — это борьба за восстановление исторической справедливости, понимание которой зависит от образов, закрепленных в исторической памяти обществ и властей. А с другой — это столкновение региональных амбиций Индии и Пакистана, их взглядов на условия выживания и процветания своей страны и региона, сформированных вследствие секьюритизации сознания. «Дилемма безопасности» предопределяет невозможность разрешения конфликта, так как усиление одной стороны рождает ощущение растущей угрозы у другой и, соответственно, желание сдержать соперника.

Раздел британской Индии стал причиной разрушения политического порядка, строившегося на протяжении многих лет. Этот слом повлек за собой дезорганизацию до этого организованных групп и отношений между ними. Разрешение конфликтной ситуации такого рода также требует разлома сформированной годами комплексной системы отношений. Причем речь идет не только о двусторонних отношениях Индии и Пакистана, но и об отношениях внутри их политических систем, о прочных социальных конструктах, строившихся десятилетиями внутри индийского и пакистанского обществ, сегодня в высокой степени милитаризованных.

Омар Нессар (ИВ РАН) в докладе «Факторы и тенденции в отношениях между правительством талибов и Пакистаном» подчеркнул, что год назад, когда войска США покинули территорию Афганистана и к власти пришли талибы, в экспертном сообществе существовало мнение о небывалом росте влияния Пакистана на ситуацию в Афганистане. В афганских политических кругах популярным стал тезис: США передали контроль над ситуацией в Афганистане Пакистану. Однако анализ взаимоотношений между правительством талибов и Пакистаном свидетельствует о неоднозначном развитии отношений между сторонами. По мнению докладчика, влияние Исламабада на талибов не стоит переоценивать, как, впрочем, и недооценивать тоже.

О. Е. Митрофаненкова (ИВ РАН) представила доклад «Нелегальная наркоторговля в пакистано-афганских отношениях (конец 20 в.— по настоящее время)». Было отмечено, что центр международного наркопроизводства начал формироваться в конце 1970-х гг. в зоне пуштунских племен в районе пакистано-афганской границы. В 1980-е гг. в Пакистане стало стремительно развиваться производство наркотиков, что было связано с дестабилизацией ситуации внутри страны. Тем не менее данный вид деятельности просуществовал в Пакистане только до 2000 г. Благодаря усилиям пакистанского руководства и поддержке международного сообщества нелегальное производство наркотиков было здесь ликвидировано. Однако в соседнем Афганистане, наоборот, наркопроизводство стало набирать обороты в 1990-е гг. В результате последние тридцать лет Пакистан страдает от афганского наркотрафика, т.к. через его территорию пролегают «Балканский» и «Южный» его маршруты.

С. А. Чекалин (МГИМО) в докладе «Афганский вопрос в отношениях Пакистана с международным сообществом» рассмотрел становление и перспективы пакистанской политики интернационализации и инструментализации афганской проблематики, выделил решение афганской проблемы в качестве одной из экзистенциальных задач, стоящих перед Пакистаном, по обеспечению национальной безопасности. В результате проведенного анализа докладчик пришел к выводу, что коэкзистенциальная составляющая внешней политики Пакистана, т.е. усилия по достижению существенной роли на региональной и международной арене, также во многом реализуется через призму афганского вопроса. Это нашло отражение в «Национальной политике Пакистана в области безопасности на 2022–2026 гг.», где указывается на стремление ИРП «поддерживать мир и стабильность в Афганистане в тесном сотрудничестве с международным сообществом».

На сегодняшний день ИРП в большой степени зависит от иностранной помощи, что диктует необходимость «сверять часы» по афганской проблематике как с региональными (Турция, Иран), так и глобальными (США, КНР, Россия) игроками. Официально признать Исламский Эмират Афганистан Исламабад, вероятно, сможет только в случае установления официальных отношений с талибами каких-либо крупных держав. Именно поэтому он ведет активную работу по легитимации нового афганского режима. Так, в марте 2022 г. благодаря активной роли Исламабада было открыто представительство ОИС в Кабуле.

Афганская проблематика выступает одной из неизменных тем двусторонних отношений ИРП практически со всеми странами мира, по-прежнему регулярно она поднимается на различных

международных форумах с участием пакистанской стороны. Более того, официальный подход Пакистана по многим пунктам совпадает с позицией большинства сторон указанных форматов, в особенности России и Китая, что благоприятно влияет на имидж Пакистана как конструктивного игрока на международной арене.

Обобщая сказанное, докладчик отметил, что благодаря прочному консенсусу в военно-политическом руководстве Пакистана о необходимости оказания содействия процессу достижения мирного и безопасного Афганистана, интернационализации этого вопроса, Исламабад — при должных усилиях и политической воле — имеет возможность диверсифицировать международные связи, повысить свою роль в региональной подсистеме международных отношений и достичь целей своего экономического развития в условиях усиления взаимосвязанности Южной и Центральной Азии.

М. С. Каменева (ИВ РАН) в докладе «Английский язык в языковой политике в Иране и Пакистане в эпоху глобализации (взгляд ираниста)» провела сравнительный анализ роли английского языка в общественной жизни двух соседних государств азиатского континента. Ситуация с английским языком в этих странах была показана на фоне функционирования государственного и национальных языков. Была сделана попытка выявить как общие моменты его функционирования в ИРИ и ИРП, в том числе и через призму действующих там законодательных актов, прежде всего конституций, так и особенности его использования в каждой из этих стран, в том числе под влиянием проводимой их руководством языковой политики. При этом также отмечалось возрастание интереса во властных структурах Ирана к русскому языку, а в Пакистане — к китайскому как к языкам, способным в будущем составить серьезную конкуренцию английскому и даже, возможно, сломать его монополию.

И. Е. Федорова (ИВ РАН), раскрывая тему «Ирано-пакистанские отношения на современном этапе», указала на то, что одним из важных внешнеполитических приоритетов Исламской Республики Иран (ИРИ) является развитие отношений с таким серьезным региональным игроком, как Исламская Республика Пакистан (ИРП) — де-факто ядерным государством, обладающим сильной армией. Особое значение эти отношения приобрели после вывода войск коалиции из Афганистана. Несмотря на поступательное развитие политического взаимодействия ИРИ и ИРП, экономическая кооперация между странами осуществляется крайне медленно. Негативное влияние на этот процесс оказывают санкции США. В результате проведенного анализа двусторонних отношений докладчиком был сделан вывод о том, что после вступления в должность нового президента Ирана Э. Раиси и фокусирования внешней политики ИРИ на развитии отношений с сопредельными Ирану странами следует ожидать активизации политики на пакистанском направлении и укрепления ирано-пакистанских политических связей на основе борьбы с терроризмом и взаимодействия в Афганистане.

В. В. Макаренко (ИВ РАН) в своем докладе «Курдско-пуштунские параллели как отражение лимитрофной природы курдского и пуштунских миров» отметил, что так называемые зоны племен (в Османской, Персидской империях, в разного рода структурных образованиях, в той или иной степени охватывавшие территории современного Афганистана, Пакистана, Индии) даже после формального включения этих анклавов в имперские, колониальные и постколониальные структуры долгое время — независимо от типа власти — сохраняли особый статус. Причем важно, что противоборствующие империи брали взаимные обязательства не вмешиваться в дела племен. Отношения в этих зонах отличала внутренняя межплеменная (межклановая) конкуренция, блокирующая их слияние в единое целое (и достижение степени национальной сплоченности), а также их коллективный отпор внешнему вторжению. Эта разобщенность

(disunity) признается многими исследователями, но ее природа не объяснена, поэтому она сводится к проблеме курдской идентичности. Но проблема нуждается в решении, а решение возможно путем сравнения культур (идентичностей), которые существуют или исторически существовали в близких по характеристикам ландшафтных зонах, расположенных в более обширных регионах со специфической композицией. Эта композиция включала районы с высокой продуктивностью территорий, где создавались централизованные образования (имперского типа), и промежуточные лимитрофные территории, которые разделяли эти империи и которые по специфике их гористого ландшафта не обладали возможностями поддержания устойчивого воспроизводства на базе имеющихся там агроклиматических условий крупных образований, поэтому оставались на уровне племен (кланов). Но они нашли выход из такой ситуации, сделав основой своего существования контроль транзитных зон между империями. В таких условиях формировались соответствующие геокультуры, которые приобретали устойчивость, превращаясь со временем в специфичные цивилизации.

М. С. Озманиян (ИВ РАН), отмечая полиэтничность пакистанского государства, сделала попытку проследить «Курдский след в Пакистане». Было отмечено, что на территории Пакистана проживают представители различных народов и национальностей, которые говорят более чем на 60 языках. И одним из малых сообществ среди них являются иракские курды, численность которых, по некоторым оценкам, достигает 250 человек. Большинство из них являются вторичными мигрантами, которые ищут убежище и зарегистрированы в УВКБ ООН, действующем в Пакистане. В 1659 г. курдский историк Ахванд Мхамед Салх Зангани написал книгу «Курд, назови имя свое» ('Kurdbêjname' — на курдском яз.). В ней рассматривается история происхождения белуджей родом из курдской расы. В последние десятилетия у белуджей, как и у курдов, активно развивается движение за национальное самоопределение с требованием независимости от шиитского Ирана, а также Пакистана. Основная причина противостояния в Иране связана с религиозной составляющей, поскольку белуджи являются суннитами. В качестве наиболее известных курдов Пакистана в мировом курдском сообществе были приведены примеры дважды премьер-министра Исламской Республики Пакистан Беназир Бхутто (1988–1990; 1993–1996), а также министра образования (2002–2007) и оборонной промышленности Пакистана Зубайды Джалал Хан (2018–2022). При этом было отмечено, что первая в новейшей истории женщина — глава правительства в стране с преимущественно мусульманским населением Беназир Бхутто была курдянкой по матери Бегум Нусрат Бхутто (Нусрат Исфакхани (1929–2011)). Она известна в Пакистане как «мать демократии» в знак признания ее заслуг в деле борьбы за права женщин и демократические преобразования в стране. Будучи супругой премьер-министра Пакистана Зульф리카ра Али Бхутто (1973–1977), а также первой леди страны (1971–1973), она после казни своего мужа возглавила созданную им Пакистанскую народную партию (1979–1984). Исходя из проведенного анализа, докладчик сделала вывод о том, что, несмотря на небольшую численность курдов в Пакистане, некоторым из них, имеющим курдские корни, в ходе исторической ассимиляции удастся занимать высокие должности во властных структурах и достигать определенной степени самореализации.

В заключительной части модераторами международной конференции **В. Я. Белокре-
ницким** и **И. Н. Серенко** была отмечена комплексность представленных на обсуждение тематических докладов, их практическая значимость для дальнейшего выстраивания многопланового межгосударственного взаимодействия России и Пакистана. Была выражена уверенность в том, что состоявшаяся в Институте востоковедения РАН международная научная конференция, посвященная 75-летию независимости Исламской Республики Пакистан, стала важным

событием в двусторонних отношениях России и Пакистана. На площадке этого ведущего российского востоковедческого научно-исследовательского института отечественным и зарубежным участникам форума была предоставлена возможность высказать ключевые положения и практические рекомендации по дальнейшему расширению российско-пакистанского сотрудничества при объединении совместных усилий официальной, академической и народной дипломатии. Результаты данной международной конференции, по мнению всех выступивших экспертов, несомненно, имеют практическую значимость, способствуя продвижению двусторонних отношений территориально близких друг другу государств на новый уровень стратегического партнерства. Свидетельством тому служат и многочисленные отклики в отечественной и зарубежной прессе о состоявшемся в ИВ РАН международном научном форуме к 75-летию создания Пакистана, участники которого подтвердили курс Москвы и Исламабада на укрепление многопланового взаимодействия государств, несмотря на сложные условия мирового противостояния и агрессивной антироссийской политики коллективного Запада².

Рис. 1. Международная научная конференция «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)»

² Подробнее об этом также см.: Новости ИВ РАН. Международная научная конференция «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)». URL: <https://www.ivran.ru/povosti?artid=210881> (дата обращения: 27.10.2022); News. International Conference «Islamic Republic of Pakistan: Problems and Prospects of Development (to the 75th Anniversary of Independence)». URL: <https://www.ivran.ru/en/news?artid=210973> (дата обращения: 27.10.2022).

**ADDRESS TO THE INTERNATIONAL CONFERENCE AT THE 75th
ANNIVERSARY OF PAKISTAN'S INDEPENDENCE.
26th SEPTEMBER 2022 INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES, MOSCOW**

© 2022 **Walid Iqbal, Senator, Chairman of the Senate Standing Committee
on Human Rights (Pakistan)**

Our Honorable Hosts: Professor Natalya Romanova, Deputy Director, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Professor Vyacheslav Belokrenitsky, Chairman, Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. The Ambassador of the Islamic Republic of Pakistan, His Excellency Mr. Shafqat Ali Khan. My fellow Parliamentarians from Pakistan: Senator Anwaar-ul-Haq Kakar and Senator Mustafa Nawaz Khokhar. Distinguished speakers, scholars, academicians. Ladies and Gentlemen! It is a pleasure and honor for me to be present here at this International Conference dedicated to the 75th Anniversary of Pakistan's independence. Your warm welcome, thoughtfulness and outstanding hospitality continue to win our heart. I would like to compliment and congratulate the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences on successfully hosting this wonderful event and for assembling a galaxy of experts who will be presenting on a wide range of key topics today, both online and in person.

Ladies and Gentlemen! On this auspicious occasion, I wish to make five points before you, and in so doing I will be touching upon many but not all of the themes included in the invitation letter you sent to us a few weeks ago. Ladies and Gentlemen! First and foremost, I would like to express my admiration for the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences as an important and world-famous academic institution. My dear Professors, my dear hosts, I commend you for the diligent investigation of the cultures, history, languages, literature and policies of Eastern countries that is carried out here under your auspices as I am myself directly familiar with the works and the great intellectual command of the scholars involved with this historic research organization. Strong institutions like this lie at the heart of progressive development and a strong framework of international cooperation.

Ladies and Gentlemen! Secondly, looking inwards at my country, as part of a pillar of the state — the legislature — and entrusted with the important subject of Human Rights, I submit to you that, domestically, there is broad consensus, across the political spectrum, across the multiparty system, on the rule of law and supremacy of the Constitution, together with the continuity of the democratic process. Not only that, and not just the political leadership, but the nation as a whole, is now as conscious as ever about, and staunchly supports the upholding and enforcement, of the rights that are promised and guaranteed to it. Such as that, human dignity is inviolable, absolutely and unconditionally. That every person must be protected by law and be treated in accordance with law. That no action harmful to the life, liberty, body, reputation, property or privacy of any person shall be taken except in accordance with law. That every person is entitled to a fair trial and due process.

That no person shall be subjected to torture for the purpose of extracting evidence. That, subject to reasonable restrictions, every citizen has the right to freedom of speech and expression, every citizen has the right to form associations or unions, and every citizen has the right to assemble peacefully and without arms. In submitting all of this to you, I am merely reciting a small selection of fundamental rights that are promised and guaranteed by the Constitution of Pakistan.

Ladies and Gentlemen! I submit to you, thirdly, that as a matter of foreign policy, there is again broad consensus, across the political spectrum, across the multiparty system, that we must promote and continue enjoying good relations with the Russian Federation. There is no doubt that Pakistan-Russia relations are marked by amity, cordiality, trust and mutual understanding. In particular, our relations have made impressive progress over the last two decades, since the start of this millennium. We remain convinced that our bilateral relations serve not only our respective national interests but also contribute to regional security and global stability. As we meet, Pakistan faces devastation at the hands of unprecedented floods that have resulted in huge human and material losses, and we greatly appreciate Russia's expression of solidarity and support. We are also grateful for Russia's support to Pakistan's full membership in the Shanghai Cooperation Organization. Both sides have maintained regular contacts at the highest level. Former Prime Minister Imran Khan visited Russia on 23rd and 24th February 2022 and held summit talks with President Putin. Earlier, as Prime Minister, Imran Khan had a telephone conversation with President Putin on 17th January 2022, wherein the two leaders discussed development of Pakistan-Russia ties in trade, economy, energy and combatting the spread of coronavirus. The then Prime Minister appreciated President Putin's statements on the inadmissibility of any actions (under the pretext of freedom of expression), impairing the dignity of any religious, ethnic or social group. Prime Minister Imran Khan and President Putin also held meaningful discussions on Afghanistan and bilateral relations over the telephone on 25th August and 14th September 2021. The Russian Foreign Minister Sergei Lavrov visited Pakistan on 6th and 7th April 2021. During the visit, wide-ranging talks covering bilateral relations and regional and global issues were held. On that occasion, I also had the pleasure of meeting and interacting with the Russian Foreign Minister at a lunch reception hosted by Pakistan's Foreign Minister Shah Mahmood Qureshi in Islamabad. As far as the current situation is concerned, Pakistan has good relations with both Russia and Ukraine and has been advocating a negotiated, peaceful resolution to the conflict. Maintaining its non-partisan approach, Pakistan has abstained from voting against Russia in various resolutions presented in international forums.

This, Ladies and Gentlemen, brings me to my fourth point: that in view of the strong foundation, the launching pad, that have been set up over the last two decades, Pakistan-Russia relations need to be taken to the next level. In the last about two decades, our two countries have signed more than a dozen Agreements on various aspects and levels of cooperation. Included among them are: (a) an historic Defense Cooperation Agreement of 2014 under which a key consultation architecture has been set up, and the joint exercises, seminars and visits during 2021 alone resulted in interaction between 600 defense personnel; and (b) the 2015 Agreement on the Development of the Pak Stream North South Gas Pipeline Project, which was further revised last year.

I submit to you that every country of the world is seeking energy security, and, in this regard, Pakistan and Russia need to proceed in a direction where the common man in Pakistan — I repeat the common man in Pakistan — sees, feels and enjoys the fruit of the relationship. That can come through expeditious implementation and completion of all such projects that bring cost effective energy to our gas-starved nation. It can also come through increasing our student exchanges (currently there are just 250–300 Pakistani students in Russia), it can come through increase in trade, which stands at a mere US\$ 500 million at present, particularly in the area of agriculture, and it can come through

more people-to-people contacts. In this context, both Russia and Pakistan must remain mindful that no third country should be allowed any sway over setting the parameters of our bilateral relationship and taking it to the next level. Ladies and Gentlemen! Fifthly and lastly, I refer to the ground-breaking visit to Moscow of President Ayub Khan in April 1965. During the summit meetings then held, the Soviet leadership comprising Leonid Brezhnev, Aleksei Kosygin, Anastas Mikoyan and Andrei Gromyko alleged before the President of Pakistan that the Western powers were pursuing a policy of enslaving the people of Asia, and accused Pakistan of acting as an instrument of this policy. Let me make it clear at this juncture, in this day and age, the Pakistani nation is acutely conscious of its place on this planet, and is not ready, is not willing, and is not going to accept enslavement by any power on this earth. Friendship yes, trade yes, cooperation yes, peaceful coexistence yes, we remain open to that with every country of the world, but enslavement shall not be acceptable. Going back to the summit meetings of April 1965, Pakistan's Information Secretary at the time, Altaf Gauhar, who was accompanying President Ayub Khan, recollected: 'Brezhnev put his hand in his right pocket and pulled it out saying, «See I have kept nothing in my pocket. Everything here is above board.» He said that Soviet Union had attached «paramount importance» to Ayub's visit. There was no superficiality or demagoguery in the talks, which had proceeded on the right lines. The relations between the two countries could be improved, trade expanded, visits exchanged, and technical know-how provided by the Soviet Union... Again he said, «Mr. President, you can look into my pocket, I have nothing but a comb,» and he proceeded to brandish a small brown comb. Ayub responded by showing him his pocket, saying that he too had nothing there: «I wear my heart on my sleeve...»¹

Ladies and Gentlemen, let me tell you, last, but not least, I am mindful that I also represent before you Dr. Muhammad Iqbal — Allama Iqbal as we call him in Pakistan. He does not belong to me, he belongs to all of us, and all of you here. And he is someone who did not wear his heart on his sleeve — he put his heart in his pen, which pen he then put to paper. In so doing, one of the subjects, one of the matters, which he had great interest in, a great passion for — like an *'ashiq* — was the subject of Asia, the subject of the East. This is reflected, foremost, in his Persian work from 1923, *Payaam-e Mashriq* (Message from the East), and also in another work that I was examining on my way to the airport at Lahore for this trip to Moscow — his Persian work *Mathnavi Pas Che Bayad Kard O Aqwaam-e-Sharq* (What is to be Done O Nations of the East), which was published thirteen years later in 1936, just two years before his death. His love, his passion, for Asia was such that he wanted to see an Asian renaissance, and he considered his community as a community that would be the custodian of the nations of the land of Asia. Why Asia? Because Asia is the largest Continent on this earth, stretching all the way from the Far East on one side, all the way to Europe and Africa on the other. Asia has the largest population on this earth. And guess what? The largest part of that land mass is the country of Russia. He wrote in Urdu:

Ye Nukta Sargazbat-E-Millat-E-Bairza Se Hai
Paida Ke Aqwam-E-Zameen-E-Asia Ka Pasban Tu Hai
This principle rises from the story of the Radiant Community—
You are the guardian of the nations of the land of Asia.

Ladies and gentlemen, let us work together to become that radiant community, that vibrant community, which would be the guardian, the custodian, of the nations of the land of Asia. I thank you.

¹ Altaf Gauhar, Ayub Khan: Pakistan's First Military Ruler. Lahore, 1993. Pp. 300–301.

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-153-167

КУРДСКО-ПУШТУНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИМИТРОФНОЙ ПРИРОДЫ КУРДСКОГО И ПУШТУНСКОГО МИРОВ

© 2022

В. В. Макаренко¹

Курдистан и Пуштунистан представляют собой глубоко разделенные общества, состоящие из множества кланов и племен, которые, воспринимая себя как единый этнос, постоянно и отчаянно конкурируют между собой внутри, часто так, что возникают междоусобицы, но в конечном счете всегда находят общий язык, когда нужно отражать внешнее вторжение. Это качество является для этих обществ ключевым и неотъемлемым, поскольку, несмотря на смену внешних обстоятельств, они сохраняют свою внутреннюю разрозненность, которая превратилась в одно из их цивилизационных качеств и воспринимается как важнейший признак их идентичности. Было много попыток ответить на вопрос о причинах появления и особой устойчивости этих характерных черт, но они остались неудовлетворительными. Автор видит причину возникновения первоначальной геокультуры глубоко разделенного единства, а затем и соответствующей цивилизации в гористом ландшафте и в транзитной природе регионов многовекового проживания этих народов. С одной стороны, они используют контроль над транзитными территориями как средство получения материальных ресурсов, а с другой—эти регионы формируют буферные пространства, лимитрофы, между сильными государствами (империями), которые в момент своего подъема стремятся в ущерб противнику подчинить себе это лимитрофное пространство, но в итоге из соображений собственной безопасности оказываются заинтересованы в том, чтобы эти общества сохранялись и продолжали существовать в состоянии глубокого внутреннего разделения, поскольку только в этом состоянии они выполняют свою буферную функцию.

Ключевые слова: Курдистан, Пуштунистан, глубоко разделенные общества, транзитные зоны, геокультура, цивилизация, миграции

Для цитирования: Макаренко В. В. Курдско-пуштунские параллели как отражение лимитрофной природы курдского и пуштунского миров. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 153–167. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-153-167

KURDISH-PASHTUN PARALLELS AS A REFLECTION OF THE LIMITROFIC NATURE OF THE KURDISH AND PASHTUN WORLDS

Vadim V. MAKARENKO

¹ Макаренко Вадим Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; makarenko.vadim@yandex.ru
Vadim Vladimirovich Makarenko, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Center for the Study of the Near and Middle East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Makarenko.vadim@yandex.ru

Kurdistan and Pashtunistan are deeply divided societies consisting of many clans and tribes, which, perceiving themselves as a single ethnic group, constantly and fiercely compete with each other, often so that civil strife arises, but they always find a common language when it is necessary to repel an external invasion. This quality is key and integral for these societies, because despite the change of external circumstances, they retain their internal fragmentation, which has turned into one of their civilizational qualities. There have been many attempts to answer this question about the reasons for the appearance and special stability of these characteristic features, but they remained unsatisfactory. The author sees the reason for the emergence of such a geoculture initially, and then a civilization in the mountainous landscape and in the transit nature of the regions of centuries-old residence of these peoples. On the one hand, they use control over transit territories as a means of obtaining material resources, and, on the other, these regions form buffer spaces, limitrophs, between strong states (empires), which at the moment of their rise seek to subjugate this limitrophic space to the detriment of their opponent, but, ultimately, for reasons of their own security, they are interested in ensuring that these societies are preserved and continue to exist in a state of deep internal division, since only in this state do they perform their buffer function.

Keywords: Kurdistan, Pashtunistan, deeply divided societies, transit zones, geoculture, civilization, migrations

For citation: Makarenko V. V. Kurdish-Pashtun parallels as a reflection of the limitrophic nature of the Kurdish and Pashtun worlds. Vestnik Instituta vostokovedeniija RAN. 2022. 3. Pp. 153–167. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-153-167

Существует недооценка значимости исторического бэкграунда обществ, находящихся в процессе модернизации. Последний важен, поскольку модернизация — это не только процесс усвоения технологий и формирования новых производственных отношений (в частности, развитие систем разделения труда как внутреннего, так и международного), которые опосредуют этот процесс, но преобразования традиционных общественных структур, которые в странах Азии отличаются особой стойкостью².

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ

Несмотря на длительный беспрестанный анализ, до сих пор неочевидно, что именно определяет устойчивость этих традиционных образований. На наш взгляд, эта устойчивость связана не с особенностями ведения хозяйства (укладами), не с отношениями собственности, на чем было сосредоточено внимание исследователей, работавших, как правило, в марксистской традиции и поэтому уделявших основное внимание этой стороне дела, а с неделимостью, неотторгаемостью пространства миров, которое составным (многоклановым или многоплеменным) этносом воспринималось как общее в силу нерасторжимости связей внутри этноса. Это позволяло, пока все шло в соответствии с заведенным порядком, легко перераспределять уделы между

² Ф. Энгельс придавал в свое время особое значение этому вопросу: «Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей его политической и религиозной истории. Но почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности? Мне кажется, что это объясняется главным образом климатом и характером почвы, в особенности же великой полосой пустынь, которая тянется от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенной части азиатского плоскогорья. Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства. Но этот вопрос не получил глубокой разработки, а сейчас практически не принимается во внимание, когда процессы современного социально-политического развития стран Азии рассматриваются вне связи с основными параметрами азиатских обществ, которые даже после колониального периода остаются в значительной мере традиционными». [Маркс, Энгельс, 1962, с. 209–210].

князьями, не затрагивая сельские и городские общины. Кризис определялся словами: «Борьба князей с погаными прервалась, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же». И стали князья про малое «это великое» молвить и сами на себя крамолу ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую... Тоска разлилась по Русской земле, печаль обильная потекла среди земли Русской»³. Но так или иначе кризисы преодолевались и единство восстанавливалось, княжеская вражда не могла расколоть этнические связи мира. В ряде случаев даже века спустя, после насильственного расчленения пространства мира в ходе процессов колонизации, деколонизации, несмотря на связанные с ними переделы внешними силами территории и административное разъединение этноса в чисто меркантилистском духе, на пространствах этих миров, тем не менее, сохранялись этнотерриториальные — клановые, племенные, в своей глубине религиозные, этнические отношения, которые составляли суть традиционной идентичности общности. Отсюда предельно сложно или даже невозможно было какой-то части этнического мира обособиться от всех, прервать клановые, племенные, в своей основе религиозные, этнические связи и таким образом превратиться в суверенное, обособленное от этого своего мира государство, которое только в качестве такового становится государством модерна, или национальным государством. Этого превращения требовала и требует агрессивная внешняя среда от многих де-факто существующих в современном мире, формально уже обособленных в силу внешних обстоятельств постколониальных или посттрадиционных государств, которые тем не менее сохраняют в толще народа этнические связи, как хранит их до сих пор арабская улица. Прошлое отпускает с трудом, потому что сила этнических, родственных отношений слишком велика, чтобы что-то решалось поперек их без тяжелого, часто кровавого процесса обособления от традиционного мира. Так было и до сих пор остается во многих регионах, пробуксовывающих со вступлением в эру модерна (капитализма), в особенностях этнических отношений между субъектами внутри миров.

Для того чтобы понять закономерности развития азиатских обществ, целесообразно определить их подтипы в зависимости от ландшафтных условий существования каждого из них. В традиционный (докапиталистический) период можно достаточно четко выделить два основных типа образований — империи (крупные, как правило, федеративные образования с различной степенью централизации), *охватывающие большие равнинные территории*, и совокупность клановых, племенных, небольших по размеру занимаемой территории и по населению образований, возникающих на *гористых, сильно расчлененных* по ландшафту транзитных (пограничных) *территориях*, как правило, находящихся между крупными империями. Примером первых можно считать империю Великих Моголов в Индии, которую создали прорвавшиеся из Средней Азии тюркские племена, а в качестве вторых — сообщества (галактики) горских племен Афганистана (пуштуны) и Курдистана (курды).

Транзитные пространства и заполняющие их конгломератные системы племенных образований обозначаются как лимитрофы. Формирующие их кланы, племена, союзы племен, которые по наименованию (титулу) главы называются княжествами, эмиратами и даже царствами, связаны между собой сетью культурно-генетических взаимозависимостей и образуют структуры коллективного типа (миры, или созвездия, или галактики (*galaxy*)), в которых составляющие их субъекты относительно самостоятельны, но не значит, что реально обособлены или могут существовать независимо от остальных. Обычно и те, и другие образования называют мирами. В этом значении употребляются понятия греческий мир, римский мир, пуштунский мир, курдский мир,

³ Слово о полку Игореве. Перевод Д. С. Лихачёва. URL: http://slovoopolku.ru/slovolihachev_5 (дата обращения: 22.11.2021).

славянский мир, исламский мир и другие миры. Эти отношения в новое время продолжают по инерции или в силу сравнительной изолированности регионов их существования, в силу того, что, несмотря на изменение геополитической ситуации, сложившаяся веками взаимозависимость приобрела характер цивилизационного качества и в изменившихся условиях сохраняется как некий атавизм. В отличие от империй, где составные образования признают авторитет высшей власти (отсюда и титул их предводителей—царь царей, шахиншах), лимитрофные пространства напшигованы горскими племенами и находятся в состоянии хронической раздробленности, которая, однако, в отличие от равнинных империй является для них нормальным состоянием, адекватным скудным условиям их существования и способам получения дополнительных жизненных ресурсов.

ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Хорошо описаны так называемые зоны племен (в Османской, Персидской империях, на территории современного Афганистана, Пакистана), которые даже после формального включения этих анклавов в имперские, колониальные и постколониальные образования долгое время — независимо от типа власти — сохраняли особый автономный статус⁴. Причем важно, что империи с обеих сторон брали обязательства не вмешиваться в дела племен. Отношения в этих зонах отличала внутренняя межплеменная (межклановая) конкуренция, блокирующая их слияние в единое целое (и достижение степени национальной сплоченности)⁵, и одновременно их коллективный отпор внешнему вторжению. Эта разобщенность (*disunity*) признается многими исследователями [Gunter, 2018], но ее природа не объяснена, поэтому она сводится к проблеме курдской идентичности⁶. Проблема нуждается в решении.

Ее решение возможно путем сравнения культур (идентичностей), которые существуют или исторически существовали в близких по характеристикам ландшафтных зонах, расположенных в более обширных регионах со специфической композицией, которая включала районы с высокой продуктивностью территорий, где создавались централизованные образования

⁴ «... Чалдыранская битва в 1514 году привела к первому разделу Курдистана; западный Курдистан был захвачен османскими войсками для управления несколькими «четко определенными» автономными курдскими династиями, а восточный, охватывающий курдские династии Ардалан и Мукриан, оставался полунезависимым под сферой влияния Сефевидов. Хотя таким был статус-кво в Курдистане на протяжении более чем трехсот лет, курдские династии были... слабыми и разобщенными. Курдские феодалы — в своей борьбе за наследственное правление — были вовлечены... в убийство своих конкурирующих родственников. Хотя Шараф-хан Битлиси сам выступал за систему династий, он был очень обеспокоен разобщенностью среди курдских правителей. В своей знаменитой книге «Шарафнаме», написанной в 1597 году, Шараф-хан предложил свободную конфедерацию династий и муниципалитетов как выход из состояния раздробленности. Спустя столетие создания «Шарафнаме» Ахмади Хани, курдский поэт и ученый, потребовал объединения княжеств под руководством единого курдского короля, который обеспечил бы независимость курдов. По словам Амира Хассанпура, «оба видения явно принадлежали феодальному обществу Курдистана, взгляды Хани более привлекательны для современных националистов из-за того, что он поднимал вопрос о страданиях курдов под османским и сефевидским правлением, как следствием отсутствия объединенного независимого курдского государства (2007)». — Kakeyi, Saeed. *The Kurdish Identity: A Cause for Conflict?* — *E Kurd Daily*, 15.12.2010. URL: <https://ekurd.net/mismas/articles/misc2010/12/state4440.htm> (дата обращения: 22.11.2021).

⁵ В. В. Наумкин: «Часть обществ, внутри которых сегодня находятся курды, относят к числу «глубоко разделенных» (*deeply divided societies*), что отражает глубину существующих в таких обществах противоречий и проблем...» [Наумкин, 2019, с. 77].

⁶ «Разобщенность характерна не только для отношений курдов с внешними акторами, но и для них самих. Значительные различия в этноконфессиональном составе, в языках, культуре, обрядах и обычаях, самоидентификации и интересах элит позволяют отнести общества, в которых живут курды, к «глубоко разделенным». Поэтому теория «глубоко разделенных обществ» (ГРО) является одним из эффективных механизмов изучения курдских общин, наряду с концепциями «символической политики и социального движения» [Наумкин, 2019, с. 76].

(имперского типа), и промежуточные лимитрофные территории, которые разделяли эти империи и которые по специфике их гористого ландшафта не обладали условиями поддержания устойчивого воспроизводства на базе имеющихся там агроклиматических условий крупных образований, поэтому кланы и племена сохраняли значительную автономию. Тем не менее, кроме эксплуатации природных ресурсов, эти племена нашли способ повысить эффективность использования своей ландшафтной ниши, сделав основой своего существования доход от контроля коммуникаций в транзитных зонах между империями. В таких условиях формировались соответствующие геокультуры, которые приобрели устойчивость, а с течением времени превратились в цивилизации.

Предмет исследования — поиск схожих черт (типологических параллелей) в однотипных геосоциальных объектах, находящихся в аналогичных условиях существования, а именно: длительно существующих в труднопроходимых гористых транзитных зонах, которые они контролируют и за счет которых получают дополнительные доходы, благодаря чему существуют. Для того чтобы выживать в ландшафтно-хозяйственной нише, совокупность племен, образующая этнос, вырабатывает способы поведения (тип культуры), который она затем воспроизводит веками.

Гипотеза исследования: на территории Евразии есть несколько типологически близких по своему ландшафту географических районов, в которых существуют геокультуры, имеющие схожие этнические характеристики, адаптированные к геофизическим условиям их существования. Это территория современного Афганистана и северные районы Пакистана, где располагаются перевалы Хайберский, Болан, Гомал, через которые проходят важнейшие караванные маршруты между Индией и Средней Азией; район расселения курдов в гористой местности на стыке современных Ирака, Ирана и Турции; гористые районы Аравийского полуострова, особенно Йемен, перекрывающий вход в Африку; районы проживания евреев в гористой части Палестины и Синай; Балканы и Карпаты с их славянским (индо-иранским по языку) населением.

Задача исследования, опираясь на близкие по своим характеристикам районы Евразии — Пуштунистан, Курдистан, Балканы, Палестину (Галилею), Дагестан, Йемен, Карпаты (Галицию), выявить причины формирования и в дальнейшем длительного существования в этих районах похожих по своим параметрам геокультур.

Наиболее ярким, развитым и самым устойчивым по длительности своего существования из этих объектов исследования, в определенном смысле образцовым, является мир пуштунских племен, сформировавшийся на базе района, примыкающего к Хайберскому проходу⁷ в стратегически важном коридоре между Средней Азией (Туркестаном), Ираном, с одной стороны, и Южной Азией, с другой. Именно контроль этого транзитного маршрута с целью получения де факто платы за его проход стал основой формирования пуштунского мира, без этого лишённого достаточных средств к существованию в силу бедности агроклиматических ресурсов региона. Здесь возникла специфическая культура военной демократии, где бедность ресурсами сочеталась с превосходной всаднической культурой⁸. Похожие этнографические

⁷ «Хайберский проход — горный проход в хребте Спингар, или Сафедкох, располагающийся к югу от ущелья реки Кабул, на афгано-пакистанской границе. «Длина 53 км, ширина 15–130 м, преобладающая 60–90 м. Представляет собой чередование узких и глубоких (до 900 м) ущелий и расширенных участков. По Хайберскому проходу в противоположных направлениях текут реки Хайбер и Ланди-Хама-Кхвар. Главный перевал находится в юго-восточной части прохода, принадлежащей Пакистану, на высоте 1030 м». — Хайберский проход. — Советская Военная Энциклопедия. URL: <https://xn—7sbfkccucprkacj98iofobm.xn—p1ai> (дата обращения: 22.11.2021).

⁸ «Поговорка: «Мидия — бедная страна, она богата только храбрыми мужчинами и прекрасными лошадьми». — Рапп, Кавад. Иранский поход. Завтра.ру, 15.12.2004, № 49. URL: <https://zavtra.ru/blogs/2004-12-1461> (дата обращения: 22.11.2021).

ситуации складываются и в некоторых других транзитных зонах, расположенных на стыках мощных в экономическом плане пространств, обеспечивающих самодостаточное существование империи как централизованной формы организации мира.

Метод исследования — построение модели на базе имеющихся характеристик нескольких подобных геосоциальных объектов. Данная модель может быть использована для прогнозирования событий в этих районах, а также для анализа того, насколько закономерны текущие общественно-экономические процессы в этих регионах. В силу ограниченности возможностей статьи вопрос будет рассматриваться главным образом на примере параллелей, общих черт их геокультуры, проявившихся в развитии пуштунского и курдского регионов.

Теоретически задача работы — рассмотреть вопрос о закономерностях социально-политического развития. Более конкретно — это вопрос, в какой степени динамика социально-политического развития этноса определяется географическими условиями и социальной средой, включая внешнеполитическое и внешнеэкономическое окружение. Автор опирается на понятия «геокультура» и «цивилизация» [Макаренко, 2019, с. 12–13]. Геокультура — локально-исторический вариант общественных отношений, сформированный в конкретное историческое время в определенной географической нише⁹. Геокультура отличается от категории «общественные отношения» своей локальностью, учетом обстоятельств места и времени, поэтому геокультуры, в отличие от предлагаемых типов общественных отношений, более многообразны, поскольку в них запечатлеваются самые разнообразные условия существования этносов, которые можно классифицировать. Если геокультура закрепляется на длительный срок (на несколько столетий) в определенной ландшафтной нише, она превращается в цивилизацию. В отличие от геокультуры цивилизация способна воспроизвести себя на новом месте, даже если она меняет территорию своего пребывания, свой район бытования, но, как правило, в процессе миграции этносы с определенным культурным кодом расселяются в типологически близких ландшафтах. Иными словами, геокультура — это первичное образование (результат процесса первичного окультуривания, вживания этноса в новую для него среду обитания), она формируется в силу нахождения этноса в специфических условиях места и времени или их существенного изменения и непосредственно связана со своими геофизическими и геосоциальными основаниями, а цивилизация — это уже устоявшееся образование, которое оторвалось от своих материальных оснований и воспроизводит себя на основании заматеревшей культуры (зафиксированного культурного кода). Отсюда многие цивилизации характеризуются по их религиозным системам как обобщающей характеристике культуры в традиционном обществе.

⁹ Необходимость учета географического фактора в марксизме теоретически признавалась всегда, но не всегда это удавалось сделать при изучении. Так, Г. В. Плеханов, вслед за К. Марксом, объясняет различие путей развития Европы и Азии: «И если эти два типа весьма значительно отличаются один от другого, то их главные отличительные черты сложились под влиянием географической среды, в одном случае предписывавшей обществу, достигшему известной ступени роста производительных сил, одну совокупность производственных отношений, а в другом — другую, весьма отличную от первой... Свойства географической среды обуславливают собою развитие производительных сил, развитие же производительных сил обуславливает собою развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений». — Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. / Г. В. Плеханов. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 18. Под ред. Д. Рязанова. М., Л., 1928. URL: https://www.marxists.org/russkij/plekhano/1908/basic_questions/basic_questions.htm (дата обращения: 22.11.2021). Задача состоит в том, чтобы понять особый механизм взаимодействия географической среды, производительных сил и общественных отношений в каждом локально-временном случае.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

На территории Евразии есть несколько географических районов, которые обладают очень похожими геофизическими в смысле рельефа и климата характеристиками¹⁰. Это, как правило, обширные рассеченные нагорья с небольшими нишами-долинами или ущельями, объем которых недостаточен для поддержания устойчивого воспроизводства населяющих их племен (кланов). Другая важнейшая черта этих мест состоит в том, что через них проходят важные коммуникации (коридоры): торговые пути, или (они же) пути, по которым может осуществляться вторжение. Это следующие регионы: Пуштунистан/Афганистан, Курдистан, Хузистан, Балканы, Дагестан, Йемен, Палестина (в том числе Галилея)¹¹, Карпаты. Например, в Хайберский проход сходятся, как в воронку, пути из Персии и Туркестана в Индию. Эти горные системы, которые сложно преодолеть, разделяют между собой миры-империи. Так, Курдистан — это сложный по рельефу и довольно обширный гористый район между Центральной/Средней Азией и равнинной частью Ближнего Востока (Месопотамией), Пуштунистан/Афганистан — это еще более сложный по рельефу гористый район между Центральной/Средней Азией и равнинными районами северной части Индостана, а также между Индией и Персией, весьма близкой по ландшафту с Афганистаном, но нависающей над Ближним Востоком и Восточной Африкой, куда она время от времени хищнически устремлялась, чтобы пополнить свои ресурсы¹². Похожие физико-географические условия есть и в других районах Альпийско-Гималайского горно-складчатого пояса, но не везде складывается соответствующая макрорегиональная композиция.

Учитывая распространенность индоевропейских языков, можно поставить вопрос о родине. Возможно, цивилизация горских народов нагорий Афганистана и Ирана может оказаться прародительницей аналогичных культур в Евразии, а не просто одной из геокультур, возникших в схожих географических нишах. Т. е. возможно, что геокультуры транзитного (лимитрофного) типа в юго-западной Евразии имеют общие исходные цивилизационные корни. В противном случае следует предположить, что крайне схожие по своим цивилизационным чертам общества появились самостоятельно в разных районах обширного региона и в разные периоды истории

¹⁰ «Главные черты ландшафта Галилеи — мощные хребты, расположенные в направлении север — юг в Верхней Галилее, общее повышение (хребтов) к югу и постепенное снижение к северу до долины р. Эль-Литани. Юг Верхней Галилеи скалистый и образует одно из самых труднодоступных, изолированных мест Палестины. На западе Галилеи находятся долины приморья, прорезанные хребты. Нагорье Галилеи хорошо орошается ручьями и источниками, это самая дождливая область Израиля, засухи случаются только в Нижней Галилее...» — Галилея. Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/161531.html> (дата обращения: 22.11.2022).

¹¹ «Палестина была сухопутным мостом между цивилизациями Европы, юго-западной Азии и северной Африки. Купцы и войска древнего Ближнего Востока часто появляются на страницах Ветхого Завета. Но это только часть вопроса. Войска выступают на арену истории только тогда, когда один правитель уверен в превосходстве своей военной силы над противником. Были периоды военного равновесия, обычно в результате слабости всех окружающих народов. В такие периоды вакуума власти Палестина представляла собой буферную зону». — Ла Сор У., Хаббард Д., Буш Ф. «Обзор Ветхого завета». 1998, (693), с. 14. URL: <https://predanie.ru/book/216912-obzor-vethogo-zaveta/> (дата обращения: 22.11.2022).

¹² «На протяжении всей своей долгой истории курдское жизненное пространство, которое примерно соответствует горному коридору Тавр-Загрос, разделяло анатолийские, персидские и месопотамские равнины и, таким образом, исторически было зажато между тремя имперскими географиями: римляне против парфян и Сасанидов; византийцы против сельджуков; и позже, османы против сефевидов и мамлюков... Хотя окончание Первой мировой войны и распад Османской империи привели к дроблению этой курдской родины между четырьмя странами (Ираном, Ираком, Сирией и Турцией), их роль в качестве буфера между Анатолийским и Персидским плоскогорьями не изменилась. Курды в своих труднопроходимых высокогорьях развили множественную политическую и языковую идентичность — состояние раздробленности, которое в прошлом широко использовалось соседними империями». [Unver, Akin. An Ancient Strategic Riddle] — The Cipher Brief, AUGUST 4, 2016. URL: <https://www.thecipherbrief.com/article/middle-east/kurdistan-as-a-geopolitical-playground> (дата обращения: 22.11.2022).

независимо друг от друга, воспроизведя близкие до культурных мелочей общества, а такая повторяемость маловероятна. Исходя из того, что Западную Евразию время от времени охватывали мощные миграционно-завоевательные передвижения народов с одним из основных направлений движения на запад, более вероятным кажется предположение о цивилизационно-генетической общности (родственности) этих образований, тем более что они появляются на соответствующих территориях не одновременно. Наиболее мощным миграционным потенциалом обладали обитатели нагорий Среднего Востока, откуда они расселились по всей Евразии.

Переселенцы осваивали районы, подходящие их образу жизни и культурному коду, хорошо осознавали транзитную природу этих территорий и фиксировали ее в географических названиях, часть из которых дошла до нас. Так, близость названий Галилея и Галиция не случайна. Топоним Галилея, вокруг которого много споров, означает цилиндр (*galil*)¹³, т.е. труба, или проход, через который шли основные торговые и военные коммуникации с Египтом. Галиция географически так же, как и Галилея, представляет собой проход в Карпатских горах. Галицкие Карпаты относительно «легко проходимы»¹⁴, но они смыкаются с Альпами и образуют обширный буферный район, где сформировался регион лимитрофной геокультуры, объединяющий малые страны Восточной и Центральной Европы. В случае войны его значение будет велико, потому что на сотни километров севернее и южнее аналогичного прохода с востока на запад нет либо из-за особенностей местности, либо из-за того, что он, как в Первую мировую войну, оказывается перекрыт сильным противником. Важнейшие характеристики местности отражались и в названиях крепостей. Так, Дагестан, «страна гор», поскольку исторически Дагестаном называли территорию от нынешнего Баку до Сулака, т.е. пространство, на котором горный пояс выходит почти вплотную к Каспийскому морю, — это, по сути, узкий проход вдоль морского побережья, который было можно успешно контролировать. Важнейший город страны — крепость Дербент. Этимологически он означает крепость (преграда), перекрывающая проход. Топоним Дербент очень широко распространен — от Средней Азии до Греции (например, город с таким названием есть на Пелопоннесе, а в провинции Сулеймания (Южный Курдистан) важнейший проход на восток через горы Загрос перекрывает город-крепость Касре-Ширин (Каср-е-Ширин), чье название — калька топонима Дербент¹⁵. В этом слове корень «ширин» означает дыра, прореха (ср. русск. ширинка), касре — крепость, замок.

Возможность разрешить или, наоборот, заблокировать транзит придавала этим районам стратегическое значение, а контроль над ними приносил значительные материальные выгоды, хотя одновременно и подвергал эти контролировавшие их племена серьезным рискам столкновений с сильным противником. Естественно, что такие зоны могли контролировать только этносы с высокой военной культурой, что является одной из общих характеристик населения этих мест и особенностей их общественного устройства. Эталонным этносом такого рода являются пуштунские племена, заселяющие уже в течение тысячелетий территорию вблизи Хайберского

¹³ Цилиндр — это геометрическое тело, образуемое вращением прямоугольника вокруг одной из его сторон.

¹⁴ «Малые холмы расположены часто грядами, которые разорваны оврагами; частые углубления и вообще быстрая смена рельефа — на каждом шагу. Несмотря на незначительность разницы в высоте, которая на близких пунктах достигает 50 м, на отдаленных до 120 метров, вся местность имеет почти гористый характер. Это типический моренный ландшафт... Местность, покрытая ледниковыми отложениями, неплодородна и мало населена; только места вблизи рек очень плодородны... Непосредственные берега рек сплошь покрыты камнями. Главная долина р. Днестра заливается каждый год в высокие воды.» — Галиция. — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. — Санкт-Петербург: Брокгауз — Ефрон, 1890–1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/25881/%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 22.11.2022).

¹⁵ Через Касре-Ширин проходила главная горная дорога из Персии в долины Ирака, от Хамадана (древняя столица Мидийской державы — Хамадан (Агбатана греков) через Кангавар, Керманшах, Касре-Ширин, Ханекин и далее на Багдад. «Вдоль колесного исторического караванного тракта Багдад — Ханькин проложена англичанами после мировой войны железная дорога» [Корсун, 1928, с. 102].

прохода. Таким же этносом были евреи, заселявшие несколько тысячелетий Палестину вблизи Галилеи, важнейшего и единственного коридора, связывавшего Египет и Сирию. Можно вспомнить Иудейские войны (I в. до н.э.— II в.н.э.), так дорого стоившие римлянам, спартанцев, прославившиеся обороной от персов прохода в горах. В отличие от них, жители централизованных равнинных стран были не воинственны¹⁶. В этих районах, композиционно представляющих из себя подобие разнообъемных пчелиных сот, дисперсно живут родственные племена, которые, как показывает история, практически невозможно подчинить. Главная причина в том, что до сих пор противник не мог долго присутствовать на этой территории, не обладая культурой (геокультурой), обеспечивавшей длительное выживание в подобной местности. Это была развитая культура. Высокий уровень традиционной культуры этих народов подтверждается их умением вести боевые действия, т.е. сложными социально-техническими навыками, передающимися из поколения в поколение. Например, британцы, даже используя современные по тем временам вооружения, до своего ухода из Индии так и не смогли установить полный контроль над Вазиристаном, где проживали крупнейшие пуштунские племена — вазири и махсуды¹⁷.

Горские кланы (племена) заполняли небольшие ландшафтные ниши нагорья вдоль важнейшего для макрорегиона транзитного коридора так, что его невозможно пройти, если не подавить их, что было крайне трудно, или не купить в той или иной форме право прохода. Обычно империи, находившиеся на подъеме, пытались установить свой контроль над лимитрофом (зоной племен, или полосой слабых государств), а империи, ощущавшие относительную слабость, наоборот, всеми силами, подкупом и интригами, поддерживали раздробленность в этом регионе, чтобы исключить возможность их договоренности с конкурирующей стороной. После столкновения империй лимитрофные зоны обычно полностью или частично восстанавливались, поскольку империи были заинтересованы в том, чтобы сохранять лимитрофные качества этой геосоциальной среды как защитного барьера.

Одной из характеристик этих мест является то, что здесь с завидной регулярностью происходили самые знаменитые, решающие сражения—все не перечислить.

Битвы в транзитных коридорах:

- В Пуштунистане это — **Хайберский горный проход**, главный элемент — перевал через хребет Спингар (Сафедкох) к Югу от ущелья реки Кабул, на границе между Афганистаном и Пакистаном. В VI в. до н.э. Дарий Великий прошел через Хайберский перевал, чтобы включить Индию в Ахменидскую империю. В X в. через Хайберский перевал в Индию проник ислам. Затем были вторжения татаро-монголов. В XVI в. Бабур провел через него свою армию и с ее помощью создал империю Великих Моголов в Индии. 26 ноября 1738 г. произошла «Битва за Хайберский проход» (в ходе войн Надир-шаха). Британцы, захватив Индию, опасались русского вторжения через Хайберский перевал, поэтому многие годы пытались отобрать контроль

¹⁶ Китайский путешественник Чжан Цянь в конце второго века до н.э. писал о Бактрии: «Войска их слабы, робки в сражениях. Жители искусны в торговле...» [Восток в древности, 2009, с. 551]. Спустя почти две тысячи лет у британцев также сложилось негативное мнение о воинских качествах народов, сформировавшихся в социально предельно жестких структурах земледельческих обществ Средней Азии: узбеков, хазарейцев, джамшидов [Окимбеков, 2022, с. 27].

¹⁷ «Романтика Вазиристана была связана с репутацией его племен как бойцов: «Вазири и махсуды, действующие в своей собственной стране, могут быть отнесены к числу лучших бойцов в мире»... Они были «физически самыми сильными людьми на земле»... Племена Вазиристана считались «лучшими арбитрами в мире, поскольку они редко позволяют тактической ошибке оставаться безнаказанной»... Махсуды, в частности, считались духовно и физически более жесткими, чем даже африди (Afridis), оракзаи (Orakzais) или юсуфзаи (Yusufzais)»... — Mahsuds and Wazirs; Maliks and Mullahs in Competition.— April 2012, Tribal Analysis Center. <https://www.tribalanalysiscenter.com/> (дата обращения: 22.11.2022).

над перевалом у пуштунов, что им удалось сделать, только перевербовав часть племен на свою сторону. В период британского владычества Индией Хайберский проход был жизненно необходим для ведения войн Великобритании с Афганистаном в 1838–1842, 1878–1880 и 1919 гг. Советским войскам памятен сражения в Паджшерском ущелье в ходе войны 1979–1989 гг.

- В Галилее: от битвы Рамзеса II при Меггидо (XIII в. до н.э.) до битвы при Айн Джулут (1250) султана Бейбарса с арьергардом монголов. Сюда стоит включить иудейские войны (I в. до н.э.— II в. н.э.), которые показывают, насколько трудно было установить контроль над этим районом. Но и сами еврейские племена с большим трудом вытеснили отсюда хананеев.
- В Северном Курдистане (на территории современной Турции) расположен стратегически важный «исторический Битлисский проход, ведущий на плато Армении» [Корсун, 1928, с. 39]. Поблизости от Битлиса произошло несколько важнейших битв. У Мелазгирта состоялась битва (1071), открывшая дорогу туркам-сельджукам на Армянское нагорье. В этом же районе случилась и Чалдыранская битва (1514), приведшая к разделу района расселения курдских племен между Османской и Персидской империями. В IV в. Восточная Римская империя и Персидская держава делили между собою влияние в пограничной полосе между ними, активно контролируя пограничную зону. Политика «разделяй и властвуй» касалась прежде всего лимитрофных территорий, которые, однако, становились частью империи только в случае ослабления ее геополитического конкурента на театре войны.

В XX в. близость рельефа Курдистана и Северной Индии была замечена и оценена: «...в начертании границы (между Ираком и Турцией.— В. М.) сказалось стремление Англии создать для Мосульской нефти барьер, который в копии напоминал бы северную границу Индии, где первоклассный Гималайский хребет обеспечивает «жемчужину британской короны» от посягательств с севера. Таким образом, с этой стороны Ирака, как и в Индии, самой природой сооружены препятствия, которые не могли быть созданы «самым совершенным военно-инженерным искусством» [Корсун, 1928, с. 35]. Но за многие столетия до британцев особенности этой местности оценили курды, которые построили на этом ландшафте собственную геокультуру. Свою цивилизационную максиму они выразили в пословице: «У курдов нет друзей, кроме гор».

Разрозненность горцев — неизбежная дань необходимости выживания

Если брать одну из традиционных этимологий топонима Галилея, то ее связывают с упоминанием этого района в Ветхом Завете как «Глиль ха-Гоим» — «округ народов» или «место, где рассеяны разные народы», то есть в ней пытались найти отражение именно многоплеменности населения на данных территориях, что определяется композицией этого района, вместившего дисперсно 12 израилевых колен. Это важная характеристика особенностей расселения пуштунских, курдских и иудейских племен, которые были разделены на колена. Это характерно для пуштунов¹⁸. Аналогично для курдов. В курдском языке сильно различающихся 28 диалектов. Так, в современном

¹⁸ «Для контекста полезно рассмотреть всеобъемлющую генеалогию пуштунов. Каждая из великих ветвей ведет свое происхождение от сына Кайса, первого из пуштунской линии. Пуштуны Сарбани, Дуррани, Гори Хель, Хакай Хель, Шинвари, Юсуфзай, Мухаммадзай и Мохманас утверждают, что происходят от Сарбана, одного из трех сыновей Кайса. Пуштуны Гильзай, к которым относятся Сулейман Хель и Ака Хель, являются потомками Байтана через его дочь и персидского принца. Африди, Хаттаки, Вазир, Махсуды, Дауры, Турни, Джалжи и Бангани являются

Иракском Курдистане существуют две языковые провинции — с языками курманджи и сорани, носители которых, даже будучи соседями, если не владеют обоими диалектами, не понимают друг друга.

Глубокий исследователь курдской реальности Мартин Гюнтер приводит мнения наблюдателей от XVII в. до наших дней, которые утверждают, что у курдов «нет национальной сплоченности», и «Объединенный Курдистан — это... утопическая концепция». Но наблюдатели не находят этому качеству рационального объяснения. Так, Джонатан Рэндал (когда был старшим иностранным корреспондентом газеты «Вашингтон пост») в шутку «заподозрил хромосому-изгоя в курдской генетике, (которая вызывает) стремление к розни...» [Gunter, 2018, p. 26]. Роберт Каплан, хотя и посвятил себя раскрытию влияния географической среды, склонен согласиться, что «курды находят удовлетворение в своей репутации нарушителей спокойствия, которые, благодаря своему полному владению одной из самых суровых местностей в мире, никогда не могут быть полностью побеждены»¹⁹. Разрозненность отмечают и сами курды. Вопрос об ее природе стоит в духе Исайя Берлина: причина в личностях, в психотипе или в среде?²⁰ На наш взгляд, причина ее формирования заключается в суровой среде обитания курдского этноса, которая породила сочетание клановой конкуренции во внутриэтнических отношениях²¹ с высокой этнической спаянностью, когда речь шла об ответе на внешнюю угрозу. Правда, сейчас ситуация сильно изменилась: курды Южного Ирака попали в ситуацию избыточности ресурсов (нефтяные и газовые месторождения), поэтому, скорее всего, как только ослабнет арабский прессинг, это сильно коррумпирует этнос²². Но, с другой стороны, Южный Курдистан — это лимитроф между Турцией и арабскими странами. Сейчас Турция находится на подъеме, она уже, по крайней мере на время, подчинила себе часть курдского мира — Северный Курдистан, находящийся на ее территории, а сейчас вторглась в Западный Курдистан (Рожаву) и активно налаживает отношения с ведущим кланом Южного (иракского) Курдистана. Естественно, это вызывает негативную реакцию и арабских стран, и Ирана, которые, в свою очередь, делают ставку на клан Талабани. Борьба за доминирование в Месопотамии продолжается²³.

потомками Гургушта.» — Mahsuds and Wazirs; Maliks and Mullahs in Competition. — April 2012, Tribal Analysis Center. URL: <https://www.tribalanalysiscenter.com/> (дата обращения: 22.11.2022).

¹⁹ Kaplan, Robert D. Sons of Devils. The Atlantic. November 1987 ISSUE. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1987/11/sons-of-devils/306410/> (дата обращения: 22.11.2022).

²⁰ В своей оксфордской лекции «Историческая неизбежность» Исайя Берлин (1953) «осуждает как аморальную и трусливую веру в то, что огромные безличные силы, такие как география, окружающая среда и этнические особенности, определяют направление мировой политики. Берлин упрекает Арнольда Тойнби и Эдварда Гиббона в том, что они рассматривают «нации» и «цивилизации» как «более конкретные», чем индивидуумы, которые их воплощают, и за то, что они считают абстракции вроде «традиции» и «истории» «более мудрыми, чем мы». — Kaplan, Robert D. Man Versus Afghanistan. Atlantic, APRIL 2010 ISSUE URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2010/04/man-versus-afghanistan/307983/> (дата обращения: 22.11.2022).

²¹ «Между некоторыми племенами дуррани, такими, например, как нурзай и ачакзай, на протяжении длительного времени сохраняется состояние враждебности». — Белокреницкий В. Я. Пуштуны и пуштунские племена Афганистана и Пакистана — численность и расселение. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1. С. 12–24. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49202098_92519357.pdf (дата обращения: 21.11.2022).

²² «К сожалению, слишком многие курдские чиновники долгое время, казалось, ставили накопление личного богатства выше общекурдской щедрости. С другой стороны, государства-рантье, зависящие от нефтяных ресурсов, обеспечивают нестабильную основу для устойчивого экономического развития, о чем свидетельствуют текущие экономические проблемы КРГ.» [Gunter, 2018, p. 27].

²³ «С точки зрения Турции, курды лингвистически являются индо-иранцами, что делает курдскую этническую принадлежность опасной угрозой турецкому этнолингвистическому национальному единству. Однако с точки зрения Ирана курды преимущественно сунниты, что делает их опасной угрозой иранской религиозной чистоте. Это главная причина, почему Турция и Иран принимают сторону тех или иных курдских групп: турецкие «хорошие курды» — это те, которые подчеркивают свою суннитскую идентичность (например, ДПК Масуда Барзани), в то время как иранское влияние лучше всего проникает в курдские группы, которые не подчеркивают свою конфессию и вместо этого создают объединяющую идеологию вокруг этнолингвистической идентичности (как

Однако, если говорить о присущей курдам розни, невозможно, чтобы какой-то недостаток существовал без причины многие столетия. Более того, клановая разрозненность курдов — это не недостаток, а важнейшая черта организации их мира, которая была необходимым фактором выживания этноса в прошедшие тысячелетия. Сейчас она мешает курдскому этносу превратиться в национальное государство, нечто цельное и в каком-то смысле застывшее, не гибкое. Возможно, что это нужно или будет полезно для эффективного управления регионом сейчас в начале XXI века, когда сменились внешнеполитические и экономические условия существования этноса, в предшествующие столетия монолитность была бы смертельно опасной для его выживания. Да и сейчас в связи с тем, что курдский этнос не имеет необходимой международной защиты в качестве суверенного этноса, его традиционная раздробленность и способность вести боевые действия в горах оказывается важной для его сохранения.

Перечисление регионов с типологически идентичным горно-транзитным ландшафтом корреспондируется с идеей конфликтности, которая характеризует не только их прошлое, но и сохраняется до сих пор. Это и сейчас воюющие Балканы, Афганистан, Курдистан, Йемен, Палестина, Украина. Конечно, это не случайность.

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В представленных региональных геокультурах лимитрофных (пограничных) зон есть два уровня: это — культура горцев, связанная с социально-экономической адаптацией в географическим условиям проживания, и политическая культура — культура транзитной зоны (лимитрофа), как посредника между империями, которая является сущностной, поскольку именно она обеспечивает выживание в этих суровых краях. Эти две стороны дают синтез, обеспечивающий значительное разнообразие племен, поскольку они играют разные роли именно в культуре лимитрофа. Особенностью этой культуры является именно племенная раздробленность, поскольку, если вдруг, что случалось редко, кому-то удавалось подчинить себе эти племена, то лимитроф утрачивал свои качества и становился проницаемым, что вело к столкновению империй. Империи должны, как тяжело груженные вагоны, соединяться сцепкой, а не жестко стыковаться между собой. В этот принцип вписывается и нынешний российско-американский военно-политический кризис, поскольку европейский лимитроф утратил свои качества после распада СССР и Варшавского договора в 1991 году. Но в истории, в конечном итоге, все заканчивалось восстановлением лимитрофа.

В лимитрофных зонах были возможны две линии поведения. Одна — это объединение племен в свободные конфедерации для защиты от иностранных вторжений, как это произошло с племенами, принадлежащими к Дуррани и Гильзай, и вторая, реализующаяся племенами генеалогического «кластера», ведущего свою родословную от Гургушта. Последние, хотя и имеют общую родословную, но действуют независимо друг от друга, конкурируя между собой за ресурсы. Будучи частью лимитрофной культуры, племена, конкурируя между собой за ресурсы, стремятся найти себе внешнего покровителя. Выигрывают те, кто первыми устанавливают контакт с будущим гегемоном, которые с определенной частотой менялись в соседних империях. Так, в Южном Курдистане клан Барзани опередил соперников, установив контакт с американцами в 1972 г. (встреча Мустафы Барзани с Генри Киссинджером в Иране), а клан Талабани на этом

некоторые подгруппы в Рабочей партии Курдистана — РПК, Партии Демократического союза — PYD и ее вооруженном крыле, Отрядах народной самообороны — YPG)». — Unver, Akin. An Ancient Strategic Riddle. — The Cipher Brief, AUGUST 4, 2016. URL: <https://www.thecipherbrief.com/article/middle-east/kurdistan-as-a-geopolitical-playground> (дата обращения: 22.11.2022).

фоне ближе сошелся с радикальной частью иранской революционной среды (1975 г., Сирия). В Иракском Курдистане кланы, хотя и в европейских костюмах и галстуках, по-прежнему конкурируют между собой за ресурсы по традиционной модели, выбирая покровителя из числа потенциальных региональных гегемонов или даже супердержав. В результате клан Барзани ориентируется на Турцию и США, клан Ахмет-Талабани — на Иран и Британию, но и в самих кланах невозможно обеспечить полную монолитность, иначе проиграешь: там также идет постоянная борьба.

Устранение двоевластия в Иракском Курдистане, клановой составляющей его политического режима, сделает политику властей региона менее гибкой и менее изощренной, что приведет к тяжелым последствиям для него. Так чуть было не случилось в момент усилившегося дисбаланса между кланами Барзани и Талабани, когда в связи с референдумом о независимости Южного Курдистана (2017), за который выступал находившийся на подъеме и пользовавшийся широкой поддержкой у населения региона клан Барзани (ДПК), возникла реальная угроза вооруженного столкновения с Багдадом. В этот момент демпфирующую (хотя почти предательскую) роль сыграл клан Талабани, пойдя на сговор с проиранскими силами, стоявшими за Багдадом. Курдистан потерял часть своих еще не закрепленных за ним территориальных приобретений, особенно болезненной была сдача Киркука, но таким образом он фактически спас Иракский Курдистан от вторжения отрядов «Хашд эш-Шааби» (шиитской милиции) и регулярной иракской армии, которые действовали при поддержке Ирана. Со стороны клана Талабани это было коллективное решение верхушки клана в рамках традиционной для него и Курдистана в целом модели поведения. В выборе линии поведения кланов многое определяется степенью зависимости от внешних ресурсов и от их геополитического положения. Клан Барзани (провинции Дохук и Эрбиль) граничит с Турцией, глубже включен в экономическое взаимодействие с мировой и региональной экономикой, которое идет почти исключительно через турецкую территорию, а клан Талабани базируется в провинции Сулеймания, которая богаче внутренними ресурсами и граничит с Ираном. В отличие от междоусобной борьбы между имперскими структурами, которая носит антагонистический характер, в лимитрофных зонах культура поведения заведомо предполагает конечный компромисс, и кланы Барзани и Талабани неоднократно показывали искусство его достижения. Уничтожение конкурирующего клана может закончиться плохо и для его противника, поскольку нужна постоянная смена лояльности, чтобы обеспечить выживание между сильными соседями, а это невозможно осуществить в рамках одного клана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Курды и пуштуны — это иранские народы, чьи нравы и языки восходят к одному корню. Еврейские племена уходят из района современного Хузистана («Ура Халдейского»), на часть которого курды до сих пор претендуют. Есть много общих лексических параллелей в курдском и сербско-хорватском языках, также они просматриваются в курдском и русском, украинском и других славянских языках. Много общих корней в курдском (курманджи), урду и пушту. Стоит обратить внимание на общие корни в некоторых топонимах и гидронимах в этих районах. Колыбелью афганцев считается долина реки Зхоб (Zhob), о них упоминал китайский монах-путешественник Сюань-Цзан (602–664)²⁴. Замечено, что и на территории Южного Курдистана есть реки Большой

²⁴ «Племена, населявшие округ Зхоб (ныне Белуджистан, Пакистан), являлись коренными жителями этой земли. Округ Зхоб — колыбель афганской расы... Китайский паломник Сюань-цзан, посетивший Индию в 629 году нашей эры, описал афганцев как живущих в Зхобе.» — Zhob District. — Khyber.ORG// <https://web.archive.org/web/20120320074450/http://www.khyber.org/places/2005/ZhobDistrict.shtml> (дата обращения: 22.11.2022).

и Малый Заб, имена которых рассматриваются как варианты гидронима Зхоб²⁵. Стоит отметить, что ареал распространения этого гидронима много шире: он включает и сибирскую Обь, и эфипский Собат. В названии хребта Спингар (Спи-нгар), т.е. Белая гора, через который идет Хайберский перевал, одна из морфем по значению и по звучанию совпадает с курдским словом спи — белый. Сакральный источник езидов в Лалеше называется Кани спи (обычно переводится как Белый ключ), топонимов с таким названием довольно много на территории Западной Евразии.

Таким образом, напрашивается вывод, что, будучи носителями лимитрофной культуры, эти народы при расселении на новые территории стремились обосноваться в географических и геополитических условиях, аналогичным тем, к которым они привыкли в прежних районах расселения. Т. е. они сознательно занимали определенные ландшафтно-хозяйственные ниши, и мы имеем дело не с абсолютно новыми геокультурами, которые с нуля сформировались в случайно доставшихся соответствующим этносам районах, а с переносом определенной «цивилизационной закваски», т.е. миграцией части населения из прародины, их расселением в районах с подходящими под их культурный код ландшафтными условиями и последующим воссозданием там аналогичных праматеринскому геосоциальных объектов.

Эти народы, наследники цивилизационной культуры лимитрофных зон, не создали под своей эгидой крупных империй, хотя в определенные периоды и сами обладали значительной силой. Курды с упреком вспоминают Салах ад-Дина, вождя Айюбидского халифата и грозу крестоносцев, который, как они считают, забыл о своих соплеменниках, не создав на века мощное курдское государство. Но его оправдывает то, что на болотисто-песчаных равнинах по эту сторону Загроса, даже включая находившийся в более выгодных агроклиматических и геополитических условиях Египет, где все же сменилось тридцать династий фараонов, не было условий для создания устойчивых государств — там народы и династии непрерывно сменяли друг друга, а курдский мир, не меняясь в своей сути, сохраняя свою идентичность, пережил не одну возникшую максимум на одно-два столетия империю.

Рознь среди курдских и пуштунских племен носила, да и сейчас все еще имеет исторически оправданный характер, будучи обусловлена как конкуренцией за скудные ресурсы внутри своего мира, так и необходимостью поддерживать тесные связи с доминирующими региональными державами, которые обычно находились во враждебных или натянутых отношениях между собой. Такая организация курдского и пуштунского миров была условием их непрерывного существования в гористой ландшафтно-хозяйственной и транзитной геополитической нише.

Литература / References:

История Востока в 6 т. Т. 1. Восток в древности. 5-е изд., М., 2009 [The History of the East in 6 vols. 1. The East in antiquity. 5 ed., Moscow, 2009 (in Russian)].

Макаренко В. В. Об объектно-предметном поле регионоведения и его месте в ряду других наук // Сравнительная политика. 2019. № 4. С. 12–33 [Makarenko V. V. About the object-subject field of regional studies and its place among other sciences. *Comparative politics*. 2019. No. 4. Pp. 12–33 (in Russian)].

Наумкин В. В. Курдская головоломка Ближнего Востока (На примере Ирака) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 76–87 [Naumkin V. V. The Kurdish Conundrum of The Middle East (The Case of Iraq). — *World Economy and International Relations*, 2019. Vol. 63. No. 5. Pp. 76–87 (in Russian)].

²⁵ «Зхоб (урду Дарья-йе-Жоб, англ. Zhob) — река на западе Пакистана, в провинциях Белуджистан и Хайбер-Пахтунхва... Название реки в переводе с пушту означает «сочающаяся вода». Лингвистически название ирано-арийского происхождения и этимологически сопоставимо с названиями рек Малый Заб и Большой Заб в бассейне Тигра» (а конкретно в Курдистане. — В. М.). — Zhob River. // https://en.wikipedia.org/wiki/Zhob_River (дата обращения: 22.11.2022).

Энгельс — Марксу (около 26 мая 1853 г.) / Маркс, Энгельс, Собрание сочинений. Т. 28. М., 1962. С. 209–210 [Engels — Marx (about May 26, 1853) / Marx, Engels, Collected Works. Vol. 28. M., 1962. Pp. 209–210 (in Russian)].

Gunter, M. (2018). Kurdish Disunity in Historical Perspective. *Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations*. 19. 26–45.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Белокреницкий В. Я. Пуштуны и пуштунские племена Афганистана и Пакистана — численность и расселение. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1. С. 12–24. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-12-24 URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49202098_92519357.pdf (дата обращения: 21.11.2022)

Галилея. Православная энциклопедия. URL: <https://www.pravenc.ru/text/161531.html> (дата обращения: 22.11.2022).

Галиция. / Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/25881/%D0%93%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 22.11.2022).

Ла Сор У., Хаббард Д., Буш Ф. «Обзор Ветхого завета». 1998 (693), с. 14. URL: <https://predanie.ru/book/216912-obzor-vethogo-zaveta/> (дата обращения: 22.11.2022).

Окимбеков У. В. Колонизация Северного Афганистана и английская Разграничительная комиссия. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 1. С. 25–33. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-1-25-33 URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_49202099_33671090.pdf (дата обращения: 22.11.2022).

Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма / Г. В. Плеханов. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 18. Под ред. Д. Рязанова. М., Л., 1928 [Plekhanov G. V. The basic questions of Marxism. / G.V. PLEKHANOV. ESSAYS. Ed. 2nd. Vol. 18. Ed. by D. Ryazanov. Moscow, Leningrad, 1928 (in Russian)] URL: https://www.marxists.org/russkij/plekhano/1908/basic_questions/basic_questions.htm (дата обращения: 22.11.2021).

Раши К. Иранский поход. Завтра.ру, 15.12.2004. № 49. URL: <https://zavtra.ru/blogs/2004-12-1461> (дата обращения: 22.11.2022).

Слово о полку Игореве. Перевод Д. С. Лихачёва. URL: http://slovoopolku.ru/slovolihachev_5 (дата обращения: 22.11.2022).

Хайберский проход / Советская Военная Энциклопедия (электронное издание). URL: <https://xn--7sbfkccсукрkрасіq8іofbm.xn--p1ai> (дата обращения: 22.11.2022).

Gall.— Etymonline.com // https://www.etymonline.com/word/gall#etymonline_v_50795 (дата обращения: 22.11.2022).

Kekeyi, Saeed. The Kurdish Identity: A Cause for Conflict? // *EKurdDaily*, 15.12.2010 // <https://ekurd.net/mismas/articles/misc2010/12/state4440.htm> (дата обращения: 22.11.2022).

Kaplan, Robert D. Man Versus Afghanistan. *Atlantic*, APRIL 2010 ISSUE <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2010/04/man-versus-afghanistan/307983/> (дата обращения 22.11.2022).

Kaplan, Robert D. Sons of Devils. *The Atlantic*. November 1987 ISSUE. <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1987/11/sons-of-devils/306410/> (дата обращения: 22.11.2022).

Mahsuds and Wazirs; Maliks and Mullahs in Competition.— April 2012, *Tribal Analysis Center*. <https://www.tribalanalysiscenter.com/> (дата обращения: 22.11.2022).

Unver, Akin. An Ancient Strategic Riddle.— *The Cipher Brief*, AUGUST 4, 2016 // <https://www.thecipherbrief.com/article/middle-east/kurdistan-as-a-geopolitical-playground> (дата обращения: 22.11.2022).

Zhob District — *Khyber.ORG* // <https://web.archive.org/web/20120320074450/http://www.khyber.org/places/2005/ZhobDistrict.shtml> (дата обращения: 22.11.2022).

Zhob River // https://en.wikipedia.org/wiki/Zhob_River (дата обращения: 22.11.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-168-173

КУРДСКИЙ СЛЕД В ПАКИСТАНЕ

© 2022

М. С. Озманян¹

Отмечая полиэтничность пакистанского государства, автор этой статьи сделал попытку проследить «Курдский след в Пакистане». Было отмечено, что на территории Пакистана проживают представители различных народов и национальностей, которые говорят более чем на 60 языках. И одним из малых сообществ среди них являются иракские курды, численность которых, по некоторым оценкам, достигает 250 человек. В 1659 г. курдский историк Ахунд Мохмад Салех Зангана написал книгу «Курдское разговорное письмо». В ней рассматривается история происхождения белуджей родом из курдской расы. В последние десятилетия у белуджей, как и у курдов, активно развивается движение за национальное самоопределение с требованием независимости от шиитского Ирана, а также Пакистана. Основная причина противостояния в Иране связана с религиозной составляющей, поскольку белуджи являются суннитами. В качестве наиболее известных курдов Пакистана в мировом курдском сообществе были приведены примеры дважды премьер-министра Исламской Республики Пакистан Беназир Бхутто (1988–1990; 1993–1996), а также министра образования (2002–2007) и оборонной промышленности Пакистана Зубайды Джалал Хан (2018–2022). При этом было отмечено, что первая в новейшей истории женщина — глава правительства в стране с преимущественно мусульманским населением Беназир Бхутто была курдянкой по матери Бегум Нусрат Бхутто (Нусрат Исфакхани (1929–2011)). Несмотря на небольшую численность курдов в Пакистане, некоторым из них, имеющим курдские корни, в ходе исторической ассимиляции удается занимать высокие должности во властных структурах и достигать определенной степени самореализации.

Ключевые слова: Пакистан, белуджи, курды, мигранты, полиэтничность, Белуджистан, политика

Для цитирования: Озманян М. С. Курдский след в Пакистане. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 168–173. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-168-173

KURDISH TRACE IN PAKISTAN

Midiya S. Ozmanian

Noting the polyethnicity of the Pakistani state, the author tried to trace the «Kurdish trace in Pakistan». It was noted that representatives of various peoples and nationalities live on the territory of Pakistan, who speak more than 60 languages. And one of the small communities among them are the Iraqi Kurds, whose number, according to some estimates, reaches 250 people. In 1659, the Kurdish historian Akhund Mohammad Saleh Zangana wrote the book «Kurd Talk Letter». It examines the history of the origin of the Baluch, originally from

¹ Озманян Мидия Саидовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mid67674@gmail.com

Midiya S. Ozmanian, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mid67674@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-9761-4663

the Kurdish race. In recent decades, the Baluchs, like the Kurds, have been actively developing a movement for national self-determination demanding independence from Shiite Iran, as well as Pakistan. The main reason for the confrontation in Iran is related to the religious component, since the Baluchis are Sunnis. The examples of twice Prime Minister of the Islamic Republic of Pakistan Benazir Bhutto (1988–1990; 1993–1996), as well as Minister for Education (2002–2007) and for Defense Production of Pakistan Zubaida Jalal Khan (2018–2022) were cited as the most famous Kurds of Pakistan in the world Kurdish community. It was noted that the first in recent history the female head of government in a country with a predominantly Muslim population, Benazir Bhutto, was a Kurdish woman by her mother Begum Nusrat Bhutto (Nusrat Isfahani (1929–2011)). Despite the small number of Kurds in Pakistan, some of them, who have Kurdish roots, manage to occupy high positions in government structures and achieve a certain degree of self-realization during historical assimilation.

Keywords: Pakistan, Baloch, Kurds, migrants, polyethnicity, Balochistan, politics

For citation: Ozmyan M. S. Kurdish Trace in Pakistan. Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2022. 3. Pp. 168–173. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-168-173

В Исламской Республике Пакистан проживают представители разных народов и национальностей, которые говорят более чем на 60 языках. И одним из малых сообществ среди них являются иракские курды.

Курды появились в Пакистане в начале 90-х годов. В основном это были иммигранты из Ирака, которые спасались от войны в Персидском заливе, затронувшей и Иракский Курдистан. Вследствие этого, по некоторым данным, в Пакистане оказалось примерно 4000 курдов, регистрировавшихся, как правило, при бюро местного комиссара по делам беженцев [Емельянов, 2018]. Многие из них базировались в Исламабаде.

В стране все еще проживают до 250 иракских курдов. Большинство из них являются вторичными мигрантами, которые ищут убежище и зарегистрированы в Управлении Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), действующем в Пакистане. Среди них в основном молодое поколение, родившееся в Пакистане.

В связи с тем, что в 1951 г. Пакистан не подписал Международную конвенцию по беженцам, курды не могли решить вопрос с гражданством, работой, социальными пособиями. Для иракских курдов Пакистан стал местом остановки, временного пребывания для последующей миграции в другие страны Европы и Северной Америки.

Но это все касается современных курдов. Стоит проследить исторические отношения между курдами и белуджами.

Белуджский историк XVII века Ахунд Мохмад Салех Зангана (Akhund Mohmmad Saleh Zangana) в 1659 году написал книгу на персидском языке под названием «Курдское разговорное письмо» («Kurd-gal-pamak») [Zangana, 1659]. В ней рассматривается история происхождения белуджей родом из курдской расы. Автор считает, что курды и белуджи произошли от мидийцев.

В первой главе книги, описывая свое генеалогическое древо, он рассказывает, что происходит от курдов загана, одного из кланов племени Буди. Ахунд Салех подробно упоминает сражение курдов-белуджей с армией Александра Македонского, когда он путешествовал по южному Белуджистану, возвращаясь в свою страну. После оккупации Белуджистана британским правительством справочники районов Белуджистана были составлены их политическими чиновниками. Так, в «Вестнике Ласбеля» автор Р. Хьюз Буллер в главе «Знакомство с историей» подтверждает заявление Ахунда Салеха о сражениях курдов-белуджей с силами Александра Великого [Buller, 1907].

Многие исторические события, упомянутые Ахундом Салехом в его книге, очень интересны и были подтверждены более поздними исследователями истории современного мира.

На сегодняшний день, по заявлению министра оборонной промышленности Пакистана, в стране насчитывается более 100 тысяч курдов². Такими «курдами Пакистана» можно назвать народ белуджи. В основном они расселены в приграничных районах Белуджистана.

Проживающих на территории Ирана, Пакистана и Афганистана белуджей по разным оценкам насчитывается 9–11 млн [Sadri, 2002, p. 227].

Немало существует версий о происхождении белуджей. Одни ученые считают их индийцами, другие арабами, некоторые говорят о том, что они курды. Тем не менее немало историков объединяют курдов и белуджей в своих книгах, полагая, что белуджи могут иметь курдские корни.

Действительно, белуджей можно обозначить курдами в широком смысле этого слова, поскольку историки солидарны в том, что они – потомки горских племен из северо-западных иранских земель, в свое время входивших в состав Мидийского и Парфянского царств. Примерно в VI–VIII вв. н.э. белуджи иммигрировали на границу Индийского субконтинента.

Курды имеют то же происхождение, что и белуджи. Период их миграции из Каспийского региона может быть на несколько столетий раньше, чем у белуджей, которые последовали за ними в более поздний период, но вместо того, чтобы отправиться к своему народу в горный район Загрос, окраину Месопотамии, они направились на восток. Лингвистически и культурно они, должно быть, принадлежали к одному роду.

Установлено, что по своему строению белуджский язык очень схож с курдским, однако сильно различается по словарному запасу в связи с многовековой изоляцией от Курдистана.

По словам Гюль Хан Насира, пакистанского историка, белуджи и курды раньше жили в горах Эльбурс в Каспийском регионе [Nasir, 1952]. Язык белуджей и курдский язык очень похожи, многие из их слов звучат примерно одинаково. Одежда белуджей и курдов также имеет одинаковые черты. Это укрепляет веру в то, что белуджи и курды являлись одним народом, но по какой-то причине были разделены.

Расселение пакистанских белуджей имеет дисперсный характер, тем не менее, независимо от полиэтничности пакистанского государства белуджи сохраняют свой язык и идентичность.

В последние десятилетия они, как и курды, активно развивают движение за национальное самоопределение с требованием суверенности от шиитского Ирана, а также Пакистана. Основная причина противостояния в Иране связана с религиозной составляющей, поскольку белуджи являются суннитами. Во-вторых, Исламабад – единственный, кто получает прибыль от использования природных ресурсов (нефть, газ, золото, уголь, уран) региона Суи (восточная окраина Белуджистана), а поселки белуджей зачастую не имеют даже ни водопровода, ни электричества [Zurutuza, 2010].

Хотелось бы упомянуть наиболее известных курдов Пакистана в мировом курдском сообществе.

Если говорить о курдах из Белуджистана, то стоит отметить министра образования (2002–2007) и оборонной промышленности Пакистана (2018–2022) Зубайду Джалал Хан. Ее семья имеет курдские корни, и они выходцы из пакистанского Белуджистана.

После успешной кампании в 2002 году на парламентских выборах Пакистанской мусульманской лиги (К) Зубайда Джалал стала известна в стране как передовой министр образования – женщина в правительстве премьер-министра Шауката Азиза.

² *Wezîra Berhemanîna Cengî ya Pakîstanê: Ez û hevînê xwe em Kurd in* [Министр оборонной промышленности Пакистана: я курдянка]. RIATAZA. 03.06.2021. URL: <https://krd.riataza.com/2021/06/03/wezira-berhemanina-cengi-ya-pakistane-ez-u-hevîne-xwe-em-kurd-in/> (дата обращения: 10.11.2022).

В начале своей педагогической карьеры она помогла основать школу для девочек в своей деревне при поддержке отца. Это было необычным событием для традиционного консервативного белуджского общества, где женщинам не позволялось посещать школу.

Работая в школе, Зубайда Джалал вместе с тем преподавала в университете Белуджистана английскую литературу. За достижения в области образования в 1993 году она была награждена президентом Пакистана.

Зубайда Джалал Хан—автор большого количества публикаций, включая статьи о борьбе с бедностью.

Немало столетий курдские племена проживают в пакистанской провинции Белуджистан. Свекор Зубайды Джалал был одним из знатных представителей провинции Белуджистан и имел контакты с курдами в эпоху Муллы Мустафы Барзани³. Связь между курдами Пакистана и Ирака сохраняется и по сей день, в особенности с курдами автономии.

Так, в 2021 году министр Зубайда Хан посетила Ирак для обсуждения вопросов координации в области оборонного производства.

С президентом и иракской стороной они обсуждали две основные темы. Первый вопрос относился к продуктам военной промышленности, которыми владеет Пакистан, а также той техники, которая нужна Республике Ирак для внутренней и пограничной безопасности. Другой затронул улучшение отставшей военной промышленности Ирака.

С министром нефти Ирака обсуждался порт Гвадар (Пакистан) и перспективы общей экономической работы Пакистана и Китая. В Исламской Республике Пакистан остается крайне высоким спрос на нефть и прочие нефтепродукты. В центре переговоров был вопрос нефтепровода из Басры в порт Гвадар либо Карачи. В связи с тем, что у порта Гвадар светлое будущее, он в силах стать для Ирака «окном» в страны Центральной Азии. Данная перспектива выгодна обеим сторонам.

Налаживаются отношения для сотрудничества с Ираком в сфере высшего образования и позиционирования человеческих ресурсов.

В Институте Востоковедения РАН 21 апреля 2021 г. состоялась научная конференция, посвященная 30-летию установления бесполетной зоны в Иракском Курдистане (резолюция СБ ООН № 688)⁴. На ней присутствовали представители курдской общины, и во время беседы Абу Бакр Шах Мухаммед (президент Института Курдистана и передней Азии) с гордостью отметил, что Зубайда Джалал имеет отношение к курдской общине и что она великая женщина, занимающая достойное место.

Говоря о курдах, следует упомянуть дважды премьер-министра Исламской Республики Пакистан Беназир Бхутто (1988–1990; 1993–1996). Первая в новейшей истории женщина — глава правительства в стране с преимущественно мусульманским населением, Беназир Бхутто была курдянкой по матери Бегум Нусрат Бхутто (Нусрат Исфакхани) и отмечала, что курдская культура ее матери сыграла большую роль в ее становлении как премьер-министра⁵.

Первые более чем за десятилетие свободные парламентские выборы 16 ноября 1988 года принесли Пакистанской народной партии (ПНП) победу, дав ей в Национальной ассамблее 94 из 207 мест. 35-летняя Беназир Бхутто как лидер партии, была приведена к присяге

³ Видный курдский военный и политический деятель, лидер национально-освободительного движения в Иракском Курдистане (1903–1979).

⁴ ИВ РАН. *Научная конференция, посвященная 30-летию установления бесполетной зоны в Иракском Курдистане (резолюция СБ ООН № 688)*. 21.04.2021. URL: <https://bsv.ivran.ru/novosti?artid=16928> (дата обращения: 14.11.2022).

⁵ *Benazir Bhutto announces she is Kurdish*. Originally published in Yeniden Ozgur Gundem newspaper. 20.07.2003. URL: <http://www.saradistribution.com/butto.htm> (дата обращения: 10.11.2022).

премьер-министра Пакистана, став самой молодой женщиной, когда-либо занявшей пост главы правительства⁶.

Новый кабинет возродил устраненные военной диктатурой права профсоюзов, возобновил свободу печати, упразднил запрет студенческих союзов и ограничения на работу неправительственных организаций. Б. Бхутто также смогла наладить отношения с Индией.

Назначив собственную мать Нусрат Бхутто своим заместителем в марте 1989 года, она ввела в состав правительства еще четырех женщин, увеличив таким образом долю женщин в правительстве до 1/4.

Став во второй раз премьер-министром, Бхутто национализировала нефтяные месторождения, а финансовый доход направила на реализацию социальных программ. Помимо этого, ввела бесплатное здравоохранение и образование и увеличила расходы на них, в бедные села и деревни были проведены электричество и питьевая вода... Реформы Беназир Бхутто высоко оценены как пакистанским обществом, так и на международной арене.

В 1996 году Книга рекордов Гиннеса отметила ее как самого популярного международного политика года. Беназир была присуждена почетная докторская степень Оксфордского университета, посмертно она получила премию ООН 2008 года в области прав человека⁷.

«Портрет» Пакистана в курдском контексте останется незаконченным, если не упомянуть Бегум Нусрат Бхутто, или Нусрат Исфакхани (1929–2011), названную в своей стране «матерью демократии» [Hasan, 2007] в знак признания ее заслуг в борьбе за права женщин и демократические реорганизации в Пакистане. Нусрат Бхутто родилась в Исфакхане (Иран) в семье богатого бизнесмена, принадлежавшего к курдскому шиитскому клану Харири.

Будучи супругой премьер-министра Пакистана Зульфикара Али Бхутто (1973–1977), а также первой леди страны (1971–1973), Бегум Бхутто после казни своего мужа возглавила созданную им Пакистанскую народную партию (1979–1984). В 1988 году как лидер Народной партии Бхутто-Исфакхани вошла в предвыборную кампанию своей дочери Беназир. Бегум Бхутто заняла пост вице-премьера без портфеля в период правления своей дочери и вместе с тем в парламенте была представителем исторической родины клана Бхутто — города Ларкана [Bhutto, 1988].

Чтобы выяснить корни нации, историки сравнивают языки, образ жизни, племенную и социальную структуру разных наций в стремлении обнаружить сходство между народами, а обнаружив его, выдвигают гипотезы о том, существуют ли какие-либо исторические отношения между ними или нет.

Когда дело доходит до истории, каждая нация стремится найти свои корни и свое происхождение. То же самое относится и к народу белуджей и к курдам. К сожалению, не было проделано достаточной работы, чтобы раскрыть скрытые тайны истории. Необходимо приложить большие усилия для изучения и написания истории на научной основе.

Отмечая полиэтничность пакистанского государства, автор сделал попытку проследить «курдский след в Пакистане». Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что, несмотря на небольшую численность курдов в Пакистане, некоторым из них, имеющим курдские корни, в ходе исторической ассимиляции удается занимать высокие должности во властных структурах и достигать определенной степени самореализации.

⁶ *Benazir Bhutto*. Story of Pakistan. 1.06.2003. URL: <https://web.archive.org/web/20141016220955/http://storyofpakistan.com/benazir-bhutto/> (дата обращения: 20.10.2022).

⁷ *The United Nations Prize in the Field of Human Rights*. UN Human Rights. 2008. URL: <https://web.archive.org/web/20191119045732/https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/HRPrizeListofpreviousrecipients.aspx> (дата обращения: 10.11.2022).

Литература / References

Ганковский Ю. В. *Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане*. М., 1967 [V. Gankovsky, *The National Question and National Movements in Pakistan*. Moscow, 1967 (in Russian)].

Пакистанское общество. *Экономическое развитие и социальная структура* / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1987 [*Pakistani society. Economic development and social structure*. Ed. by Yu. V. Gankovsky. Moscow, 1987 (in Russian)].

Энциклопедия Пакистана / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1998 [Encyclopedia of Pakistan. Ed. by Yu. V. Gankovsky. Moscow, 1998 (in Russian)].

Benazir Bhutto. *Östern Dotter*. Forum, 1988.

Benazir Bhutto. *Reconciliation: Islam, Democracy, and the West*. New York, 2009.

Hughes Buller R. *Baluchistan District Gazetteer. The Gazetteer of Las Bela. Introduction to history*. 1907. *Jannahmad. The Baloch Cultural Heritage*. 1982. 200 p.

Nasir G. K. *History of Balochistan* (in Urdu). Vol. I. 1952. 340 p.

Sadri H. A. *Baluchi*. Encyclopaedia of Modern Asia. Vol. 1: Abacus to China. Editors: David Levinson and Karen Christensen. New York: Charles Scribner's Sons, 2002.

Zangana A. S. *Kurd Talk Letter*. Publisher: Hukumran Qalat Balochistan, 1659.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Емельянов В. *Курды в Пакистане и курды Пакистана*. RiaTaza. 09.07.2018. URL: <https://riataza.com/2018/07/09/kurdyi-v-pakistane-i-kurdyi-pakistana/> (дата обращения: 10.11.2022).

ИВ РАН. *Научная конференция, посвященная 30-летию установления бесполетной зоны в Иракском Курдистане (резолюция СБ ООН № 688)*. 21.04.2021. URL: <https://bsv.ivran.ru/novosti?artid=16928> (дата обращения: 14.11.2022).

Benazir Bhutto announces she is Kurdish. Originally published in Yeniden Ozgur Gundem newspaper. 20.07.2003. URL: <http://www.saradistribution.com/butto.htm> (дата обращения: 10.11.2022).

Benazir Bhutto. Story of Pakistan. 01.06.2003. URL: <https://web.archive.org/web/20141016220955/http://storyofpakistan.com/benazir-bhutto/> (дата обращения: 20.10.2022).

Hasan W. S. *A Tribute to Begum Nusrat Bhutto*. 24.03.2007. URL: <https://web.archive.org/web/20190206215332/http://bhutto.org/begum-nusrat-bhutto.php> (дата обращения: 14.11.2022).

Kirmasan D. *Кто такие Белуджи? Почему они восстали?* ANF News. 27.02.2021. URL: <https://anfussian.com/Аналитика/Кто-takie-Beludzi-Росему-oni-vosstali-28195> (дата обращения: 14.11.2022).

The United Nations Prize in the Field of Human Rights. UN Human Rights. 2008. URL: <https://web.archive.org/web/20191119045732/https://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/HRPrizeListofpreviousrecipients.aspx> (дата обращения: 10.11.2022).

Wezîra Berhemanîna Cengî ya Pakîstanê: Ez û hevjinê xwe em Kurd in [Министр оборонной промышленности Пакистана: я курдянка]. RIATAZA. 03.06.2021. URL: <https://krd.riataza.com/2021/06/03/wezira-berhemanina-cengi-ya-pakistane-ez-u-hevjine-xwe-em-kurd-in/> (дата обращения: 10.11.2022).

Zurutuza K. *Den v pousti s balucskymi povstalci* [День в пустыне с белуджскими повстанцами]. Preklad: Albert Friess. Vice Magazine. URL: <http://www.viceland.com/blogs/cs/2010/02/26/den-v-pousti-s-balucskymi-povstalci/> (дата обращения: 20.10.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-174-180

РОССИЯ — ПАКИСТАН — КЫРГЫЗСТАН: ОБЩАЯ СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

© 2022

И. Н. Серенко¹

Статья посвящена важной роли культурно-гуманитарного сотрудничества в налаживании взаимодействия и взаимопонимания между регионально близкими государствами в векторе евразийской интеграции. На примере России, Пакистана и Кыргызстана делается попытка выявить положительный опыт гуманитарного сотрудничества с имеющейся у стран общей исторической и социокультурной памятью, уходящей в советские времена. Показано, что, несмотря на усиление на современном этапе беспрецедентной антироссийской кампании со стороны США и их союзников, среди этих дружественных по отношению друг к другу государств просматривается сохранение ориентированности на реализацию евразийских интеграционных процессов. Не в последнюю очередь это достигается за счет налаживания межкультурного диалога по линии народной дипломатии и сохранения общей исторической памяти дружественными народами, связанной, в том числе, и с творческим наследием выдающихся советских, российских, киргизских и пакистанских писателей, ученых и общественных деятелей. В их ряду выделяются неординарные по своему масштабу личности двух друзей-евразийцев — пакистанского поэта Фаиза Ахмад Фаиза и советско-российско-киргизского прозаика и дипломата Чингиза Торекуловича Айтматова, чья насыщенная литературная и общественная деятельность способствовала расширению межгосударственного сотрудничества в сфере культуры, науки и общественных связей, сближению народов на евразийском пространстве в целом.

Ключевые слова: Фаиз Ахмад Фаиз, Чингиз Айтматов, межкультурный диалог, Советский Союз, ШОС

Для цитирования: Серенко И. Н. Россия — Пакистан — Кыргызстан: общая социокультурная память в контексте евразийской интеграции. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 174–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-174-180

RUSSIA — PAKISTAN — KYRGYZSTAN: SHARED SOCIOCULTURAL MEMORY IN EURASIAN INTEGRATION CONTEXT

Irina N. Serenko

The article is devoted to the important role of cultural and humanitarian cooperation for the interaction and mutual understanding promotion between regionally close states in the vector of Eurasian integration. On the example of Russia, Pakistan and Kyrgyzstan, it has been attempted to identify the positive experience

¹ Серенко Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; serenko9@mail.ru
Irina N. Serenko, PhD (Education), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; serenko9@mail.ru
ORCID: 0000-0002-49-49-254X

of humanitarian cooperation with these countries shared historical and socio-cultural memory going back to Soviet times. It has been also shown, that, despite unprecedented increase at the present stage of anti-Russian campaign on the part of the United States and its allies, there is orientation maintenance among these friendly countries towards each other states on the implementation of Eurasian integration processes. Last but not least, it has been achieved by creating an intercultural dialogue through people diplomacy and shared historical memory protection by friendly nations associated, besides other things, with the creative heritage of outstanding Soviet, Russian, Kyrgyz and Pakistani writers, scientists and public figures. Among them, there are two main personalities of Eurasian friends — the Pakistani poet Faiz Ahmad Faiz and the Soviet-Russian-Kyrgyz novelist and diplomat Chingiz Torekulovich Aitmatov, whose rich literary and social activities contributed to the enhancement of interstate cooperation in the field of culture, science and public relations, peoples convergence in the Eurasian space as a whole.

Keywords: Faiz Ahmad Faiz, Chingiz Aitmatov, intercultural dialog, Soviet Union, SCO

For citation: Serenko I. N. Russia — Pakistan — Kyrgyzstan: Shared Sociocultural Memory in Eurasian Integration Context. Vestnic Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 3. Pp. 174–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-174-180

Несмотря на сложные условия турбулентности современной международной обстановки, отмеченной нарастанием беспрецедентной антироссийской кампании со стороны США и их союзников, среди таких регионально близких государств, как Россия, Пакистан и Кыргызстан, просматривается сохранение ориентированности на реализацию евразийских интеграционных процессов. Эти страны, оставаясь дружественными по отношению друг к другу, продолжают поддерживать конструктивный диалог как в двустороннем, так и многостороннем формате в рамках такой евразийской организации, как ШОС. Об этом свидетельствует и состоявшийся в Самарканде 15–16 сентября 2022 г. саммит лидеров государств — членов ШОС в расширенном составе. На его площадке были проведены двусторонние и многосторонние встречи руководителей России, Пакистана и Кыргызстана, направленные на расширение взаимовыгодного сотрудничества. В качестве важного внешнеполитического направления руководством трех стран выдвигается необходимость включенности государств в интеграционные процессы на обширном евразийском пространстве. Это отвечает их долговременным стратегическим интересам в свете постепенного смещения мирового центра силы экономики и политики в Азию на фоне зарождения новой модели сотрудничества, основанной на принципах равноправия и многополярности мироустройства. Немаловажная роль в налаживании взаимодействия и взаимопонимания между государствами должна при этом отводиться культурно-гуманитарному сотрудничеству. Так, о необходимости и «далее углублять взаимодействие в рамках ШОС в культурно-гуманитарной сфере» через развитие музейного дела, туризма и спорта отмечалось, в частности, в выступлении президента России В. В. Путина на последнем заседании Совета глав государств — членов ШОС². О сохранении ориентированности регионально близких государств на евразийскую интеграцию благодаря начавшемуся процессу «азиатского возрождения», предвиденного выдающимся поэтом и философом Востока Мухаммадом Икбалом, говорили и многочисленные российские и пакистанские участники состоявшейся в Институте востоковедения РАН 26 сентября 2022 г. международной конференции, посвященной 75-летию независимости Пакистана [Серенко, 2022].

Надо отметить, что Россия, Пакистан и Кыргызстан уже накопили определенный положительный опыт гуманитарного сотрудничества, поскольку имеют общую историческую

² Заседание Совета глав государств — членов ШОС • Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69361> (дата обращения: 30.10.2022).

и социокультурную память, уходящую в советские времена. Достаточно вспомнить творческое наследие выдающихся советских, российских, киргизских и пакистанских классиков мировой литературы таких как Андрей Вознесенский (1933–2010), Расул Гамзатов (1923–2003), Римма Казакова (1932–2008), Чингиз Айтматов (1928–2008), Фаиз Ахмад Фаиз (1911–1984). Помимо литературного творчества, всех их связывали и самые дружеские, теплые человеческие отношения. Все это способствовало налаживанию межкультурного диалога по линии народной дипломатии и формированию общей исторической памяти дружественных народов. Активное участие всемирно известных мастеров пера в Движении прогрессивных писателей стран Азии и Африки, созданном в 1958 г. на съезде афро-азиатских писателей в Ташкенте, позволило постепенно выйти на уровень международного культурного взаимодействия, развития единого межкультурного пространства.

В передовых рядах этого межкультурного гуманитарного сотрудничества находились собраты по перу и мировоззрению Чингиз Айтматов и Фаиз Ахмад Фаиз. Стоит напомнить, что выдающемуся пакистанскому национальному поэту и прогрессивному общественному деятелю в 1962 г. за его многочисленные достижения была присуждена высшая советская награда — Международная Ленинская премия мира «За укрепление мира между народами». Он активно путешествовал по советской стране, знакомя читателей со своими стихами, которые переводились не только на русский язык, но и на языки союзных республик, где среди его почитателей было много знатоков восточной поэзии, урду, персидского и арабского языков. Соответственно там «прием ему устраивали поистине падишахский» [Васильева, 2002, с. 304–305]. Много времени Фаиз Ахмад Фаиз уделял налаживанию общественных и научно-культурных связей Пакистана с Советским Союзом, в том числе и через сотрудничество с нашим Институтом востоковедения. Он вел активную работу по созданию провинциальных и городских пакистано-советских обществ дружбы у себя на родине при поддержке своих многочисленных советских друзей.

Среди них стоит выделить выдающегося отечественного востоковеда, основателя пакистановедения в нашей стране Юрия Владимировича Ганковского, который заложил «своим плодотворным научным творчеством и связанной с ним активной общественной деятельностью в качестве президента Ассоциации друзей Пакистана основу академической дипломатии» для выстраивания конструктивных советско-/российско-пакистанских отношений. [Серенко, 2021, с. 226]. Он лично знал и общался со многими видными пакистанскими учеными, дипломатами и общественными деятелями, включая Фаиза Ахмад Фаиза. Как следует из воспоминаний собственного корреспондента газеты «Правда» Александра Викторовича Филиппова, он, отправляясь в свою командировку в Пакистан, получил от авторитетного советского ученого напутствие обязательно встретиться с этим необыкновенным человеком, ибо встреча с ним, по словам профессора, безусловно «поможет понять многие стороны пакистанской действительности». Отечественный востоковед правомерно считал, что Фаиз — «человек интереснейшей судьбы, большой друг нашей страны» [Филиппов, 1976, с. 7].

Неудивительно, что столетний юбилей пакистанского поэта широко отмечался в 2011 г. в стенах Института востоковедения РАН и Государственном музее Востока с участием представительной делегации пакистанских общественных деятелей, писателей и журналистов. Показательным является также и выход в России нового сборника стихов Фаиза Ахмад Фаиза, составленного всемирно признанным специалистом в области поэзии урду, ведущим научным сотрудником ИВ РАН Людмилой Александровной Васильевой. Издание книги было приурочено к 75-летию создания Пакистана. Презентация сборника стихов пакистанского поэта состоялась 22 июня 2022 г. в Восточном культурном центре ИВ РАН при поддержке и участии посольства

Пакистана в РФ³. Как было справедливо отмечено послом ИРП в РФ Шафкат Али Ханом, успех российско-пакистанского сближения на современном этапе «в немалой мере был заложен «культурным послом» Пакистана в Москве Фаизом Ахмадом Фаизом и его проникновенной поэзией» [Фаиз, 2021, с. 7]. Автору данной статьи посчастливилось принять участие в этом важном событии укрепления межкультурного диалога двух стран на основе имеющейся у них общей социокультурной памяти. Так, научный руководитель ИВ РАН Виталий Вячеславович Наумкин поделился с присутствующими в зале дипломатами, учеными и журналистами своими воспоминаниями о встречах с Фаизом, в том числе в Ассоциации писателей стран Азии и Африки, где пакистанский литератор и общественный деятель играл важную роль.

Работа более 25 лет в этой международной писательской Ассоциации объединяла Фаиза Ахмад Фаиза с его давним другом Чингизом Торекуловичем Айтматовым, который в 1963 г. за свои достижения и заслуги также был удостоен Ленинской премии. Обращаясь в беседе к своему другу Фаизу накануне 25-летнего юбилея Ассоциации азиатско-африканских писателей, Чингиз Айтматов откровенно признался, что четверть века — немалый срок в человеческой жизни, «а мы с вами, дорогой Фаиз, знакомы уже почти столько же лет. Я считаю такое долгое дружеское общение людей даром судьбы. На протяжении этих лет мы с вами часто встречались, много беседовали, иногда спорили, но все же чаще было сходство взглядов на нашу жизнь, на проблемы нашего ремесла. Есть все-таки магия чисел, и число 25 заставляет с повышенной пристальностью всмотреться в прожитое и пережитое, оглянуться на пройденное, поразмыслить над тем, куда и как идти дальше. Жизнь никакой магии не подвластна, она продолжается и продолжает ставить перед нами все новые задачи, так что подведение итогов всегда ведет к составлению планов на будущее»⁴.

Помимо совместной работы в международной Ассоциации писателей стран Азии и Африки, инициаторами которой они были оба, соратников по перу и духу объединяла также общая любовь к нашей столице — Москве, где они долгое время проживали, их общая привязанность к русской и советской культуре в целом. Окружавшая их здесь атмосфера дружеской любви, искренней симпатии и душевного комфорта способствовала взаимопроникновению культур, творческому вдохновению, рождению литературных шедевров. Даже незнание пакистанским поэтом русского языка не было препятствием в общении с его приятелями-поэтами и многочисленными почитателями литературного таланта. По свидетельству друзей, при всей его скромности он был яркой харизматической личностью, «обладал каким-то особым магнетизмом. Даже когда рядом не было переводчика, ему удавалось поддерживать «беседу» с самыми разными людьми, неизменно вызывая у своих «собеседников» чувство симпатии» [Фаиз, 2021, с. 13]. Так, поэтесса Римма Казакова с душевной теплотой отмечала, что ей легко общаться с Фаизом «на языке молчания». Это нашло отражение в ее стихотворении «Молчание поэта»:

Я помню, как легко, не оробело,
Как было хорошо молчать с тобой!...
Фаиз, ты был таким нам близким, ближним,
что вымолвить, назвать — казалось лишним,
а промолчать — слышнее стать стократ...
[Васильева, 2002, с. 305].

³ Презентация сборника переводов Фаиза. URL: <http://parepmoscow.com/ru/media/news/prezentaciya-sbornika- perevodov-faiza/> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ Высокий долг писателя. Беседа Чингиза Айтматова с Фаиз Ахмад Фаизом // Вопросы литературы. URL: <https://voplit.ru/article/vysokij-dolg-pisatelya-beseda-chingiza-ajtmatova-s-faiz-ahmad-faizom/> (дата обращения: 11.11.2022).

Выступая в Доме литераторов в Москве на праздновании своего семидесятилетнего юбилея, Фаиз Ахмад Фаиз, в частности, признавался: «Я люблю этот город и его жителей. Здесь мне дарили дружбу и любовь, минуты вдохновения и взлета творческих сил. Москва научила меня любви и ненависти: любви к миру и ненависти к войне. Именно здесь я особенно отчетливо понял, что мир нужно не только любить, но за него нужно и бороться, нужно вести войну против войны, за мир на земле...» [Фаиз, 2021, с. 13–14]. Его слова остаются актуальными и по сей день, в эпоху современного глобального противостояния и мировой трансформации.

Можно вполне согласиться с точным определением близкого соратника Чингиза Айтматова, исследователя его творчества Осмонакуна Ибраимова о том, что киргизский писатель, как, впрочем, и его пакистанский друг Фаиз, «по культурным привязанностям, по душевному складу был истинный... евразиец» [Ибраимов, 2018, с. 6]. Творчество Чингиза Айтматова подпитывалось плодотворным синтезом различных культур и национальных ментальностей, прежде всего генетически родной — киргизской, а также русской, сориентировавшей писателя на регион Евразии в целом. Его «с детства увлекала мысль о соединении мира, идея связанности людей и народов. В этом смысле он, как писатель, выросший на просторах громадной евразийской державы под названием Советский Союз, всем пафосом своего творчества и взглядами предстал неким антиподом Редьярда Киплинга, еще одного выразителя духовной имперскости, говорившего, наоборот, о разделенности Запада и Востока» [Ибраимов, 2018, с. 34].

Творческая судьба Фаиза также органически была переплетена с советской культурой, порождая лучшие шедевры лирики урду. При этом нельзя отрицать и влияния западной культуры, учитывая разностороннюю образованность поэта и факт того, что его супруга Элис была англичанкой, хотя и разделяла марксистские взгляды своего супруга. Но все-таки первое зарубежное издание стихов Фаиза вышло на русском языке в 1960 г. в Москве, а на английском только в 1971 году. Его поэтические произведения переводились затем с русского на языки союзных советских республик, включая киргизский. Из беседы автора данной статьи с Людмилой Александровной Васильевой было интересно узнать, что она, начиная с 1968 г., на протяжении 17 лет была личным переводчиком Фаиза во время его многочисленных визитов в Советский Союз. В своей книге, посвященной жизни и творчеству пакистанского поэта, ученый-востоковед отвела отдельную главу его личной и творческой связанности с СССР, где прошла большая часть его сознательной жизни [Васильева, 2002, с. 292–306]. Людмила Александровна постоянно присутствовала при встречах Фаиза Ахмад Фаиза с его другом Чингизом Айтматовым в Москве, когда они увлеченно обсуждали проблемы литературы и искусства, а также свои планы по дальнейшему сотрудничеству, включая, в частности, возможность создания совместного советско-пакистанского фильма на основе одного из произведений Чингиза Айтматова. Советский писатель, как следует из воспоминаний ученого-востоковеда, дважды приглашал ее с пакистанским собратом по перу погостить у него на даче на прекрасном озере Иссык-Куль, хотя по независящим от них обстоятельствам эта поездка так и не состоялась.

Однако общественный и культурный деятель мирового масштаба смог реализовать свой впечатляющий проект по проведению международного «Иссык-Кульского форума», который проходил 14–17 октября 1986 г. в городе Чолпон-Ата. По инициативе Чингиза Айтматова на него были приглашены известные ученые, писатели, актеры, художники и общественные деятели со всего мира. Выступая на открытии этой международной диалоговой площадки мировых интеллектуалов, Чингиз Айтматов, как истинный посланник мира, убедительно доказывал собравшимся участникам формулу мирного сосуществования человечества: «Нет второго земного шара, куда могла бы переселиться от конфликтов и притеснений часть населения Земли.

Такого не дано. Научиться жить сообща на небольшой планете — вот единственная альтернатива человечества на сегодняшний день и на все грядущие времена» [Айтматов, 1987, с. 36].

Стоит сказать, что над претворением в жизнь этой идеи своего выдающегося земляка активно работает Евразийская ассоциация дополнительного образования детей, созданная на базе Кыргызского республиканского учебно-методического центра эстетического воспитания «Балажан», имеющего статус клуба ЮНЕСКО. Автору данной статьи удалось дважды принять участие в международных научно-практических конференциях, проведенных под эгидой Министерства образования и науки Кыргызской Республики. Они традиционно проходили в июле 2021–2022 гг. в Госрезиденции президента Республики Кыргызстан на Иссык-Куле (г. Чолпон-Ата). В их рамках также ежегодно проводится Международный этно-карнавал «Иссык-Куль собирает друзей» с участием детских творческих коллективов из Белоруссии, России, Казахстана, Узбекистана и различных областей Кыргызстана. Подобные масштабные мероприятия, направленные на интеграционные процессы в ареале обширного евразийского пространства, включая сферу обучения и воспитания подрастающих поколений, способствуют укреплению дружественных связей регионально близких государств на основе имеющейся у них исторической и социокультурной памяти народов при всем многообразии их этнокультурных традиций⁵. Большой интерес у участников международного форума вызвала переданная в дар от Института востоковедения РАН его организаторам новая книга «Фаиз», куда вошли все переводы стихотворений выдающегося пакистанского поэта, опубликованные на русском языке, с творчеством которого киргизы могли познакомиться в переводе на их родной язык еще в советские времена.

Как представляется, неординарные по своему масштабу личности двух друзей-евразийцев — пакистанского поэта Фаиза Ахмад Фаиза и советско-российско-киргизского прозаика и дипломата Чингиза Торекуловича Айтматова предвидели перспективу интеграционных процессов, участвуя непосредственно в межкультурном взаимодействии народов на обширном пространстве Большой Евразии. Их литературная и общественная деятельность способствовала сближению народов, культур и религий на евразийском пространстве, расширению межгосударственного сотрудничества в области культуры, науки и общественных связей. Изучение их богатого творческого наследия, несомненно, может быть полезным для понимания происходящих сегодня процессов евразийской интеграции как на российско-пакистано-киргизском направлении, так и в более широком плане создания в перспективе Большого евразийского партнерства регионально близких государств. Поистине пророчески звучат слова Чингиза Айтматова о том, что «история человеческого развития вступила в фазу, когда уже больше невозможно изолированное существование народов. ...многосторонняя взаимозависимость народов земли превратилась в определяющий фактор эпохи. Поистине теперь никто не остров»⁶.

Литература / References

Айтматов Ч. Т. Вступительное слово на открытии Иссык-Кульского форума. Фрунзе. 1987 [Aitmatov Ch. T. Introductory Speech at the Opening of the Issyk-Kul Forum. Frunze. 1987 (in Russian)].

Васильева Л. А. Фаиз Ахмад Фаиз. Жизнь и творчество. М., 2002 [Vasilyeva L. A. Faiz Ahmad Faiz. Life and Creative Work. Moscow, 2002 (in Russian)].

⁵ Новости ИВ РАН. URL: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=17626>; <https://www.ivran.ru/novosti?artid=210714> (дата обращения: 11.11.2022).

⁶ Высокий долг писателя. Беседа Чингиза Айтматова с Фаиз Ахмад Фаизом // Вопросы литературы. URL: <https://voplit.ru/article/vysokij-dolg-pisatelya-beseda-chingiza-ajtmatova-s-faiz-ahmad-faizom/> (дата обращения: 11.11.2022).

Ибраимов О. И. Чингиз Айтматов. М., 2018 [Ibraimov O. I. Chingiz Aitmatov. Moscow, 2018 (in Russian)].

Серенко И. Н. О вкладе Ю. В. Ганковского в отечественное и мировое пакистановедение (к 100-летию со дня рождения) // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 2. С. 224–233 [Serenko I. N. On Yu. V. Gankovsky's Contribution to the National and World Pakistani Studies (To the 100th Anniversary). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2021. Pp. 224–233 (in Russian)].

Серенко И. Н. Международная научная конференция «Исламская Республика Пакистан: проблемы и перспективы развития (к 75-летию независимости)» // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 3. С. 132–149 [Serenko I. N. International Scientific Conference «Islamic Republic of Pakistan: Problems and Prospects of Development (to the 75th Anniversary of Independence)». *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2022. 3. Pp. 132–149 (in Russian)].

Филиппов А. В. Порывая с прошлым. М., 1976 [Filipov A. V. Breaking with the Past. Moscow, 1976 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Высокий долг писателя. Беседа Чингиза Айтматова с Фаиз Ахмад Фаизом // *Вопросы литературы*. URL: <https://voplit.ru/article/vysokij-dolg-pisatelya-beseda-chingiza-ajtmatova-s-faiz-ahmad-faizom/> (дата обращения: 11.11.2022).

Заседание Совета глав государств — членов ШОС • Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69361> (дата обращения: 30.10.2022).

Новости ИВ РАН. URL: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=17626>; <https://www.ivran.ru/novosti?artid=210714> (дата обращения: 11.11.2022).

Презентация сборника переводов Фаиза. URL: <http://parepmoscow.com/ru/media/news/prezentaciya-sbornika-perevodov-faiza/> (дата обращения: 10.11.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-181-187

ПАКИСТАНО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ГОРИЗОНТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

© 2022

Р. Е. Прохоров¹

Статья посвящена политическому, экономическому, военному и гуманитарному сотрудничеству Пакистана с Италией. Итальянская республика рассматривается как многолетний торгово-экономический партнер Пакистана. Отмечается, что Италия входит в первую десятку стран, в которые Пакистан экспортирует свои товары. Приводятся примеры эффективной инвестиционной деятельности итальянских компаний в Пакистане. Отдельное внимание уделяется роли трудовых мигрантов из Пакистана, их вкладу в пакистанскую экономику. Выделяется военное сотрудничество как традиционное направление сотрудничества Пакистана и Италии. Проводится параллель развития военного сотрудничества между странами с интересами военной элиты Пакистана. Взаимодействие в сфере культуры представлено на примере совместных проектов университетов двух стран, работы совместных археологических экспедиций, ежегодного литературного фестиваля в Карачи. Активное использование гуманитарного вектора в двустороннем взаимодействии также призвано способствовать политическому и экономическому сближению Пакистана и Италии. Подчеркивается, что в гуманитарной сфере взаимодействия двух государств отсутствуют негативные аспекты, как, например, это имело место в пакистано-французских межкультурных отношениях. В заключение делается вывод, что данный подход к развитию двусторонних связей Пакистана и Италии прошел проверку временем, экономически обоснован и не противоречит их внешнеполитическим интересам по отношению к третьим странам.

Ключевые слова: Пакистан, Италия, торгово-экономические связи, безопасность, технологии, энергетические проекты, мигранты

Для цитирования: Прохоров Р. Е. Пакистано-итальянские отношения: горизонты сотрудничества и перспективы развития. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 181–187. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-181-187

PAKISTANI — ITALIAN RELATIONS: HORIZONS OF COOPERATION AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

Ruslan E. Prokhorov

The article deals with the political, economic, military and humanitarian cooperation between Pakistan and Italy. The Italian Republic is regarded as a long-term trade and economic partner of Pakistan. It is noted,

¹ Прохоров Руслан Евгеньевич, кандидат психологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; Vostok2014IV@gmail.com

Prokhorov Ruslan E. PhD (Psychology), Research associate, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow; Vostok2014IV@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8387-3311

that Italy is among the top ten countries to which Pakistan exports its goods. Examples of effective investment activity of Italian companies in Pakistan are given. Special attention is paid to the role of labor migrants from Pakistan, their contribution to the Pakistani economy. Military cooperation is highlighted as a traditional area of cooperation between Pakistan and Italy. A parallel is drawn to the development of military cooperation between countries with the interests of the military elite of Pakistan. Interaction in the field of culture is presented on the example of joint projects of these two countries universities, on the work of joint archaeological expeditions, and the annual literary festival in Karachi. It is emphasized, that there are no negative aspects in the humanitarian sphere of interaction between the two states, as, for example, it took place in Pakistani-French intercultural relations. Finally, it is concluded, that this approach to the development of bilateral relations between Pakistan and Italy has stood the test of time, it is economically justified and does not contradict their foreign policy interests in relation to third countries.

Keywords: Pakistan, Italy, trade and economic relations, security, technologies, energy projects, migrants

For citation: Prokhorov R. E. Pakistani-Italian Relations: Horizons for Cooperation and Prospects for Development. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN. 2022. 3. Pp. 181–187. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-181-187

Дипломатические отношения между Пакистаном и Италией были установлены в 1948 г. Две страны находят интересную аналогию в географическом и историческом сравнении. Как Италия, протянувшаяся через Средиземное море и соединяющая юг Европы с государствами Северной Африки, так и Пакистан, расположенный на перекрестке транспортных путей, по историческим меркам достаточно молодые страны. Некоторое сравнение Италия и Пакистан находят и как религиозные центры, что объясняется расположением Ватикана и некоторыми претензиями Пакистана на лидерство в мусульманском мире [Fornana, 1991, pp. 19–27].

Политическое сближение Пакистана и Италии во многом объясняется экономическими обстоятельствами. Именно большая зависимость страны от внешних источников финансирования, а также получения сырья, оборудования, технического опыта и специалистов определила необходимость в иностранной помощи [Жмуйда И. В., Морозова М. Ю., Шах Наваз, 2007, с. 146].

Новый этап политического взаимодействия между государствами стартовал в 2013 году, когда во время официального визита в Италию государственный министр иностранных дел Пакистана Х. Раббани Хар и ее итальянский коллега Д. Терци ди Сант-Агата подписали План стратегического взаимодействия². В соответствии с данным документом две страны обязались расширять двустороннее сотрудничество, особенно в области обороны и безопасности. Региональная политика Италии вполне устраивает Пакистан. Официальный Рим занимает благоприятную для Исламабада позицию по Кашмиру, предпочитая ограничиваться призывами к диалогу и разрешению конфликта за столом переговоров.

Примечательно, что во внешнеполитических структурах Италии, как и, например, в МИД Германии, имеется должность специального представителя по Афганистану. Вместе с тем активно функционируют несколько негосударственных двусторонних экономических объединений, что еще раз подчеркивает традиционный характер развития пакистано-итальянских торгово-экономических связей.

² Pakistan, Italy sign accord on defence cooperation. 01.02.2013. URL: <https://www.dawn.com/news/782967/pakistan-italy-sign-acco%20rd-on-defence-cooperation> (дата обращения: 12.08.2022).

Торгово-экономическое сотрудничество Пакистана и Италии

Отличительной чертой экономических отношений Пакистана и Италии является их сосредоточенность в области передачи технологий для промышленного сектора. С 1980 г. Италия принимает активное участие в процессе экономического развития Пакистана через программы сотрудничества между странами в рамках специально подписанного еще в 1975 г. соглашения. В настоящее время Италия поставляет в Пакистан современное промышленное оборудование, в том числе электрооборудование, оказывает технологическую помощь в развитии текстильной промышленности, сельскохозяйственного сектора, переработке продуктов питания. Так, в Фейсалабаде при Национальном текстильном университете создан Итало-Пакистанский центр текстильных технологий. Данный центр был оборудован за счет средств правительства Италии и оснащен новейшей итальянской техникой³.

В качестве примера успешной работы итальянских фирм в Пакистане можно привести пример компании «Эни» и ее филиала «Эни Нью-Энерджи Пакистан». Итальянская компания «Эни» работает в энергетическом секторе Пакистана с 2000 г., специализируясь в секторе разведки и добычи природного газа⁴.

Символичным для партнерства Пакистана и Италии в энергетическом секторе стало открытие в 2019 г. сооруженной по итальянскому проекту солнечной электростанции в г. Бхит (провинция Синд), интегрированной с газовыми месторождениями и ориентированной на ближайшие промышленные объекты. При этом доля итальянской стороны в проекте составила 40%. Фотоэлектрический проект в г. Бхит развивает итальянскую инвестиционную деятельность и призван подчеркнуть экологическую составляющую двустороннего сотрудничества. Уникальность созданной установки заключается в том, что за счет связи с существующей системой энерговыработки она рассчитана на периодическое отключение одной из газовых турбин и экономии эксплуатационных расходов. Это еще раз подчеркивает многолетнюю практику передачи итальянской стороной современного технологичного оборудования. В 2021 г. итальянская сторона объявила о продаже своей доли в проекте пакистанской компании «Прайм Интернейшнл ОйлГаз», созданной командой бывших местных сотрудников фирмы «Эни». Данное соглашение стало частью инвестиционной стратегии «Эни» по извлечению дополнительной стоимости из ее стратегических активов и передаче непрофильных активов⁵.

По состоянию на 2021 г. Италия входит в первую десятку стран, куда Пакистан экспортирует свою продукцию. В 2021 г. экспорт Пакистана в Италию превысил 763,5 млн евро. Основные статьи пакистанского экспорта в Италию — это зерно, рис, текстиль, кожа, обувь. За этот же период экспорт Италии в Пакистан составил 754 млн евро. Пакистан импортирует из Италии суда, лодки и другие плавучие сооружения, фармацевтическую продукцию, самолеты, космические аппараты, электрооборудование, электронное оборудование, органические химикаты, чугун, сталь, различные химические продукты и медицинское оборудование.

Значительную роль в развитии торгово-экономических связей играет посольство Пакистана в Италии. По состоянию на 2021 г. оно координировало визит делегации из кожевенного

³ Ties with Italy at all-time high. URL: <https://tribune.com.pk/story/2316217/ties-with-italy-at-all-time-high> 19.08.2021 (дата обращения: 30.10.2022).

⁴ Bhit: the development of photovoltaics in Pakistan. URL: <https://www.eni.com/en-IT/operations/pakistan-bhit.html> (дата обращения: 26.10.2022).

⁵ Eni announces the completion of Bhit Photovoltaic Plant in Pakistan. URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2019/11/eni-announces-the-completion-of-bhit-photovoltaic-plant-in-pakistan.html> (дата обращения: 30.10.2022).

сектора Пакистана, которая, по данным Пакистанской ассоциации кожевников, подписала деловые контракты с итальянскими компаниями на сумму 11,9 млн евро⁶.

С 2017 г. итальянское правительство проявляет интерес к проекту Китайско-Пакистанского экономического коридора. Италия была единственной страной «Большой семерки», делегация которой приняла участие в международном форуме 2017 г. в Пекине, посвященном обсуждению проектов Шелкового пути [Алексеев Е. С., 2021, с. 98–108]. Однако после 2020 г. под нажимом США и стран ЕС произошло замедление сотрудничества в данном направлении. Учитывая прошедшие в сентябре 2022 г. в Италии парламентские выборы, персональный состав вновь сформированного правительства страны, а также экономические процессы в ЕС, пока сложно прогнозировать возвращение Италии в проекты, продвигаемые Китаем, часто носящие кредитно-долговой характер, и соответственно активизацию трехстороннего взаимодействия Пакистана, Китая и Италии в данном направлении.

В торгово-экономических отношениях Пакистана и Италии значительную роль играет фактор трудовой миграции. Италия занимает одно из первых мест по количеству выходцев из Пакистана. По различным подсчетам, пакистанская диаспора насчитывает 150–200 тысяч человек. По заявлениям посла Пакистана в Италии Д. Салима, Италия стала крупнейшим источником денежных переводов рабочих из Европейского союза в Пакистан и вторым по величине во всей зарубежной Европе после Соединенного Королевства. Денежные переводы от пакистанских рабочих в Италию достигли рекордно высокого уровня. С показателями в 711,7 млн долларов в 2022 финансовом году Италия стала седьмым по величине центром денежных переводов рабочих в Пакистан в мире и ведущим в странах ЕС.

Итальянское правительство разработало для трудовых мигрантов ряд привлекательных проектов. В частности, уже действует схема амнистии по легализации тысяч незарегистрированных пакистанских рабочих. Пакистан включен в итальянскую программу сезонных рабочих виз, потребительских финансовых продуктов и программы Государственного банка Пакистана. Посольство Пакистана также активизировало информационную кампанию по продвижению официальных каналов денежных переводов⁷.

СОТРУДНИЧЕСТВО ПАКИСТАНА И ИТАЛИИ В СФЕРЕ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

Италия наряду с Францией и Германией всегда была не только одним из основных дипломатических и торгово-экономических партнеров Пакистана, но и стабильным поставщиком вооружения и военной техники [Каменев С. Н., 2017, с. 70–84]. Данная тенденция сохраняется и в XXI в. Официальный Исламабад рассматривает Италию в качестве надежного партнера среди европейских стран и в рамках многосторонних форумов. В этом контексте следует особенно отметить совпадение взглядов на реформу Совета Безопасности ООН. В рамках мероприятий, направленных на развитие двусторонних отношений, действует италяно-пакистанская смешанная комиссия, организованная в Исламабаде в ноябре 2019 г.

В соответствии с Планом стратегического взаимодействия две страны обязались расширять двустороннее сотрудничество, особенно в области обороны и безопасности⁸. В 2015 г.

⁶ Pakistan, Italy economic ties. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/900677-pakistan-italy-economic-ties>. 16.10.2021 (дата обращения: 30.10.2022).

⁷ Pakistan regards Italy as a good friend and reliable partner: Kaira. URL: <https://dailytimes.com.pk/945428/pakistan-regards-italy-as-a-good-friend-and-reliable-partner-kaira/> (дата обращения: 02.11.2022).

⁸ Pakistan, Italy sign accord on defence cooperation. Dawn. URL: <https://www.dawn.com/news/782967/pakistan-italy-sign-accord-on-defence-cooperation> (дата обращения: 30.10.2022).

Италию посетила делегация высокопоставленных военных. Тогдашний начальник штаба сухопутных войск Пакистана Р. Шариф провел переговоры с министром иностранных дел Италии, начальником Генерального штаба и начальником штаба сухопутных войск. Пакистанская делегация посетила промышленную группу по обороне и безопасности и штаб-квартиру ПВО Италии, генерал Р. Шариф выступил в Центре международных исследований в Риме. В ходе встреч рассматривались вопросы региональной безопасности и стабильности, расширения двусторонних контактов между военными двух государств, взаимодействие в области подготовки военных кадров.

При этом военное сотрудничество с Италией не может не отражать политические и экономические интересы военной элиты Пакистана. [Замараева Н. А., 2015, с. 312–327]. Например, комментируя исключение Пакистана из «серого» списка Глобальной финансовой группы по контролю за финансовыми мероприятиями (ФАТФ), премьер-министр Пакистана Ш. Шариф отметил именно усилия военного руководства Пакистана и особенно главнокомандующего пакистанской армией генерала К. Баджвы⁹.

СОТРУДНИЧЕСТВО ПАКИСТАНА И ИТАЛИИ В ГУМАНИТАРНОЙ ОБЛАСТИ

Для укрепления двусторонних отношений весьма успешно используется сотрудничество в области культуры и науки. В соответствии с различными соглашениями и меморандумами итальянской стороной создаются в Пакистане общественные школы, проводятся семинары и организуются различные научные экспедиции. Странами также реализуется несколько совместных культурно-исторических проектов. Среди них можно отметить Итальянскую археологическую миссию и Литературный фестиваль в Карачи. Итальянская археологическая миссия в долине Сват действует с 1956 г. и связана с ролью профессора Джузеппе Туччи в раскопках города Гандхара, которые внесли выдающийся вклад в познание индо-греческого искусства, имеющего исключительную историческую ценность, будучи памятниками синкретической цивилизации, основанной армией Александра Македонского. Миссией реализуется проект по оцифровке описательных карт и археологических материалов, хранящихся в Лахорском музее и музеях Свата. В знак признания высокой ценности Миссии два ее директора (первый – доктор Доменико Фачченна и нынешний профессор Лука Мария Оливьери) и тогдашний президент проекта профессор Герардо Ньюли были удостоены высоких пакистанских наград. Некоторые находки миссии переданы в Национальный музей Востока в Риме.

Итальянская археологическая миссия в Пакистане также развивает сотрудничество в сфере медицины и биологии посредством взаимодействия с университетами США и Германии. Так, в сотрудничестве с Гарвардской медицинской школой и Институтом Макса Планка в долине Сват проводится изучение генома человека¹⁰. В 2013 г. миссией был реконструирован музей, пострадавший в результате теракта в 2008 г. В 2016 г. была отреставрирована статуя Будды Джаханабада, подорванная талибами в 2007 г. Деятельность итальянской миссии часто связывают и с развитием археологического туризма в Пакистане, в первую очередь в провинции Синд.

Одним из знаковых мероприятий в пакистано-итальянских отношениях является Литературный фестиваль в г. Карачи. Среди всех мероприятий программы фестиваля особенно

⁹ Pakistans-removal-from-fatf-is-no-panacea-for-countrys-economic-challenges. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2022/10/24/pakistans-removal-from-fatf-is-no-panacea-for-countrys-economic-challenges/022> (дата обращения: 30.10.2022).

¹⁰ The Bilateral Relations. URL: https://ambislamabad.esteri.it/ambasciata_islamabad/en/i_rapporti_bilaterali/ (дата обращения: 03.11.2022).

выделяется вручение премии «Италия читает Пакистан». В ее рамках проводится награждение молодых авторов, написавших свои работы на урду и английском языке и переведенные на итальянский язык. На фестивале также представлены секции, посвященные итальянскому искусству, сессия по изучению творчества Икбала-Данте, издательской деятельности. Одна из широко афишированных задач фестиваля — поиск общих источников между литературными произведениями Италии и Пакистана. Вместе с тем работа фестиваля ориентирована и на знакомство итальянской общественности с современным Пакистаном, пакистанской диаспорой в Италии.

Посольство Пакистана в Риме проводит ежегодный Фестиваль манго. Мероприятие традиционно открывают высокопоставленные дипломаты Пакистана. Гостям подаются свежесрезы манго, молочный коктейль, джемы и мороженое. Также предлагаются блюда традиционной пакистанской кухни, халва и барбекю. Фестиваль манго является частью общественной и экономической деятельности и одним из самых ожидаемых социальных событий года в Риме¹¹.

Важно, что в гуманитарной сфере двух государств отсутствуют негативные аспекты, как, например, это имело место в пакистано-французских межкультурных отношениях, когда в 2015 г. в одном из номеров французского журнала «Шарли Эбдо» были опубликованы карикатуры на пророка Мухаммеда. Тогда МИД Пакистана выступил с осуждением богохульных карикатур. Было указано на то, что свобода слова не должна использоваться для оскорбления религиозных чувств. В официальном заявлении внешнеполитического ведомства Пакистана данные публикации были названы попыткой посеять рознь между цивилизациями, содержался призыв укреплять межнациональную и межобщинную гармонию.

Анализ двусторонних пакистано-итальянских отношений позволяет сформулировать следующие выводы относительно современного состояния и перспектив их развития.

На становление и современное развитие партнерства Италии и Пакистана влияли и влияют общность торгово-экономических интересов, технологическая заинтересованность бизнес-кругов Пакистана в сотрудничестве с Италией, потребность итальянской стороны в расширении политических и экономических связей с мусульманскими странами Азии.

Сотрудничество двух государств в сфере обороны и безопасности направлено на демонстрацию совместного противодействия террористическим угрозам, открытости к сотрудничеству на афганском направлении, активизацию Пакистаном развития различных форм взаимодействия с государствами — членами НАТО, наличия потенциала для дальнейшего военно-технического сотрудничества.

Активное использование гуманитарного вектора в двустороннем взаимодействии также призвано способствовать политическому и экономическому сближению Пакистана и Италии.

Литература/References

Алексеев Е. С. *Италия в тисках американо-китайского противостояния* // Европейская аналитика / Ин-т Европы Российской акад. наук / Под общ. ред. К. Н. Гусева, ред. кол.: Ал. А. Громыко (предс.) [и др.]. М.: ИЕ РАН, 2021. С. 98–108 [Alekseenkova E. S. Italy grasped by US-China rivalry. European analytics. *Analytical notes of the Institute of Europe RAS*. Under total ed. K. N. Guseva, red. coll.: Al. A. Gromyko (pres.). Moscow, 2021. Pp. 98–108 (in Russian)].

¹¹ Mango Festival in Pakistan Embassy, Rome, Italy. URL: <https://mofa.gov.pk/mango-festival-in-pakistan-embassy-rome-italy/> (дата обращения: 30.10.2022).

Жмуйда И. В., Морозова М. Ю., Шах Наваз. Пакистан: экономические диспропорции и региональная политика государства. М.: Научная книга, 2007 [Zhmuída I. V., Morozova M. Y., Shah Navaz. *Pakistan: economic disproportions and regional policy of the state*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Замараева Н. А. Армия и демократические институты в современном Пакистане / Нации и национализм на мусульманском Востоке / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, 2015. С. 312–327 [Zamaraeva N. A. *Army and democratic institutions in the contemporary Pakistan. Nations and nationalism in the muslim East*. Rep. ed. V. Ya. Belokrenitsky, N. Yu. Ulchenko. Moscow, 2015. Pp. 312–327 (in Russian)].

Каменев С. Н. Пакистан на южных рубежах России: проблемы и перспективы отношений в регионе // Труды Института востоковедения РАН. Выпуск 5. Мусульманский мир на исторических рубежах России / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульченко; сост. И. Г. Саетов. М.: ИВ РАН, 2017. С. 70–84 [Kamenev S. N. *Pakistan at the southern borders of Russia: problems and perspectives of relations in the region. Proceedings of the Institute of Oriental Studies R.A.S. Issue 5. The Muslim world on the historical frontiers of Russia*. Rep. ed. V. Ya. Belokrenitsky, N. Yu. Ulchenko; comp. I. G. Saetov. Moscow, 2017. Pp. 70–84 (in Russian)].

Fornana A. Pakistan-Italy relations // Pakistan Horizon. 1991. Vol. 44. № 3. Pp. 19–27.

Электронные ресурсы/Electronic sources

Pakistan, Italy sign accord on defence cooperation. 01.02.2013. URL: <https://www.dawn.com/news/782967/pakistan-italy-sign-acco%20rd-on-defence-cooperation> (дата обращения: 12.08.2022).

Ties with Italy at all-time high. URL: <https://tribune.com.pk/story/2316217/ties-with-italy-at-all-time-high> 19.08.2021 (дата обращения: 30.10.2022).

Bhit: the development of photovoltaics in Pakistan. URL: <https://www.eni.com/en-IT/operations/pakistan-bhit.html> (дата обращения: 26.10.2022).

Eni announces the completion of Bhit Photovoltaic Plant in Pakistan. URL: <https://www.eni.com/en-IT/media/press-release/2019/11/eni-announces-the-completion-of-bhit-photovoltaic-plant-in-pakistan.html> (дата обращения: 30.10.2022).

Pakistan, Italy economic ties. URL: <https://www.thenews.com.pk/print/900677-pakistan-italy-economic-ties>. 16.10. 2021 (дата обращения: 30.10.2022).

Pakistan regards Italy as a good friend and reliable partner: Kaira. URL: <https://dailytimes.com.pk/945428/pakistan-regards-italy-as-a-good-friend-and-reliable-partner-kaira/> (дата обращения: 02.11.2022).

Pakistan: Italy sign accord on defence cooperation. Dawn. URL: <https://www.dawn.com/news/782967/pakistan-italy-sign-acco%20rd-on-defence-cooperation> (дата обращения: 12.08.2022).

Pakistans-removal-from-fatf-is-no-panacea-for-countrys-economic-challenges. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2022/10/24/pakistans-removal-from-fatf-is-no-panacea-for-countrys-economic-challenges/022> (дата обращения: 30.10.2022).

The Bilateral Relations. URL: https://ambislamabad.esteri.it/ambasciata_islamabad/en/i_rapporti_bilaterali/ (дата обращения: 03.11.2022).

Mango Festival in Pakistan Embassy, Rome, Italy. URL: <https://mofa.gov.pk/mango-festival-in-pakistan-embassy-rome-italy/> (дата обращения: 30.10.2022).

DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-188-193

К ИРАНО-ПАКИСТАНСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

© 2022

И. Е. Федорова¹

В статье рассматриваются основные тенденции развития ирано-пакистанских отношений на современном этапе. Приход на должность президента Исламской Республики Иран представителя консервативных кругов Эбрахима Раиси 2021 г. и избрание Шахбаза Шарифа в 2022 г. премьер-министром Исламской Республики Пакистан увеличивают интерес к этой теме. Главное внимание автор статьи уделяет политическому взаимодействию двух стран. Акцент делается на влиянии ситуации в Афганистане, сложившейся после вывода американских войск в 2021 г. на политику Тегерана и Исламабада. В статье освещаются проблемы на ирано-пакистанской границе, разделяющей пакистанскую провинцию Белуджистан и иранскую провинцию Систан и Белуджистан, которые играют особую роль при формировании отношений между двумя государствами. В статье отмечено, что, несмотря на острую нехватку энергоресурсов в Пакистане, экономическое сотрудничество в энергетической области с Ираном, который является естественным геоэкономическим поставщиком энергоносителей, развивается крайне медленно. Убедительно показывается негативное влияние санкционной политики США на развитие экономического взаимодействия между странами. Очевидно, что затронутые в статье проблемы актуальны и имеют значение как для анализа сегодняшней ситуации в регионе, так и для прогнозирования дальнейшего развития событий.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Исламская Республика Пакистан, Исламский Эмират Афганистан, Коалиция за освобождение Белуджистана.

Для цитирования: Федорова И. Е. К ирано-пакистанским отношениям. Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 3. С. 188–193. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-3-188-193

CURRENT STATE OF IRAN-PAKISTAN RELATIONS

Irina E. Fedorova

Current state of relations between Iran and Pakistan is shown in the article. Coming to power of president E. Raisi, a representative of conservative elite in the Islamic Republic of Iran in 2021 and election of Shahbaz Sharif as a prime minister in the Islamic Republic of Pakistan in 2022 increases attention to the subject. The article focuses on political relationship between the two countries. Special attention is paid to the situation in Afghanistan after the withdrawal of American troops in 2021 and its influence on the politics of Islamabad and Tehran. The author analyses problems on the Iran-Pakistan border, that divides Iranian province of Sistan and Baluchistan and Pakistani province of Baluchistan, that have great influence on the relations between the

¹ Федорова Ирина Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; f-irina51@mail.ru.

Irina E. Fedorova, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS IOS RAS; f-irina51@mail.ru. ORCID: 0000-0003-3819-830X.

two countries. The present study notes that in spite of the shortage of power resources in Pakistan, economic cooperation with Iran, that can be a natural supplier of energy to Pakistan, is developing at a too low rate. Negative influence of US sanctions against Iran on economic relations with Pakistan is convincingly shown in the article. Based on the arguments raised in the article, it is obvious that they are of considerable importance for assessing the current situation in Iran Pakistan relations and prospects of their development.

Key words: Islamic Republic of Iran, Islamic Republic of Pakistan, Islamic Emirate of Afghanistan, BRAS

For citation: Fedorova I. E. Current State of Iran-Pakistan Relations. Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN. 2022. 3. Pp. 188–193. DOI: 10.31696/2618-7302-20223-188-193

Развитие отношений с серьезным региональным игроком — Исламской Республикой Пакистан (ИРП) — де-факто ядерным государством, обладающим сильной армией, является одним из внешнеполитических приоритетов Исламской Республики Иран (ИРИ). Особое значение эти отношения приобрели в связи с выводом войск коалиции из Афганистана.

Политическое взаимодействие ИРИ и ИРП развивается поступательно, их объединяет общая позиция по ряду международных проблем. Среди них — палестинский вопрос, противодействие боевикам Исламского государства (запрещено в России), заинтересованность в обеспечении стабильности в регионе. Регулярно происходит обмен визитами на высоком и высшем уровнях. Лидеры встречаются и на полях международных конференций. Налажен поступательный диалог между руководством вооруженных сил обоих государств, Высшим советом национальной безопасности ИРИ и Советом национальной безопасности ИРП.

Что касается экономической кооперации между странами, то она развивается крайне медленно. Еще в 2006 г. Исламабад и Тегеран заключили Соглашение о преференциальной торговле (Preferential Trade Agreement), несмотря на которое официальный объем двусторонней торговли достигал перед пандемией 1,5 млрд долл, а в ныне составляет около 1 млрд долл. Это, безусловно, не отражает ее потенциальный уровень. Обе страны вынашивают амбициозные планы заключить Соглашение о свободной торговле (Free Trade Agreement)² и повысить уровень товарооборота до 5 млрд долл в год к 2023 г. Эти цели были поставлены во время работы 9-го заседания Совместного ирано-пакистанского торгового комитета (Iran — Pakistan Joint Trade Committee), проведенного в Тегеране в ноябре 2021 г.³

Наиболее перспективной областью развития экономической кооперации является энергетическое сотрудничество. Для Пакистана, испытывающего постоянный энергодефицит, Иран мог бы являться естественным геоэкономическим поставщиком энергоносителей.

Вопрос об увеличении поставок электроэнергии из Ирана в Пакистан, в частности, в один из беднейших районов Пакистана — Белуджистан — рассматривался на заседании Совместной торгово-экономической комиссии 17 августа 2022 г. Стоит отметить, что это была первая встреча после шестилетнего перерыва, по итогам которой стороны подписали ряд меморандумов о взаимопонимании в сфере энергетики, торговли, транспортных коммуникаций, туризма, СМИ, расширении культурного обмена и т.д.

Представляется, что реализация большинства из этих планов в текущих условиях может остаться на бумаге. Экспортная база Пакистана в Иран невелика (63% экспорта в Иран составляет рис), а отсутствие банковского канала для перевода платежей из-за санкций США, введенных

² Стороны подготовили проект Соглашения о свободной торговле в декабре 2017 г. Однако после выхода США из СВПД в 2018 г. и возобновления санкций против Ирана подобное соглашение перестало быть актуальным.

³ URL: <https://www.dawn.com/news/1656473> (дата обращения: 21.10.2022).

против Ирана, и зависимость Исламабада от Эр-Рияда, соперника Ирана в регионе, тормозят развитие взаимовыгодных экономических отношений. Причем несмотря на достаточно тесные отношения между Исламабадом и Вашингтоном Белый дом не предоставил ИРП исключений из санкционного режима, в отличие от Индии, Ирака и Турции. Отчасти это можно объяснить противодействием американской стороны укреплению каких-либо экономических отношений между Ираном и Пакистаном. На это обращают внимание пакистанские исследователи: «Позиция Вашингтона представляет собой дилемму для Пакистана»⁴. Отрицательное влияние оказывает и тот факт, что Иран находится в «черном списке» стран Международной организации по борьбе с финансовыми преступлениями (Financial Action Task Force, FATF), что затрудняет экономическое сотрудничество с ним. Для Пакистана, который только в октябре 2022 г. был выведен из «серого списка» этой организации, подобное сотрудничество может иметь нежелательные последствия.

Один из способов преодоления проблем, созданных США, Исламабад и Тегеран видят в использовании бартера в торговых операциях. В апреле 2022 г. Экономический координационный комитет (ЕСС) кабинета министров Пакистана утвердил юридический механизм барьерной торговли не только с Ираном, но и Афганистаном, банковские резервы которого были заморожены США.

События в Исламском Эмирате Афганистан находятся в центре внимания Тегерана и Исламабада. Еще до прихода радикального исламистского движения Талибан к власти Иран и Пакистан поддерживали контакты разной степени интенсивности с представителями различных группировок, входящих в движение. Однако после августа 2021 г. экономическая и политическая нестабильность в Афганистане привела к росту числа беженцев, около 85–90% которых приходится на Иран и Пакистан, и усилению деятельности террористических группировок на неподконтрольных Кабулу приграничных афганских территориях, увеличению количества приграничных конфликтов. Так, например, в декабре 2021 г. произошли столкновения в приграничной зоне между иранским Шагалаком и афганским Нимрозом из-за возведения Тегераном стены на границе, а в апреле 2022 г. — перестрелка в приграничном районе Ислам-Кала-Догхарун из-за строительства дороги⁵. У Пакистана также вызывают опасения сообщения о том, что исламская антиправительственная группировка Tehrik-e Taliban Pakistan (ТТП), проводившая террористические атаки на территории Пакистана, пользуется поддержкой в Кабуле и находит убежище на территории Афганистана.

Руководство и Исламской Республики Иран, и Исламской Республики Пакистан рассматривает политическую и экономическую нестабильность в этой стране как прямую угрозу своим национальным интересам, настаивая на создании инклюзивного правительства в Кабуле.

При этом ИРП и ИРИ заинтересованы в совместных усилиях со странами-соседями Афганистана, в первую очередь с Китаем, как для нивелирования таких угроз, так и для урегулирования ситуации в регионе в целом. Вместе с Москвой, Пекином, Душанбе, Ашхабадом и Ташкентом Исламабад и Тегеран принимают активное участие во встречах министров иностранных дел стран-соседей Афганистана. На третьей встрече в марте 2022 г. в г. Тунси (Китайская Народная Республика) участники подтвердили необходимость сохранения целостности и суверенитета Афганистана, создания инклюзивного правительства там.

⁴ URL: <https://www.dawn.com/news/1697633> (дата обращения: 12.10.2022).

⁵ URL: <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/Iran-closes-Afghan-border-crossing-after-skirmishes-with-Taliban/2571219> (дата обращения: 12.10.2022).

Совместные действия Ирана и Пакистана по урегулированию проблем, связанных с потоком беженцев, борьбой с наркотрафиком и трансграничной преступностью, а также оказание гуманитарной помощи Афганскому правительству обсуждались в июле 2022 г. в Тегеране министром иностранных дел Пакистана Билавал Бхутто Зардари и спецпредставителем президента ИРИ по Афганистану Хасаном Каземи Коми. Стороны подчеркнули, что взаимодействие с «Талибаном» (движение запрещено в РФ) необходимо для достижения безопасности в регионе.

При содействии Исламабада Тегеран возобновил экспорт нефтепродуктов в Афганистан, что важно в условиях заморозки финансовых активов Афганистана в банках США и Швейцарии. В то же время их подходы к методам движения Талибан различаются. Иран осудил действия режима в провинции Панджер, тогда как Пакистан принимал участие в военном подавлении сопротивления талибам там. Особую роль в этом сыграл генеральный директор Межведомственной разведки Пакистана (2019–2021) Фаиз Хамид, приехавший в начале сентября 2021 г. в Афганистан для помощи правительству талибов в преодолении сопротивления в провинции Панджер и урегулировании противоречий между различными группировками в движении талибан, например Кветской шурой и сетью Хаккани.

На повестке дня ирано-пакистанских переговоров стоят и вопросы безопасности 958-километровой общей границы. Несмотря на соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности (февраль 2013 г., январь 2017 г.) и попытки создания совместных приграничных сил быстрого реагирования (апрель 2019 г.), в провинциях Систан и Белуджистан (ИРИ) и Белуджистан (ИРП) активно действуют террористические религиозно-этнические группировки.

В Пакистане «Коалиция за освобождение Белуджистана», образованная в 2019 г. на основе «Армии освобождения Белуджистана», «Фронта освобождения Белуджистана» и «Республиканской армии Белуджистана», нападает на пакистанские и китайские объекты на юго-западе страны. Руководство организации выступает за независимость Белуджистана и от Ирана, и от Пакистана. Халиль Балох, лидер одной из националистических белуджских группировок, утверждает, что после того, как крупнейшая китайская военно-морская база в порте Гвадар будет построена, Белуджистан станет полностью зависим от Китая⁶. На наш взгляд, такая позиция белуджских сепаратистов могла бы измениться, если бы китайские инвесторы на территории Белуджистана стали вкладывать больше денег в местную инфраструктуру и, в частности, больше платить представителям племен, по территории которых проходит маршрут Китайско-пакистанского экономического коридора. Так, в январе 2022 г. боевики Коалиции атаковали погранично-пропускной пункт в районе Кеч, а в феврале подверглись нападению штаб-квартиры пограничных корпусов в гг. Панджгур и Ношки, расположенных недалеко от границы с Ираном.

По мнению пакистанских медийных кругов, террористическая организация «Коалиция за освобождение Белуджистана» имеет тренировочные базы на территории ИРИ. Такое мнение основывается на том, что при обысках пункта обмена валюты были найдены документы о субсидировании этой террористической организации иностранной разведкой, предположительно иранской⁷. А в 2016 г. Исламабад выразил подозрения, что и индийская внешняя разведка (Research and Analysis Wing) использует иранскую территорию для воздействия на белуджских сепаратистов с целью дестабилизации обстановки в ИРП.

⁶ URL: <https://topwar.ru/154928/beluzhskie-separatisty-gotovjatja-voevat-s-pakistanom>: html. (дата обращения: 12.10.2022).

⁷ URL: <https://www.trt.com/magazine/why-Pakistan-is-coming-hard-on-Iran/55499> (дата обращения: 12.11.2022).

Исламабад раздражает «бездействие» Тегерана, причину которого можно объяснить опасениями обострения национальных и религиозных противоречий в провинции Систан и Белуджистан (ИРИ).

В Иране же наиболее активны две группировки. Первая, «Джейш аль Адль» (Армия справедливости), преемница группировки «Джундалла», образованная Салахудином Фуруки в 2012 г., ведет подрывную деятельность с официально декларируемой целью защиты интересов белуджей-суннитов в ИРИ, а также выступает против политики Ирана в Сирии. Вторая, «Ансар аль Фуркан», образованная путем слияния «Ансар аль Иран» и «Хизбул Фуркан» в 2013 г. шейхом Абу Хафс аль Балучи с целью свержения правительства Ирана, имеет связи с фронтом «Ан-Нусра». Обе эти группировки ответственны за многочисленные теракты на юго-востоке Ирана. В Тегеране утверждают, что они тесно связаны с ЦРУ и Моссадом, а их базы расположены на территории не только Афганистана, но и Пакистана, оказывающего, по мнению иранских спецслужб, боевикам военную и финансовую помощь.

Озабоченность Ирана вызывает и терактивность боевых суннитских группировок в отношении шиитов Пакистана (40 млн чел., 20% населения), которые традиционно используются иранцами для обеспечения своих интересов и оказания влияния на внутривосточные процессы в ИРП.

В последнее время зафиксирована интенсификация действий ИРИ на этом направлении. Одними из основных контактов Тегерана по шиитской линии в Пакистане являются «Shia Ulema Council», возглавляемый Аллама Саджид Нагви, представителем Верховного лидера Ирана в ИРП, и «Imamia Student Organization» (ISO), созданная в 1972 г. для продвижения шиитских ценностей, тесно связанная с религиозными структурами в г. Кум (ИРИ). Согласно действующему уставу ISO, Верховный лидер Ирана является ее духовным руководителем. Проводником иранского влияния служит и партия «Majlis-e Wahdat-e Muslimeen», сформированная в 2009 г. в Исламабаде для защиты социально-политических и религиозных прав шиитов. Ее генеральный секретарь Аллама Раджа Насир Аббас Джафариджани считает аятоллу Хаменеи лидером всех мусульман в регионе. Руководство названных организаций подчеркивает идеологическое единство с ИРИ и активно пропагандирует иранские исламские ценности на своих веб-сайтах.

Среди пакистанских шиитов Тегеран вербует и бойцов в бригаду Зейнабиюн для участия в боевых действиях в Сирии (создана 2014 г. и насчитывает, по пакистанским оценкам, от 500 до 1000 чел.). Базой для вербовки служат пакистанские студенты из Международного университета Аль Мустафа в г. Кум (ИРИ) и его филиала в ИРП (г. Лахор), пакистанские паломники в Иране и шииты из беднейших районов ИРП. Рекрутинг добровольцев идет через шиитские мечети и интернет-ресурсы на урду. Пакистанские власти небезосновательно опасаются, что вернувшиеся из Сирии бойцы Зейнабиюн станут проводниками политики ИРИ, будут противодействовать радикальным суннитским группировкам, что приведет к усилению межконфессиональной напряженности. В этой связи были запрещены шиитские организации, такие как «Ansar-ul-Hussain», «Khatam-ul-Anbia» (г. Парачинар), рекрутирующие бойцов в Зейнабиюн.

Активно действуют в Пакистане и Культурные представительства ИРИ в гг. Равалпинди, Карачи, Пешаваре, Лахоре, занимающиеся пропагандой идеи Хомейни и созданием позитивного образа ИРИ.

Беспокойство в Тегеране вызывает поддержка Исламабадом Баку в ходе конфликтов в Нагорном Карабахе. На фоне развития военного и военно-технического сотрудничества между Пакистаном и Азербайджаном и проведения совместных военных учений Турции, Пакистана и Азербайджана в акватории Каспийского моря (сентябрь 2021 г.) Тегеран опасается усиления

влияния Турецкой Республики в регионе, которое неминуемо приведет к ослаблению позиций Ирана там.

После вступления в должность нового президента Ирана Э. Раиси и фокусирования внешней политики ИРИ на развитии взаимодействия с сопредельными Ирану странами следует ожидать активизации политики на пакистанском направлении. Приход Шахбаза Шарифа на пост премьер-министра Пакистана не изменит основных тенденций развития отношений между двумя странами. В перспективе возможно дальнейшее укрепление ирано-пакистанских политических связей на основе борьбы с терроризмом и взаимодействия в Афганистане. Зависимость Исламабада от США и Саудовской Аравии препятствует углублению экономического сотрудничества между Ираном и Пакистаном. В случае возобновления действия СВПД и снятия санкций с Ирана такое сотрудничество начнет развиваться более интенсивно. При этом ожидать существенного роста экономического сотрудничества при сохранении текущей ситуации, на наш взгляд, не приходится.

Литература / References

Электронные ресурсы / Electronic sources.

Карамид Д. Иран и Пакистан: расширяя торговые связи и противодействуя терроризму [Karami D. Promoting Trade and Resisting Terrorism (in Russian)]. URL: <https://ru.valdai.com./highlights/iran-pakistan-rasshiryaya-torgovie-svyazi-i-protivodeisvuya-terrorizmu/> (дата обращения: 21.10.2022).

Awan Z. Bright Future for Pakistan-Iran Relations. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2022/10/06/> (дата обращения: 21.10.2022).

No Limits to Development of Iran-Pakistan Ties: Raisi URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2022/09/21/2777150> (дата обращения: 21.10.2022).

Salami M. Iran-Pakistan Relations: Hopes and Fears. URL: <https://gulf.org/iran-pakistan-relations-hopes-and-fears/> (дата обращения: 21.10.2022).

Подписано в печать 19.12.2022. Формат 60x84/8
Бумага офсетная 80 г/м². Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Усл. печ. л. 22,79. Уч.-изд. л. 14,1.
Заказ №

Федеральное государственное
Бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А. О. Захаров
e-mail: ivran.izd@gmail.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Ципок, д. 28
тел. (495) 651-84-56